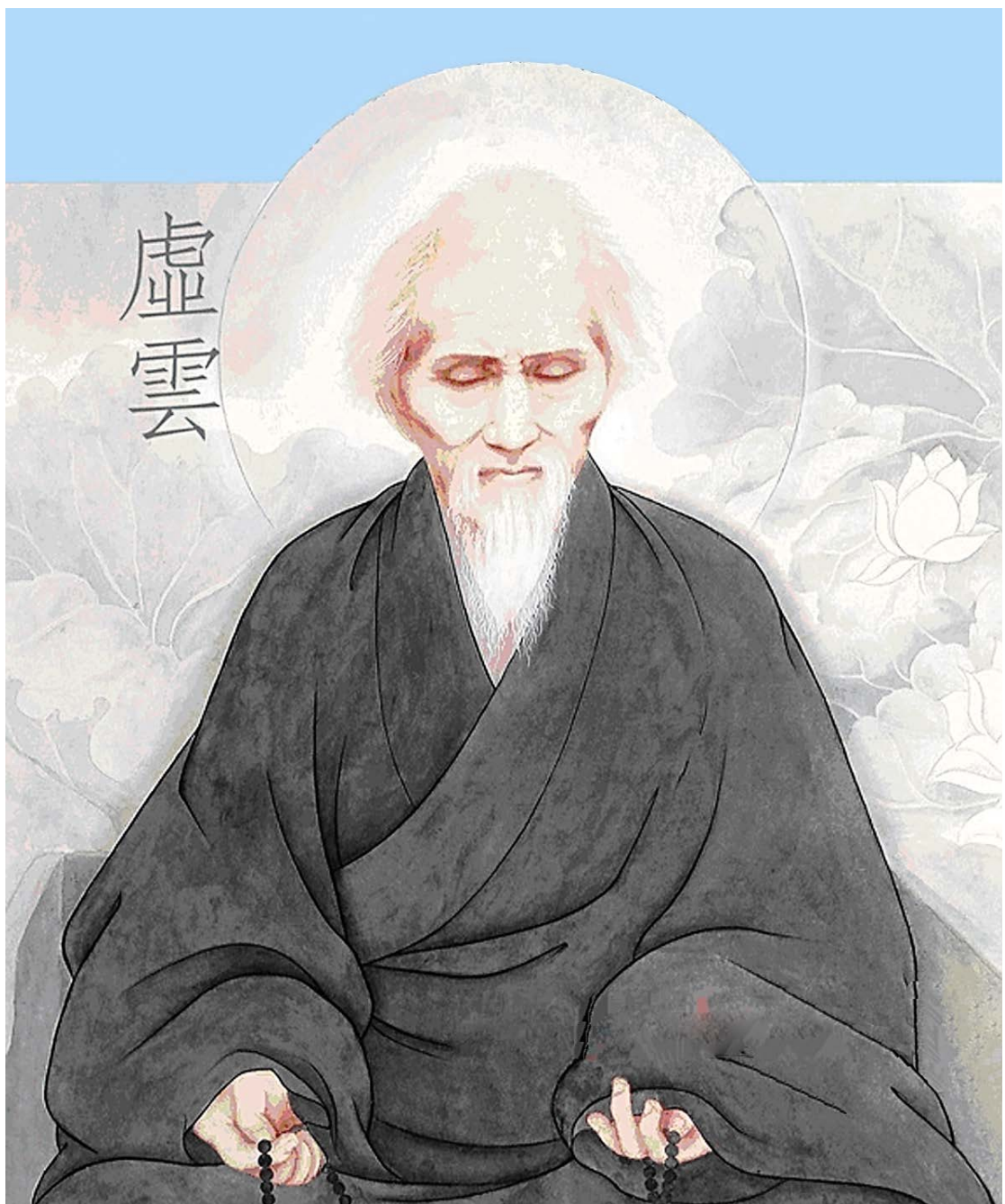

Сборник

Облако Пустоты.

*Жизнеописание и наставления великого
чаньского учителя Сюй-юня*

Аннотация

Сюй-юнь (1840–1959) – самый знаменитый просветленный учитель традиции чань XX в. в Китае. Он обрел просветление без помощи учителей и возродил находящиеся в упадке учения исключительно силой своего собственного прозрения, став чем-то вроде живой легенды своего времени. Его жизнь и пример вызывают такие же чувства благоговения и вдохновения в умах китайских буддистов, какие тибетские буддисты испытывают к Миларепе.

Книга содержит автобиографию Сюй-юня и его наставления. Первое издание книги вышло в свет в 1996 г. под названием «Порожнее облако». В настоящее исправленное и дополненное издание, сверенное с оригиналом на китайском языке, вошли новые материалы, в том числе наставления Сюй-юня на второй чаньской семинарке.

Вступление

К моменту ухода в мир иной Сюй-юнь был справедливо признан самым выдающимся китайским буддистом традиции чань своего времени в «Срединном государстве». Он стал чем-то вроде живой легенды. Его образ и его жизнь в умах китайских буддистов вызывают такие же чувства благоговения и вдохновения, какие тибетские буддисты испытывают к Миларепе. В места, где он в последние десятилетия своей жизни во время медитационных затворов давал наставления и читал проповеди, устремлялись сотни учеников, иногда их число достигало тысяч. Такой энтузиазм не наблюдался в китайских монастырях со времен династии Мин, когда жил наставник Хань-шань (1546–1623). В период упадка Дхармы этот выдающийся чаньский наставник начал реконструкцию храмов и возрождение учений, как и наставник Сюй-юнь спустя триста с лишним лет. Многие храмы, в которых Сюй-юнь останавливался в разные годы, представляли собой развалины – убогие тени былого величия. Он восстановил эти храмы и монастыри наряду с учениями, которые были их внутренним содержанием. Поэтому неудивительно, что Сюй-юнь вскоре получил прозвище «Хань-шань приходит вновь» или «Хань-шань вернулся», – их жизненные пути были во многом схожи. Оба после посвящения носили имя «Дэцин» и восстановили каждый в свое время монастырь Хуйнэна в Цаоси. Однако в отличие от своих великих предшественников династий Тан, Сун и Мин, нередко находящихся под официальным патронажем императора, Сюй-юнь жил в самое беспокойное для Китая и китайского буддизма время, время нескончаемых вспышек гражданских и международных конфликтов, когда повальная бедность была в порядке вещей.

И в этих жесточайших условиях к концу своего жизненного пути ему удалось восстановить десятки основных буддийских святынь, включая знаменитые монастыри Юньси, Наньхуа, Юньмэнь и Чжэньжу, а также многие храмы меньшей величины. Он основал множество буддийских школ и больниц. У него были последователи по всему Китаю, в Малайзии, Таиланде и других странах, где буддизм пустил свои корни. Во время пребывания наставника в Таиланде сам король, вдохновленный его примером, стал его учеником. Сделанное Сюй-юнем за его жизнь стало бы великим достижением даже в те времена, когда буддизм получал официальную поддержку. Но тот факт, что он практически возродил китайский буддизм во времена всеобщей нищеты и смуты, гораздо более примечателен и даже граничит с чудом. Сюй-юнь был со всей очевидностью пропитан благородным духом старых времен.

Реставрационные работы наставника часто принимали необычный поворот, будто скрытый резервуар всей китайской буддийской традиции хотел излить себя по-новому через эту личность.

На протяжении всей своей долгой подвижнической деятельности – и в благоприятных, и в неблагоприятных условиях – он оставался простым и скромным монахом. Встречавшиеся с ним люди, включая критично настроенных западных обозревателей, отмечали его абсолютное безразличие к своим достижениям. В то время, когда многие лишь разглагольствовали о дхарме, Сюй-юнь непреклонно делал свое дело, не затрагиваемый суматохой вокруг. Когда наставник отправлялся восстанавливать святыне места, при нем был только посох – его единственная «собственность». Выполнив поставленную задачу, он уходил с тем же посохом, ничего с собой не беря. Поднявшись на гору для восстановления

монастыря Чжэньжу, лежащего в развалинах, он поселился в коровнике. Несмотря на наличие больших средств, собранных последователями наставника на цели реставрации, он предпочитал жить в нем и после восстановления монастыря.

Наставник обрел просветление без помощи учителей и возродил находящиеся в упадке учения исключительно силой своего собственного прозрения.

Первая часть книги – биография Сюй-юня по 112 год его жизни, надиктованная им самим своим помощникам. События, происходившие далее вплоть до кончины Учителя в 1959 году, зарегистрированы его ближайшим окружением.

Повествование дополнено комментариями Цэнь Сюэлюя, издателя «Облака Пустоты» на китайском языке.

Автобиография Сюй-юня с 1-го по 112-й годы жизни

Мой 1-й год (1840–1841)

Я родился в административном центре уезда Цюаньчжоу в последний день седьмого месяца года с циклическими знаками *гэн-цзи*, на двадцатом году правления под девизом Дао-гуан (26 августа 1840 г.). Увидев, что произвела на свет некий мешок с плотью¹, моя мать испугалась. Подумав, что больше никогда не сможет вынашивать ребенка, она предалась отчаянию и отошла в мир иной. На следующий день в наш дом зашел старик – торговец целебными травами. Он вскрыл ножом мешок и извлек ребенка мужского пола, которого потом воспитывала мачеха.

Мой 11-й год (1850–1851)

Моя бабушка была в преклонном возрасте и, поскольку меня усыновил мой дядя с правом на наследство, она решила, что мне подобает взять в жены двух девиц из семей Тянь и Тань. Обе семьи принадлежали к хунаньскому чиновничеству и жили в провинции Фуцзянь. Мы дружили семьями в течение многих поколений. Той зимой бабушка покинула этот мир.

Мой 13-й год (1852–1853)

В том году я был рядом с отцом, когда гроб моей бабушки перевозили в Сянсян. Там ее похоронили. Пригласили монахов для совершения буддийских обрядов. Тогда я впервые увидел ритуальную утварь Трех сокро-

¹ Вероятно, у нее произошло выпадение матки.

вищ, которая мне пришлась по душе. В нашей домашней библиотеке было много буддийских сутр, и я поэтому имел возможность прочесть предание о Благоухающей горе и о том, как достиг просветления бодхисаттва Авалокитешвара. Это сильно повлияло на мой ум. На восьмом месяце мы отправились с дядей в паломничество в Наньюэ, где посетили несколько монастырей. У меня было чувство, будто мои прежние кармические устремления против того, чтобы я возвращался домой. Но поскольку мой дядя был очень строг, я не посмел рассказать ему о своих чувствах.

Мой 14-й год (1853–1854)

Отцу стало известно, что я хочу оставить дом и присоединиться к *сангхе*. Чтобы удержать меня, он нанял даоса Вана обучать меня даосской практике на дому. Учитель снабдил меня даосскими книгами, а также преподавал мне даосскую «внутреннюю» (*нэй-гун*) и «внешнюю» (*вай-гун*) технику. Мне не понравилось это учение, но я не посмел в этом признаться. Той зимой период траура по бабушке закончился. Отец оставил меня на полное попечение дяди и вернулся в Фуцзянь².

Мой 17-й год (1856–1857)

Последние три года я изучал даосизм дома. Я понял, что учение, с которым меня знакомят, не затрагивает сокровенных глубин³. Хотя во время занятий я чувствовал себя словно сидящим на иголках, я продол-

² Период траура по близким родственникам в конфуцианстве составляет три года. Вот почему отец Сюй-юня не вернулся в Фуцзянь раньше.

³ Видимо, в изложении даоса Вана это действительно так и было. На самом деле истинная природа, на которую указывают буддизм и даосизм, одна и та же. – *Ред.*

жал притворяться, не желая огорчать дядю. Я делал вид, что все идет хорошо. Чтобы избежать его бдительного ока, я занимался домашним хозяйством. Однажды, когда он ушел, я решил воспользоваться удобным моментом и сбежать. Собрав свои вещи, я направился в Наньюэ. Много трудных дорог и развилек осталось позади, но когда было пройдено почти полпути, меня догнал человек, посланный за мной, и вернул обратно. Меня и моего двоюродного брата Фуго отправили в Цюаньчжоу. Вскоре после этого по распоряжению отца привезли двух девиц из семей Тянь и Тань. Была отпразднована официальная свадьба, хотел я того или нет. Таким образом, меня подвергли «домашнему аресту». Я жил с двумя девицами, но не вступал с ними в интимные отношения. Я ознакомил их с буддадхармой, которой они вняли. Мой двоюродный брат Фуго заметил, что их тоже не волнует мирское, и также иногда беседовал с ними о дхарме. Таким образом, и наедине друг с другом, и на людях мы оставались целомудренными партнерами.

Мой 19-й год (1858–1859)

Я дал обет уйти от мира. Мой двоюродный брат разделил мое устремление. Тайком я навел справки о том, как добраться до гор Гушань в Фучжоу. Я написал «Песню кожаного мешка», которую оставил почитать двум девицам. Мы с Фуго убежали в монастырь Юнцюань (Бурлящий источник) на горе Гушань в Фучжоу. Там почтенный учитель Чан-кай обрил мне голову.

Мой 20-й год (1859–1860)

Я стал последователем наставника Мяо-ляня на горе Гушань и получил от него полное посвящение. Мне дали дхармовое имя Гу-ян, еще одно имя Янь-чэ и про-

звище Дэ-цин. Мой отец, работавший тогда в Цюань-чжоу, послал слуг разыскать меня. Мой двоюродный брат Фуго после своего полного посвящения отправился путешествовать в поисках просветленных учителей и больше никогда не давал о себе знать. Я укрылся в гроте за горой, где приносил свои покаяния мириадам будд, не осмеливаясь показаться наружу, тогда как время от времени появлявшиеся тигры и волки меня ничуть не пугали.

Мой 23-й год (1862–1863)

Подошел к концу трехлетний срок покаяний в грехах. Однажды с горы Гушань пришел некий монах и сказал: «Теперь тебе нет нужды скрываться. Твой старик-отец ушел в отставку в связи с преклонным возрастом и уехал домой. Старый учитель Мяо-лянь похвалил тебя за то, что ты так долго жил аскетом, но сказал, что кроме мудрости ты должен накапливать заслуги, вытекающие из добродетельных поступков. Ты можешь вернуться в горный храм, найти себе там работу и служить людям». После этого я вернулся в горный храм и получил работу.

Мой 25-й год (1864–1865)

Продолжал работу на горе Гушань. На двенадцатом месяце той зимы узнал, что мой отец скончался дома в Сянсяне. С тех пор я больше не навел справки о семье и ничего не слышал о родственниках.

Мой 27-й год (1866–1867)

Из Сянсяна приезжал человек. Он сообщил, что после смерти моего отца мачеха Ван со своими двумя невестками покинула дом и ушла в монастырь. Моей ма-

чехе Ван дали там дхармовое имя Мяо-цзин (Глубокая Чистота), моей жене Тянь – Чжэнь-цзе (Истинная Незапятнанность), а моей жене Тань – Цин-цзе (Чистое Целомудрие).

За четыре года я сменил несколько должностей в храме на горе Гушань. Я служил водоносом, садовником, уборщиком и жезлоносцем. Я брался за любую тяжелую работу, а от легкой отказывался. Иногда в храме распределяли пожертвования между монахами, но я никогда не брал своей доли. Каждый день я съедал лишь кружку рисовой размазни, но здоровье мое никогда еще не было таким крепким.

В те дни чаньский учитель Гу-юэ превосходил всех в храме в практике аскетизма, и я всякий раз, когда позволяли обстоятельства, подолгу с ним беседовал. Мне стало казаться, что работа, которую я выполнял все эти годы, в некоторой степени мешала моей практике. Я вспомнил учителя дхармы Сюань-цзана, который хотел отправиться в Индию в поисках сутр и за десять лет до того начал изучать санскрит и тренироваться физически. Каждый день он проходил по сто *ли*⁴. Он старался также воздерживаться от еды – сначала в течение одного полного дня. Постепенно он довел воздержание до определенного числа дней. Он готовил себя к условиям пустыни, где не всегда есть даже вода и трава. Если древние, стремясь к своей цели, были способны на такой аскетизм, то чем я хуже? Почему бы и мне, думал я, не последовать его примеру?

В конце концов я оставил все свои монастырские обязанности, роздал свою одежду монахам и, захватив рясу, пару штанов, башмаки, соломенный дождевик и

⁴ Ли – китайская единица измерения длины, приблизительно полкилометра.

коврик для сидения, вернулся в горный грот и стал жить в нем.

Мои 28-й, 29-й и 30-й годы (1867–1870)

Я прожил в гроте три года, питаюсь сосновыми иголками и зелеными побегами травы, а питьем моим была вода из горных ручьев. Со временем штаны и башмаки изнашивались, и только ряса прикрывала тело. Волосы и борода отрасли более чем на чи⁵, так что я завязывал волосы в узел. Мой взор стал огненным и пронзительным настолько, что встречные принимали меня за горного духа и убегали. Таким образом, я ни с кем не общался.

В течение первых двух лет затворничества я испытывал много необычных переживаний, но воздерживался от анализа и прогонял их, сдерживая ум однонаправленным повторением имени Будды. В горной глуши и среди болот на меня не набрасывались тигры и волки, не кусали змеи и насекомые. Я не жаждал ничьей симпатии и не ел домашней пищи. Лежа на земле и глядя в небо, я чувствовал, что все вещи – во мне самом. Я испытывал огромную радость, будто был *дэвом* (богом) четвертого неба дхьяны⁶. Я считал, что самое большое бедствие для мирского человека – наличие у него тела и рта. Я вспоминал одного древнего мудреца, который говорил, что его нищенская чаша может «заглушить звон тысяч колоколов»⁷. Поскольку у меня не было да-

⁵ Единица длины, равная 0,32 м.

⁶ Дэвы имеют только сознание.

⁷ Чаньский учитель Хань-шань (1546–1623) назвал свою чашу для подаяний (патру) «утварью, посрамляющей десять тысяч колоколов», имея в виду, что привязанность даже к ни-

же чаши, я испытывал безмерную свободу и ничто мне не могло помешать. Сознание мое было чисто и свободно, и с каждым днем я становился сильнее. Зрение и слух обострились, походка стала легкой настолько, что мне казалось, будто я летаю по воздуху. Не могу объяснить, как мне удалось достичь такого состояния. На третий год я мог, совершенно не уставая, в свое удовольствие передвигаться с места на место на любые расстояния, куда захочу. Было много гор, на которых можно было остановиться, и диких трав, которыми можно было питаться, так что я отправился странствовать по разным местам. Так незаметно прошел год.

Мой 31-й год (1870–1871)

Я добрался до горы в Вэньчжоу и обосновался в пещере. Зашел какой-то чаньский монах. Учтиво поклонившись, он сказал: «Я давно уже слышал о вашей высокой добродетели и пришел к вам с мольбой наставить меня».

Мне было очень стыдно слышать это, и я ответил: «Мои познания поверхностны, так как пока не представился случай встретиться с опытными учителями. Не могли бы вы проявить должное сострадание и дать мне некоторые указания относительно Дхармы?»

«Как долго вы ведете такой аскетический образ жизни?» – спросил он. Я поведал ему о своей практике, и он сказал: «У меня тоже не было возможности много узнать, так что я не могу давать указаний, но вы могли бы пойти в храм Лунцюань на вершине Хуадин горы Тяньтай и обратиться к учителю дхармы Жун-цзину, че-

щенской чаше может отвлечь сознание практикующего так же легко, как звон тысяч колоколов.

ловеку исключительно добродетельному. Он приверженец школы Тяньтай⁸. Он поможет вам достичь просветления».

Я взобрался на вершину Хуадин и дошел до храма, крытого соломой, у которого встретил монаха. Я спросил у него, где старый учитель дхармы. Он ответил, жестом указывая на одного из обитателей храма: «Это вон тот человек в залатанной рясе». Я подошел к учителю и совершил низкий поклон. Поскольку он не обратил на меня никакого внимания, я сказал: «Я пришел к вам с мольбою о наставлениях и надеюсь на вашу снисходительность».

Он долго смотрел на меня, потом спросил: «Ты монах, даос или мирянин?»

«Монах», – ответил я.

«Ты был посвящен?» – спросил он.

«Я получил полное посвящение», – ответил я.

«Как долго ты находишься в таком состоянии?» – спросил он. Когда я рассказал ему о своих исканиях, он спросил: «Кто обучал тебя такой практике?»

Я ответил: «Я занимался такой практикой потому, что древние достигали просветления посредством такого аскетизма».

Он сказал: «Ты знаешь, что древние дисциплинировали тело, но знаешь ли ты о том, что они также дисциплинировали сознание?» Затем он добавил: «Судя по

⁸ Ее основоположником был учитель Хуй-вэнь во времена династии Северная Ци (550–578), но ее окончательное укрепление имело место при учителе Чжи-и с горы Тяньтай из Тайчжоу, провинция Чжэцзян, отсюда и название школы. Она основывает свою практику на «Лотосовой сутре», «Махапаринирвана-сутре» и «Махапраджняпарамита-сутре». Ее цель – раскрытие тайн всех явлений методом «прекращения и созерцания» (*чжи-гуань*).

твоей теперешней практике, тебя можно сравнить с еретиком, находящимся на абсолютно ложном пути. На свои упражнения ты зря потратил десять лет. Даже если бы ты жил в пещере и пил воду из ручьев и тебе удалось бы прожить десять тысяч лет, ты всего лишь принадлежал бы к одному из десяти классов *риши* (бессмертных), перечисленных (в «Пятидесяти ложных состояниях») в «Шурангама сутре», и все еще был бы далек от Дао. Даже если бы тебе удалось продвинуться еще на один шаг, пожиная «первый плод»⁹, ты был бы лишь *пратъекабуддой*. Бодхисаттва же ищет совершенства будды на «верхнем» уровне во имя обращения и освобождения живых существ, находящихся здесь, «внизу». Его путь направлен на самоосвобождение ради освобождения других. Он вырывается за пределы мирского плана бытия, не покидая последнего.

Если твой метод – воздерживаться от еды и обходиться без штанов, то это всего лишь поиск необычного. Как ты можешь надеяться, что такая практика приведет к совершенному достижению?» Так учитель «уколот» в самое мое болезненное место, и я снова совершил низкий поклон, умоляя его дать мне наставления.

Он сказал: «Я буду тебя обучать. Если будешь должным образом выполнять мои наставления, можешь остаться здесь, но если не будешь – тебе придется уйти».

Я сказал: «Я пришел сюда за наставлениями, разве я смею не повиноваться?»

После этого учитель дал мне одежду и обувь и приказал обрить голову и принять ванну. Он дал мне рабо-

⁹ Срота-апанна, т. е. «вошедший в поток» святой жизни в медитации, но только с единственной целью достижения просветления лишь для себя.

ту и стал учить поискам глубинного смысла *гунъаня*¹⁰ «Кто тащит за собой этот труп?». С тех пор я снова стал есть рис и кашу и практиковать медитацию по системе школы тяньтай. Поскольку я работал усердно, учитель хвалил меня.

Мой 32-й год (1871–1872)

Во время пребывания в монастыре Лунцюань я помогал учителю, а он время от времени давал мне советы относительно того, как пробудить первозданную мудрость сокровенного сознания. Хотя учителю было более 80 лет, он строго соблюдал правила дисциплины (*вина*) и хорошо разбирался как в вопросах обучения, так и в чаньской практике. Он не раз приказывал мне занять место наставника и просвещать посетителей монастыря.

Мой 33-й год (1872–1873)

По распоряжению старого учителя я отправился в монастырь Гоцин изучать чаньскую практику, потом в монастырь Фангуан изучать доктрину *фахуа* (Цветок лотоса).

¹⁰ Гунъань (яп. коан) «Кто тащит за собой этот труп?» выявляет Сознание, или сокровенную природу, и ее превосходство над телом из четырех элементов. Когда Сознание отождествляет себя с телом, мы попадаем в положение «гостя» в самсаре, а когда осознаем, что наши иллюзорные тела – видоизменения, возникающие в неизменном Сознании, занимаем положение «хозяина» и воссоединяемся с неизменным. В чаньских монастырях привязанных к своему телесному «я» называют «охраняющими труп демонами».

Мой 34-й и 35-й годы (1873–1875)

Я оставался в монастыре Гоцин, изучал сутры и время от времени возвращался в храм Лунцюань для общения со старым учителем Жун-цзином.

Мой 36-й год (1875–1876)

Я отправился в монастырь Гаомин, чтобы послушать, какое толкование «Лотосовой сутры» дает учитель дхармы Мин-си. На том этапе я должен был попрощаться со старым учителем Жун-цзином, что не обошлось без грусти. В связи с этим я провел несколько вечеров в разговорах с ним, перед тем как его покинуть. Мы обменялись благопожеланиями, после чего я спустился с горы. Я прошел через Сюэдоу и прибыл в монастырь Юэлинь, где слушал толкование «Сутры Амитабхи». После этого я переправился через море к горе Путо, где встретил Новый год в храме Хоусы.

Мой 37-й год (1876–1877)

Из Путо я вернулся в Нинбо, где остановился в монастыре царя Ашоки, договорившись о питании за три доллара в месяц. Там я почтил реликвию (*шариру*) Шакьямуни Будды и две Питаки (Каноны хинаяны и махаяны), извлекая из этого пользу в отношении оплаты долга благодарности, не выплаченного мною родителям. Оттуда я отправился в монастырь Тянтун¹¹, где слушал комментарии к «Шурангама сутре».

¹¹ Расположен на горе Тяньтун в провинции Чжэцзян. Он был построен И-сином во времена династии Западная Цзинь в 300 г. и превратился в знаменитый чаньский центр смешанных направлений линьцзи и цаодун. Именно здесь выдающийся японский учитель Догэн (1200–1253) встретил своего китайского учителя Жу-цзина (1163–1228) во времена династии Сун.

Мой 38-й год (1877–1878)

Из Нинбо я отправился в Ханчжоу в паломничество с посещением Саньтяньчжу и других святых мест. На полпути с вершины горы Саньтяньчжу я навестил настоятеля Тянь-лана и ответственного за прием гостей монастыря Чан-суна, выразив им свое почтение. Я провел зиму в Ситяне.

Погода стояла жаркая, когда я возвращался из Нинбо в Ханчжоу, а пароход был слишком мал, чтобы вместить всех пассажиров. Некоторые из них лежали на палубе. Среди них были молодые женщины. Ночью, когда все спали, я почувствовал чье-то прикосновение. Я проснулся и увидел около себя девушку, которая сняла с себя одежду, предлагая мне свое обнаженное тело. Я не осмелился что-либо сказать. Живо поднявшись, я сел, скрестив ноги, и стал повторять мантру. Она застыла при виде этого. Если б я тогда повел себя глупо, у меня неизбежно ушла бы почва из-под ног. В связи с этим я всегда призывал всех приверженцев Дхармы быть настороже в подобных ситуациях.

Мой 39-й год (1878–1879)

В тот год я посетил монастырь Тяньнин и выразил свое почтение настоятелю Цин-гуану. Там я остался на зиму.

Мой 40-й год (1879–1880)

Я взобрался на гору Цзяошань и выразил свое почтение настоятелю Да-шю. Старший полицейский офицер Пэн Юйлин, остановившийся там, несколько раз настоятельно просил, чтобы я рассказал ему о буддад-

харме и ее практике. Я был объектом доверия и уважения.

Мой 41-й год (1880–1881)

В том году я посетил монастырь Цзиньшань и навестил учителей Гуань-синя, Синь-линя и Да-дина. Я сидел в медитации, в то время как проходила зима.

Мой 42-й год (1881–1882)

В тот год я посетил монастырь Гаоминь в Янчжоу и отдал дань почтения настоятелю Лан-хую. Я прожил там зиму и добился значительных успехов в чаньской практике.

Мой 43-й год (1882–1883)

Более двадцати лет прошло с тех пор, как я разорвал семейные узы, дабы расстаться с мирской жизнью. Поскольку мои духовные достижения были еще неполными и я не взялся ни за что по-настоящему, мне стало очень стыдно. Чтобы отдать свой долг благодарности родителям, я решил совершить паломничество в Путо на востоке, а оттуда в горы Утай (Пять вершин) на севере. Я пробыл несколько месяцев в Путо, где в покое среди прекрасных видов упрочился в своих обетах. В первый день седьмого лунного месяца я покинул крытый соломой храм Фахуа. Держа в руке горящие благовонные палочки, я отправился в путь к горе Утай. Я дал обет совершать низкие поклоны через каждые два шага на этом долгом пути, пока не доберусь до места назначения. На первом этапе этого путешествия меня сопровождали четыре чаньских монаха: Бянь-чжэнь, Цю-нин,

Шань-ся и Цзюэ-чэн. После переправы на пароме мы недолго путешествовали вместе, а когда остановились в Хучжоу, мои четыре спутника пошли своей дорогой в Сучжоу и в Чанчжоу, а я продолжал продвигаться дальше в одиночестве. Прибыв в Нанькин, я почтил ступу учителя Фа-жуна на горе Ньютоу¹². Потом переправился через реку на пути к горе Шицзышань (гора Льва) в Пукоу, где остановился в храме и встретил там Новый год.

Мой 44-й год (1883–1884)

В том году я шел, держа в руке горящие благовонные палочки, с горы Шицзышань на север провинции Цзянсу и достиг провинции Хэнань, по пути посещая Фэнъян, Хаочжоу, Хаолин и Суншань, месторасположение храма Шаолинь. Продвигаясь дальше, я в конце концов добрался до монастыря Байма (Белая Лошадь) в Лояне. Я шел днем и отдыхал ночью, невзирая на то, дул ли ветер или шел дождь, была ли погода хорошей или плохой. Таким образом, совершая низкие поклоны через каждые два шага, я воспевал имя бодхисаттвы Манджушри, сосредоточившись на этом всецело, не замечая ни голода, ни холода.

В первый день двенадцатого месяца я добрался до речной переправы Тесе на Хуанхэ, посетил гробницу императора Гуан-у и остановился на ближайшем постоялом дворе. На следующий день я переправился через реку, и когда оказался на другом берегу, было уже

¹² Современный Нанькин расположен там, где некогда был древний город Цзиньлин. Учитель Фа-жун (594–657) был учеником Дао-синя, четвертого чаньского патриарха, и настоятелем храма на горе Ньютоу, к югу от Нанькина.

темно, и я не решился идти дальше. Так как место было пустынным, я остановился там, найдя приют в крытой соломой хижине у дороги. Ночью было очень холодно, к тому же был сильный снегопад. Когда я открыл глаза на следующее утро, все вокруг хижины белело от снежного покрова более чем в один чи. Все дороги занесло, и вокруг не было ни души. Поскольку я не мог продолжить свой путь, я сел и начал воспевать имя Будды. Меня донимали голод и холод. У хижины не было даже двери. Я забился в угол. А снег все падал, холод и голод становились все сильнее. Я был на волосок от смерти, но, к счастью, даже в тяжелых обстоятельствах у меня сохранялась однонаправленная концентрация без разбрасывания на посторонние мысли. Прошел один день, другой, третий, все так же шел снег, голод и холод не отступали, постепенно я погрузился в смутное состояние сознания и на утро шестого дня едва заметил бледное солнце. Я был серьезно болен. На седьмой день ко мне зашел нищий и, увидев, что я сплю на снегу, обратился ко мне с вопросом, но я не мог говорить. Он понял, что я болен, вымел снег и, вытащив из крыши пучок соломы, развел костер. Потом он приготовил жидкой каши из желтого риса и накормил меня. Я согрелся и ожил.

Он спросил меня: «Вы откуда?»

«Из Путо», – ответил я.

«Куда направляетесь?» – спросил он.

«Я совершаю паломничество в горы Утай», – ответил я.

«А как вас зовут?» – поинтересовался я.

«Вэнь Цзи»¹³, – сказал он.

¹³ Согласно преданию, Манджушри дал обет сопровождать каждого паломника в его святое место (бодхимандалу) в горах

«Куда вы идете?» – спросил я.

«Я возвращаюсь с гор Утай в Чанъань», – ответил он.

Я спросил: «Раз уж вы были в горах Утай, то, наверное, знаете монахов из тамошних монастырей?»

«Каждый меня там знает», – сказал он.

Я спросил: «Как мне лучше всего пройти отсюда на Утай?»

Он ответил: «Через Мэнсянь, Хуайцин, Хуаншалин, Синьчжоу. Тайгу, Тайюань, Дайчжоу и Экоу. Оттуда прямо в горы. Когда вы сначала доберетесь до утеса Бимо, найдите монаха по имени Цин-и, южанина, он преуспел в аскезе».

Я спросил: «Далеко ли отсюда горы?»

«Немногим больше двух тысяч *ли*», – ответил он.

На рассвете этот нищий приготовил жидкой каши из желтого риса на талой воде. Указав пальцем на содержимое котелка, он спросил: «Вы ели это в Путо?»¹⁴

«Нет», – ответил я.

«А что вы там пили?» – спросил нищий.

«Воду», – ответил я.

Когда снег в котелке полностью растаял, он, указывая пальцем на воду, спросил: «Что это?»¹⁵

Утай. Говорят, что он появляется в виде нищего и в другом обличье, чтобы помочь паломникам. Китайские буддисты верят, что «Вэнь Цзи» в этом рассказе – на самом деле Манджушри (кит. Вэньшу), который хотел помочь учителю Сюй-юню.

¹⁴ Здесь Вэнь Цзи (Манджушри) испытывал учителя своим вопросом, который означает: «Мое сознание указывает на этот лед и задает вам этот вопрос», а также: «Вас учили выявлять глубины своего сознания в Путо?» Бодхисаттва продолжал испытывать учителя следующими вопросами, которых последний не понял, так как еще не достиг просветления.

¹⁵ Вода символизирует сокровенную природу и вопрос этот несет особую смысловую нагрузку.

Поскольку я не ответил, он спросил: «Чего вы добиваетесь, совершая паломничество в знаменитые горы Утай?»¹⁶

Я ответил: «Я потерял мать при рождении и хочу воздать ей должное за милость моего рождения».

Он сказал: «Как вы сможете преодолеть такое расстояние до Утая со своим мешком на спине в такой холод? Я советую вам отменить паломничество».

Я ответил: «Я дал обет и исполню его, сколько бы времени на это ни потребовалось и какие бы расстояния мне ни пришлось преодолеть».

Он сказал: «Ваш обет трудно исполнить. Сегодня погода улучшилась, но дороги все еще непроходимы из-за снега. Вы можете продолжить свой путь, идя по моим следам. Примерно в двадцати *ли* отсюда есть храм, в котором можно остановиться».

На этом мы расстались. Из-за глубокого снега я не мог совершать низкие поклоны, как раньше, лишь смотрел на следы с чувством уважения. Я добрался до монастыря Малый Цзиньшань и переночевал в нем. На следующее утро с благовонными палочками в руках я продолжил свое паломничество, пройдя через Мэнсянь. На пути из Мэнсяня в Хуайцин мне повстречался старый настоятель по имени Дэ-линь. Увидев, что я совершаю низкие поклоны на дороге, он подошел ко мне, взял мою скамеечку, благовонные палочки и сказал: «Достопочтенный господин приглашен в мой монастырь». Затем он позвал своих учеников и они отнесли мой багаж в храм, где мне оказали радушный прием.

¹⁶ Снова многозначительный вопрос, так как в чаньской практике ученика учат избегать привязанности к чему-либо, чтобы достичь абсолютного состояния, которое вне категорий приобретения и потери.

После того как в храме была подана еда и чай, хозяин спросил меня, откуда я начал свое паломничество с поклонами. Я рассказал ему, что, отправившись в паломничество из Путо два года назад, начал исполнять обет своего сыновнего долга благодарности родителям. Из нашей беседы настоятель узнал о том, что я получил посвящение на горе Гушань. По его щекам катились слезы, когда он рассказывал: «У меня было два чаньских спутника: один из Хэнъяна, а другой из Фучжоу. Мы втроем совершили паломничество в горы Утай. Пробыв со мной в этом монастыре тридцать лет, они покинули меня, и больше я ничего о них не слышал. Теперь, когда я слышу ваш хунаньский акцент и знаю, что вы ученик с горы Гушань, я словно снова общаюсь со своими старыми спутниками, и это меня глубоко трогает. Сейчас мне 85 лет. Поначалу источник годовых доходов монастыря был приличным, но в последние годы он уменьшился вследствие плохих урожаев. Этот сильный снегопад предвещает хороший урожай в будущем году, так что вы можете остаться здесь, достопочтенный господин». Со всей серьезностью и искренностью он стал уговаривать меня остаться на зиму и уговорил.

Мой 45-й год (1884–1885)

Во второй лунный месяц нового года я отправился из монастыря Хунфу в Хуайцин, совершая по пути воскурения. Потом снова вернулся в монастырь и пробыл там еще некоторое время, намереваясь вскоре его покинуть. На третий день я попрощался с настоятелем Дэлинем. Он плакал, не желая расставаться со мной. Прощаясь, я пожелал ему всяческих благ и отбыл. В тот же день я вернулся в Хуайцин. В окружении его стен был Малый Наньхай, известный также как Малый Путо.

Теснота не позволяла странствующим монахам даже развесить свои вещи, уж не говоря о том, чтобы переночевать. Я был вынужден покинуть город и провести ночь у дороги. В тот вечер я испытал острые приступы боли в животе. На четвертый день поутру я возобновил свое путешествие, но ночью меня трясла лихорадка. На пятый день я понял, что у меня дизентерия, но заставил себя идти дальше и совершать низкие поклоны и так продолжал в течение нескольких следующих дней. На тринадцатый день я добрался до горы Хуаншалин, на вершине которой стоял разрушенный храм, где с трудом можно было укрыться. Не в силах больше идти, я остановился там и ничего не ел. День и ночь десятки раз я бегал испражняться. В результате совершенно обессилел и не мог даже подняться и сделать несколько шагов. Поскольку храм находился на вершине безлюдной горы, я закрыл глаза и ждал своего конца без единой мысли сожаления.

На пятнадцатый день поздно ночью я увидел, что кто-то разводит костер у западной стены. Я подумал, что это вор, но когда пригляделся, увидел, что это нищий Вэнь Цзи. Я безумно обрадовался и окликнул: «Вэнь Цзи!» Он принес мне лучину, заменившую лампу, и сказал: «Почему это вы все еще здесь, уважаемый господин?» Я рассказал ему о том, что со мной случилось. Он сел подле меня, чтобы успокоить, и дал выпить чашку воды. После встречи с Вэнь Цзи в ту ночь я чувствовал себя очищенным телом и духом.

На шестнадцатый день Вэнь Цзи выстирал мою грязную одежду и приготовил для меня лекарство. На следующий день я оправился от болезни и, съев две чашки жидкой желтой рисовой каши, обильно пропотел. После этого я почувствовал воодушевление и прилив сил.

На восемнадцатый день, полностью поправившись, я выразил благодарность Вэнь Цзи, сказав: «Дважды мне угрожала опасность и дважды вы спасали меня. Трудно подыскать слова, способные выразить мою благодарность».

Вэнь Цзи сказал: «Пустяки, не за что благодарить». Когда я спросил его, где он был, он сказал: «В Чанъяни». На вопрос, куда он направляется, он ответил: «Я возвращаюсь в Утай».

Я сказал: «Я был болен, да и из-за поклонов, которые мне предстоит совершать в пути, я не смогу следовать за вами».

Он сказал: «Вам не удалось в этом году пройти много. Когда вы доберетесь до места назначения? Поскольку вы еще слабы, вам будет трудно продолжить путь. Низкие поклоны не обязательны, так же как и ваше паломничество».

Я ответил: «Я глубоко тронут вашими добрыми словами, но когда я родился, я не видел своей матери, умершей при родах. Я был единственным сыном у отца, но убежал от него, и из-за этого он ушел в отставку, что укоротило его жизнь. Мне нечем отплатить за как само небо безграничные благодеяния родителей и это не дает мне покоя уже много лет. Я дал обет отправиться в паломничество в горы Утай и молить бодхисаттву Манджушри защитить моих родителей и избавить их от страданий, чтобы у них появилась возможность как можно быстрее получить рождение в Чистой Земле. Несмотря на многие предстоящие трудности, я должен добраться до святого места. Уж лучше умереть, чем не исполнить данный обет».

Вэнь Цзи сказал: «Такая искренняя сыновняя почтительность, как ваша, поистине редка. Я сейчас возвращаюсь в горы и, поскольку не спешу, буду вас сопрово-

ждать и понесу ваши вещи. Таким образом, вы сможете совершать свои поклоны, освободившись от ноши, и достичь полной однонаправленной сосредоточенности сознания».

Я сказал: «Если так, то заслуги ваши будут по достоинству оценены. Если мне удастся продолжить свои поклоны на всем пути до гор Утай, я разделю свои заслуги на две части: одну преподнесу родителям, чтобы они смогли как можно быстрее достичь просветления (бодхи), а другую – вам, мой господин, за то, что спасли мне жизнь. Вы согласны?»

Он сказал: «Я этого не заслуживаю. Вы думаете о сыновней почтительности, тогда как мое участие – всего лишь счастливое совпадение, так что, пожалуйста, не благодарите меня».

Все четыре дня, пока я набирался сил, Вэнь Цзи заботился обо мне. Так как он вызвался нести мои вещи и готовить пищу, я продолжил свое паломничество и поклоны на девятнадцатый день, хотя все еще ощущал слабость. Все иллюзорные представления внезапно исчезли и я больше не был связан внешним, освободившись от ложных мыслей внутри. Мое здоровье постепенно восстанавливалось. Тело с каждым днем набирало силу. С рассвета до наступления темноты я продолжал идти, совершая низкие поклоны, покрывая в день расстояние в сорок пять *ли* и не чувствуя при этом усталости.

В конце третьего лунного месяца я добрался до монастыря Лисян в Тайгу, где от монаха, ответственного за прием гостей, узнал, что настоятель в данный момент наставляет своих подопечных или занят чем-то вроде этого. Он внимательно посмотрел на Вэнь Цзи и спросил меня: «Кто этот человек?» Когда я рассказал ему свою историю, он сделал резкое замечание: «Вы

странствующий монах и понятия не имеете, что здесь творится. Последние годы в этих северных районах свирепствует страшный голод, а вы, тем не менее, все же намерены продолжить свое паломничество в Утай. Вы выглядите таким важным, даже слуга у вас есть! Если вы просто хотите доставить себе удовольствие, то зачем тут шляться? Кроме того, в каком, интересно знать, монастыре предлагают остановиться мирянам?»

Я не посмел ответить на такое замечание и, извинившись, собрался уходить. Гостевой управляющий сказал: «Нет таких правил, которые позволяли бы такое. Вам захотелось, и вы пришли, но кто вас сюда приглашал?!»

Видя, что его не урезонить, я сказал: «Этот господин остановится на постоялом дворе, но что касается меня, могу ли я побеспокоить вас просьбой о предоставлении мне ночлега?»

Гостевой управляющий сказал: «Это можно устроить». Вэнь Цзи сказал: «До гор Утай не так уж далеко. Я доберусь туда первым, а вы приходите туда в удобное для вас время. Что касается ваших вещей, то скоро объявится человек, который доставит их на место».

Хотя я сделал все возможное, чтобы удержать его, Вэнь Цзи не захотел оставаться. Я достал несколько мелких монет и предложил ему, но он, отказавшись их взять, отправился в путь.

После этого гостевой управляющий изменился в лице, которое стало приветливым, и любезно проводил меня в спальное помещение. Он вскипятил воду для чая и, приготовив немного лапши, разделил трапезу со мной. Удивленный перемене его отношения ко мне, я огляделся и, не обнаружив никого в поле зрения, спросил: «А сколько у вас здесь монахов?»

Он ответил: «Я провел много лет в других местах,

но вернулся сюда руководить монастырем. На протяжении последних нескольких лет здесь свирепствовал страшный голод, остался один я, и, кроме лапши, вся еда закончилась. Я просто пошутил поначалу. Пожалуйста, не обижайтесь».

Услышав это, я был расстроен настолько, что не знал, как реагировать, и с трудом проглотил полчашки лапши. Потом я попрощался с этим монахом и, несмотря на то что он изо всех сил старался меня удержать, я не собирался оставаться.

Я покинул монастырь и бродил по городу, заходя на постоянные дворы в попытке найти Вэнь Цзи, но безуспешно. Все это было восемнадцатого дня четвертого месяца, и луна светила ярко. Решив догнать Вэнь Цзи, я ночью направился в Тайюань, совершая низкие поклоны на каждом третьем шагу. Я испытывал острое чувство нетерпения, и на следующий день вследствие моего возбуждения у меня пошла кровь из носа. На двадцатый день я добрался до монастыря Байюнь (Белые Облака) в Хуантугоу. Гостевой управляющий монастыря заметил на моих губах запекшуюся кровь, что было следствием кровотечения, и отказал мне в длительном приюте, но неохотно позволил остаться на ночь. Рано утром двадцать первого дня я прибыл в монастырь Цзилэ в Тайюане. Мне не разрешили там остановиться, зато всяческих оскорблений и упреков я наслушался вдоволь.

На двадцать второй день я покинул город ранним утром. За северными воротами я встретил молодого монаха по имени Вэнь-сянь. Он подошел ко мне, освободил от груза скамеечки и вещей и пригласил в свой храм, обращаясь со мной как с родным. Он проводил меня в комнату настоятеля. Мы вместе поели и выпили чаю. Во время нашей непринужденной беседы я спро-

сил: «Достопочтенный господин, вам немногим более двадцати лет и вы не уроженец здешних мест, так кто дал вам должность настоятеля?»

Он ответил: «Мой отец был здешним чиновником в течение многих лет, но когда его перевели в уезд Пинь-ян, его убил один предатель министр. Моя мать предалась гневу и скорби, тогда как я, подавляя слезы, присоединился к сангхе. Знатные люди и чиновники, с которыми я был знаком, попросили меня позаботиться об этом монастыре, который я уже давно собираюсь покинуть. Теперь, когда я вижу сколь уважаемым человеком вы являетесь, я с великим удовольствием приглашаю вас здесь остаться с надеждой получить от вас наставления». Когда я рассказал настоятелю о своем обете совершить паломничество с низкими поклонами и воскурениями, он проявил ко мне большое уважение и стал настаивать на том, чтобы я остался хотя бы на десять дней. Он предложил мне одежду и оплату дорожных расходов, но я отказался от этого. Когда я покидал его, он, неся мою скамеечку, прошел за мной более десяти *ли*. Потом, расплакавшись, простился.

В первый день пятого месяца я отправился в Синь-чжоу. Однажды во время моего очередного низкого поклона на дороге повозка, запряженная лошадьми, догнала меня, но замедлила движение и не стала обгонять. Я сошел на обочину, чтобы ее пропустить. Из повозки вышел чиновник и спросил: «Какую цель преследует достопочтенный господин, совершая низкие поклоны на дороге?» Я объяснил ему, для чего это делаю, и поскольку чиновник был также родом из провинции Хунань, мы с ним приятно побеседовали. Он сказал: «Если такова ваша цель, то, поскольку я в данный момент остановился в монастыре Байюнь в Экоу, который вам не миновать по дороге в горы Утай, позвольте мне взять

ваш багаж и доставить его в монастырь». Я поблагодарил его. Он положил мои пожитки на повозку и поехал дальше. Я продолжил свой путь, совершая обычные поклоны и воскурения, без промедлений. В середине пятого месяца я добрался до монастыря Байюнь, где останавливался военный чиновник, взявший мой багаж. Он пригласил меня в свою штаб-квартиру на территории монастыря, где мне было оказано всяческое внимание. Там я провел три дня. Когда я расставался с ним, он предлагал мне деньги на дорожные расходы и прочие подарки, от коих я вежливо отказался. Тем не менее он послал сопровождающих, чтобы доставить мой багаж и некоторую сумму денег в монастырь Сяньтун¹⁷.

С зажженными благовонными палочками я добрался до грота Бимо на горе Гуйфэн. Потом направился к Шицзыво (пещера Льва) и Лундуну (пещера Дракона). Все эти места неописуемо красивы. Но, совершая воскурения и низкие поклоны, я не мог в полной мере оценить эту красоту. На исходе пятого месяца я прибыл в монастырь Сяньтун, где получил свой багаж, доставленный туда солдатами. Сначала я отправился в окрестные храмы, где совершал воскурения и наводил справки о Вэнь Цзи. Его никто не знал, но позже, когда я упомянул об этом нищем в разговоре с одним пожилым монахом, тот, соединив ладони в знак почтения, сказал: «Это было явление бодхисаттвы Манджушри». Тогда я простерся ниц, воздавая хвалу бодхисаттве¹⁸.

На 22-й день я начал совершать воскурения наряду

¹⁷ Монастырь Сяньтун был построен в 58–75 гг. Второй по древности буддийский монастырь в Китае. В нем 400 залов, расположенных на площади в 20 акров.

¹⁸ Это было в исполнение предсказания Вэнь Цзи, что некто возьмет заботы о багаже Сюй-юня до гор Утай.

с обычными поклонами на ходу и двумя днями позже добрался до восточной вершины. В ту ночь луна светила ярко, а звезды сверкали как бриллианты. Я вошел в каменный храм, совершил воскурение и стал произносить молитвы и читать сутры. Просидев там в медитации в течение семи дней, я спустился с вершины горы и отдал дань почтения пещере Нараяны. Находясь там, я обнаружил, что мои запасы еды кончаются. В первый день шестого лунного месяца я возвратился в монастырь Сяньтун. Во второй день начал восхождение на вершину Хуаянь (Аватамсака), совершая по пути воскурения. Я провел там ночь. На третий день с чувством благоговения посетил северную вершину, после чего провел ночь на центральной вершине. На четвертый день я совершил ритуальные обряды на западной вершине и снова провел ночь в горах. На пятый – возвратился в монастырь Сяньтун. На седьмой – отдал дань почтения южной вершине, где провел в чаньской медитации семь дней. На пятнадцатый день я спустился с южной вершины, возвращаясь в монастырь Сяньтун, чтобы посетить Великое Молитвенное Собрание, проводившееся в шестом лунном месяце. Таким образом, данный мною тремя годами раньше обет молиться о спасении моих родителей был полностью исполнен.

В течение всех этих лет, за исключением периодов болезни, шквальных ветров и снегопадов, мешавших совершать воскурения и поклоны, мое сознание пребывало в состоянии полной концентрации. Несмотря на трудности путешествия, сердце мое было преисполнено радостью. Каждый раз я имел возможность испытать силу духа в неблагоприятных условиях, и чем труднее мне было, тем спокойнее становилось на сердце. Таким образом, я постиг, что древние имели в виду, говоря: «Избавляясь от части старых привычек, становишься

ближе к свету мудрости; перенося все тяготы, обретаешь часть бодхи».

Красивейшие пейзажи, представавшие перед моим взором во время путешествия из Путо в Чжэцзян, Чжунчжоу, Хуанхэ и Дайхан, были многочисленны и совершенно неописуемы. Детальные описания таких мест даны как в современных, так и в многочисленных древних записках о путешествиях, но по достоинству оценить их красоту нельзя, не очутившись там непосредственно. К примеру, чистое святое место, горы Утай, где воссиял Манджушри и где пред взором предстают бездонные холодные пропасти, покрытые вечными снегами с каменными мостами, пересекающими их, и павильонами, нависшими над пустотой, – такого больше нигде не увидишь. Поскольку я был занят совершением воскурений и поклонов, у меня практически не было времени наслаждаться этими видами. Когда я исполнил свой обет, который, собственно, и был причиной моего пребывания там, я не хотел дать повода горным богам посмеяться над моим глупым любопытством. В конце Великого Молитвенного Собрания я совершил восхождение на вершину горы Дало, где отдал дань почтения «светочам мудрости», появляющимся там, судя по рассказам. В первую ночь я ничего не увидел, но во вторую увидел большой светящийся шар, летящий от Северной вершины к Центральной вершине. Там он опустился и вскоре распался на шары разного размера, число которых превышало десять. В ту же ночь я увидел на центральной вершине три светящихся шара, летающих в воздухе вверх и вниз, а на северной вершине – четыре светящихся шара различного размера.

На десятый день седьмого месяца я, коленопреклонный, отдал дань почтения бодхисаттве Манджушри, после чего спустился с горы. С вершины Хуаянь я направился на север и прибыл в Даин, к югу от Хуньюаня,

где посетил северную вершину горы Хэншань, на которую совершил восхождение через перевал Хуфэн. Там я увидел каменную арку с надписью «Первая гора Севера». Прибыв в храм, я увидел лестничный пролет, такой высокий, что он казался уходящим в небо, и целый лес каменных стел. Я совершил воскурения и спустился с горы.

Вскоре после этого я добрался до уезда Пинъян (Линьфэн), где посетил «Южную и Северную пещеры Бессмертных». К югу от города я обнаружил храм императора Яо (прав. 2357–2255 до н. э.). Храм был поистине грандиозен и впечатляющ. Продвигаясь на юг, я добрался до деревни Луцунь уезда Пучжоу (на юго-западе провинции Шаньси), где посетил расположенный поблизости храм Гуань Юя (династия Хань). Я пересек Хуанхэ и преодолел перевал Дунгуань, оказавшись в провинции Шаньси, где из Хуайня совершил восхождение на гору Тайхуашань и нанес визит почтения в храм Западной Вершины Хуашань. Карабкаясь по крутой расщелине Цяньчичуан (Стяг в тысячу *чи*) и проходя через ущелье Байчися (Ущелье в сто *чи*) и по рву Лацзюнь Лигоу, я наблюдал красивейшие пейзажи. Я оставался там в общей сложности дней восемь и, поскольку всегда восхищался подвигами двух древних святых, Бо-и и Шу-ци, посетил гору Шоуян, чтобы почтить их память. Вскоре я достиг юго-западной части провинции Шэнси, где посетил храм Гуаньинь на горе Сяншань и гробницу Чжуанвана. Оттуда направился в провинцию Ганьсу и добрался до горы Кунтун через Цзинчуань и Пинлян. Так как год уже был на исходе, я вернулся в храм Гуаньинь, где встретил Новый год.

Мой 46-й год (1885–1886)

Той весной я покинул монастырь Гуаньинь на горе Сяншань и пошел с запада через заставу Дацин дальше

в провинцию Шэньси. Пройдя через Яочжоу и Сань-юань, я в конце концов добрался до Сяньяна, где увидел историческое грушевое дерево, под которым некогда жил древний адепт Чжао-бай. Прибыв в Чанъань с его внушительной стеной, я обнаружил множество исторических развалин. К северо-востоку от города находился монастырь Цыэнь¹⁹, внутри которого была Пагода диких гусей – семиэтажная ступа со знаменитыми каллиграфическими надписями, вырезанными на камне, некоторые из которых были созданы еще при династии Тан; также там были несторианские мемориальные стелы. Перед конфуцианской школой префектуры простирался лес из более чем семиста мемориальных стел. К востоку от города мост Бацяо с семидесятью двумя пролетами с павильоном в ивах. Преодолев тройные ворота заставы Янгуань, я пошел дальше и остановился у монастыря Хуаянь, где отдал дань почтения ступе учителя Ду-шуня²⁰ и имперского учителя Цин-ляна²¹. Затем я отправился в храм Ньютоу и в монастырь Синго, в котором почтил ступу учителя дхармы Сюань-цзана (600–664).

¹⁹ Монастырь Цыэнь, или монастырь Сострадательного Милосердия, был построен наследным принцем Дай-цзуном в 648 г. Пагода была построена по проекту Сюань-цзана в 652 г. с целью разместить массивные коллекции сутр, привезенные в Китай из Индии. Сюань-цзан после своего возвращения перевел более 1300 произведений.

²⁰ Ду-шунь (558–640) – первый патриарх школы хуаянь в Китае. Известен своим сочинением «Созерцание дхармадхату» (*Фа цзе гуань*).

²¹ Иначе – Чэн-гуань (738–840). Известный комментатор и имперский духовный наставник шести следующих друг за другом императоров династии Тан.

Продолжая путешествие, я достиг восточной вершины гор Утай, Чжуннаньшань, а потом Сянгупо, монастыря Баоцзан и пристанища Байшуйлан, места, в котором некогда обитали двое святых отшельников-монахов. Я посетил бывшее пристанище Цзун-ми²² в пещере Иньдун.

На восточной вершине гор Утай я посетил учителей Цзюэ-лана, Е-кайя, Фа-жэня, Ти-аня и Фа-сина, которые построили там хижины и предлагали мне остаться с ними. Фа-жэнь жил в Тигровом логове. Е-кай расположился под Благородным драконовым кедром, а Фа-син обосновался в пещере Сян-цзы вместе с Цзюэ-ланом и Ти-анем, тогда как я остановился в большой хижине. Рано утром на первый день третьего месяца я вдруг увидел за домом в небе дождь падающих звезд в небе и смотрел на них, пока он не начал заканчиваться. Не знаю, что это предвещало.

Мои 47-й и 48-й годы (1886–1887)

В эти годы я поначалу жил в хижине на южной вершине горы Утай и практиковал чань с моими упомянутыми выше друзьями, опытными духовными подвижниками, из общения с которыми я извлек очень большую пользу.

На второй месяц я спустился с этой горы и направился к горе Цуйвэй, где отдал дань почтения монастырю Хуанюй. Оттуда я направился к горам Цинхуа и монастырю Цзинье на горе Аньшань, а по пути почтил ступу Дао-сюаня²³. Вскоре я прибыл в монастырь Цао-

²² Цзун-ми (777–841) – 5-й патриарх школы хуаянь (аватамсака) в Китае.

²³ Патриарх школы лу, практикующей *винаю*.

тан, где почтил святое место Кумарадживы²⁴. Затем посетил гору Тайбай, высота которой составляла 108 *ли* (на самом деле 3078 м) и на которой даже в летнюю жару не тает снег. Оттуда я прибыл в монастыри Эрбань и Дабань и в конечном итоге добрался до вершины Далунчи (Пруд великого дракона), где воды этого пруда делятся на четыре горных потока. Пройдя через город Цзыу, я достиг округа Ханьчжун, где посетил много исторических мест, таких как терраса, на которой император династии Хань Гао-цзу отдавал дань уважения своим генералам, храм Чжугэ Ляна в Баочэне и вечный огонь в честь Чжан Фэя. Миновав Лундун и пройдя через заставу Тяньсюн, я достиг Малого Эмэйя, заставы Цзяньмэнь (Ворота меча), монастыря Боюй, заставы Байма и гробницы Пан-туна и наконец прибыл в храм Вэнь-чан в провинции Сычуань. Преодолевая препятствия на пути по этой местности, мне пришлось подняться на гору Цицью (Семь изгибов) и пересечь поток Цзюцью (Девять изгибов), не говоря уже о заставе Цзяньмэнь, которая на самом деле походила на лезвие меча, перекинувшегося мостом между двумя крутыми скалами, как бы в подтверждение древнего изречения, что здесь один воин отразит нападение армии из десяти тысяч солдат.

Наверху располагался город Цзянвэй, где Бо Юэ некогда командовал гарнизоном. Было трудно пройти по дощатому мосту, перекинутому через пропасть, неда-

²⁴ Выдающийся учитель, родом из Кучаня, пришедший в Китай в IV в. Известен рядом переводов *сутр*, выполненных с помощью талантливого китайского помощника, Сэн-чжао. Захваченный в плен во время войны, Кумараджива был доставлен в Чанъань (современный Сиань), где был основан центр переводов. Он умер там в 412 г.

ром древние говорили, что «легче подняться в небо». Продолжая путь, я достиг округа Наньсинь к югу от Гуанханя, где остановился в монастыре Баогуан и встретил там Новый год. Я шел в одиночку, имея при себе лишь чашу и монашеское платье, не обремененный лишней ношей, шел по горам куда глаза глядят и пересекал реки, а красота природы помогала очистить сознание.

Мой 49-й год (1888–1889)

В первый месяц я покинул монастырь Баогуан и начал свое путешествие по направлению к столице провинции Сычуань, Чэнду. Там я почтил зал Манджушри в монастыре Чжаоцзюэ, а также монастырь Цаотан и храм Цинъян. Оттуда, пройдя через Хуаян и Шуанлю, я направился на юг и подошел к уездам Мэйшань и Хунъя и шел дальше до тех пор, пока не достиг подножия горы Эмэй. После посещения пещеры Цзюлао при храме Фуху (где некогда Чжао Гунмин практиковал даосизм) я взобрался на вершину Цзиньдин горы Эмэй, где совершил воскрешения.

Ночью я увидел над головой нечто подобное созвездию – бесчисленные «огни Будды», красота которых была неопишима. Я навестил настоятеля Инчжэня в монастыре Баогуан, где остановился на десять дней. Из монастыря Ваньянь, в котором почтил зал Вайрочаны, я спустился с горы и пошел дальше, пока не достиг Ячжоу. Пройдя через уезд Жунцзин, я достиг Лудина вблизи западной границы провинции Сычуань и на пятом месяце пересек реку Лу. Недалеко от города Яаня через реку Дафу перекинут подвесной мост Лудин на металлических цепях, в 300 *чжанов* длиной (103 м). Он раскачивался, когда по нему шли, что требовало боль-

шой осторожности и обычно пугало путников. Двигаясь на восток, я прошел через Дацзяньлу, Литан (также называемый Лихуа), Батан (также называемый Баань) и оттуда, пойдя на север, достиг Цамдо. Продолжая свое путешествие на запад, я прибыл в Шиду, в Аланьдо²⁵ и Лари, где обширная территория была скудно заселена ханьцами, тибетцами, монголами и дикими племенами, говорившими на отличных друг от друга языках, лишь немногие из которых говорили по-китайски. В Литане есть священная гора Гонгкар (7556 м), святое место для последователей тибетского буддизма. В Батане очень высокие горы, а город Цамдо расположен в месте слияния рек. Большинство людей в этом районе были приверженцами ламаизма. Из Лари я пошел на юг и добрался до Цзянда (вероятно, Гямда), за которой начиналась тибетская граница. Продолжая свое путешествие через границу в Тибет, я переправился через реку Усуцзян²⁶, а потом через реку Лхаса и вскоре прибыл в Лхасу, столицу и объединенный административно-религиозный центр всего Тибета.

К северо-западу от города возвышалась гора Потала, на которой расположился в 13 уровнях дворец Потала. Его здания сверкали золотом на фоне голубого неба во всем своем внушительном величии. Именно здесь «Живой Будда», Далай-Лама, восседал на своем троне в окружении 20 тысяч монахов. Поскольку я не понимал по-тибетски, я просто посетил монастыри, совершая возжигания и отдавая дань почтения «Живому

²⁵ Шиду и Аланьдо – китайские транскрипции местных географических названий. К счастью, Лари может быть легко идентифицирован и дает представление о его окрестностях.

²⁶ Усуцзян, вероятно, приток реки Брахмапутра (Ярлун Цзанпо).

Будде».

Из Лхасы я направился на запад и, пройдя через Гонгкар и Цзянцзы, достиг Шигацзэ, к западу от которого находился монастырь Ташилунпо. Это было большое и красивое сооружение, занимавшее площадь в несколько квадратных *ли* и являвшееся административным и религиозным центром Западного Тибета, где другой «Живой Будда», Панчен Лама, восседал на своем троне в окружении четырех или пяти тысяч монахов. Во время своего путешествия из провинции Сычуань в Тибет, на что ушел год, я передвигался днем и отдыхал ночью. Зачастую я не встречал ни одной живой души в течение нескольких дней, поднимаясь в горы или переправляясь через реки. Птицы и звери были не такими, как в Китае, и обычаи также отличались от наших обычаев. Их сангха не предусматривала соблюдения монашеских правил, и в большинстве своем монахи ели говядину и баранину. Они разделялись на секты, знаком различия которых были красные и желтые шапки. Я думал о днях Соборания Чжэтанганы и не мог сдержать слезы²⁷. Так как год приближался к концу, я вернулся из

²⁷ Буддийская сангха обычно запрещает мясоедение, и Сюй-юнь вводил решительные реформы в китайских монастырях везде, где обнаруживал случаи мясоедения. Следовательно, он был шокирован тем, что употребление в пищу мяса было, как он обнаружил, весьма обычным делом для тибетских буддистов. Тибетский климат и почва не очень-то способствуют получению хороших урожаев овощей, а урожаи злаковых культур зачастую скудны. Таким образом, в силу простой необходимости тибетские монахи часто употребляют мясо. Ячмень и просо иногда дают неплохой урожай, но редко в количествах, достаточных для удовлетворения всех потребностей. Сюй-юнь придерживался строгой вегетарианской диеты весь период своего пребывания в Тибете и, очевидно, находил соответствующую пищу

Шигацзэ в Лхасу и встретил там Новый год.

Мой 50-й год (1889–1890)

Мне не хотелось оставаться в Тибете, и с наступлением весны я отправился на юг через Лага и Ядун (иначе называемый Маотунь), который был воротами в Индию из Тибета. Я прибыл в Бутан, перейдя через горные цепи, названия которых были мне неизвестны, хотя я однажды слышал, как их называли «Луковичным хребтом» или «Снежным хребтом» (Гималаи).

У меня в стихотворении об этом есть строки:

Что горизонт рассекает,
Теряясь в ясности пустоты?
В этом мире, словно из серебра,
Не уступающем блеском нефриту.

Оказавшись в Индии, я добрался до города Янпу²⁸, где совершил паломничество в различные святыне мес-

для поддержания тонуса. Предписания винаи однозначно не исключают применения мяса в качестве пищи, главным образом потому, что монахи, как правило, просят милостыню или едят то, что их благодетели им предлагают. В Китае предписания винаи связывают с «Брахмоджала сутрой», которая действительно исключает употребление мяса, подобно «Ланкаватара сутре». Таким образом, в Китае канон явно запрещает мясоедение.

²⁸ Вероятно, Бенарес. Иногда невозможно определить иностранные географические имена в китайской транслитерации, которая зачастую носит произвольный характер. Например, в описании Сюй-юня своего пребывания в Тибете два одинаковых фонетических ряда используются для идентификации совершенно разных мест, хотя, к счастью, их легко было определить, следя за его маршрутом.

та. Позже я прибыл в великий бенгальский город Калькутту, откуда морем направился на Цейлон. Будучи там, я продолжал свое паломничество по святым местам, после чего снова морем добрался уже до Бирмы. Там я посетил великую Золотую Пагоду (в Рангуне). Вблизи Моламьяйна, в Цзидили²⁹ я увидел необычный валун, возложенный, по преданию, на скалистом выступе Маудгальяной в древние времена. Многие преданные ему последователи приходили туда, чтобы отдать дань почтения.

На седьмом месяце я возвратился в Китай. Продвигаясь из Лашию, я прошел через заставу Ханьлун и вступил на территорию провинции Юньнань. Пройдя через Няньнин, Лунлин, Цзиндун, Мэнхуа, Чжаочжоу и Сягуань, я достиг Дали. Там я посетил великое озеро Эрхай, шум водопадов которого был слышен на несколько *ли* вокруг. Это было самое замечательное зрелище.

Когда я вернулся в Китай, моим первым обетом было посещение горы Петушина Ступня (*Цзи цзу*), где я хотел почтить Махакашьяпу, который считал гору священной и на которой, по преданию, находясь в пещере, он был погружен в самадхи и ожидал будущего будду, Майтрею. От озера Эрхай я направился на северо-восток и через Васэ, Байдань, Пинша, Шаньцзяо и храм Даван в Аньбане достиг арки архитектурного ансамбля Линшань (пик Стервятника) у подножия горы Петушина Ступня. На полпути к вершине находилась терраса Мингэ, где, как говорят, в былые времена остановились

²⁹ Цзидили – это Кяй Кхтиё, вблизи Моламьяйна. Благочестивые бирманские буддисты покрывают эту скалу золотой фольгой, которая иногда в течение нескольких лет выполняет свою защитную функцию.

восемь принцев, следовавших за Махакашьяпой. Они не могли заставить себя расстаться с ним и, по преданию, остались на этой горе и продолжали свою практику здесь, став божествами – защитниками дхармы (теперь им отдавали дань почтения в близлежащем храме Даван).

Я взобрался на гору, достигнув пещеры-святыни Махакашьяпы с его изображением внутри. Говорят, когда Ананда пришел туда, чтобы отдать дань почтения, каменная дверь пещеры открылась сама собой. Это была высокогорная пещера, закрытая каменной стеной, напоминающей двери, которые называются «Хуашо-умэнь» (Врата распускающегося цветка)³⁰, и за ней, как гласит предание, сидел Махакашьяпа, погруженный в самадхи. Эти двери, закрывающие вход в пещеру, напоминают огромные городские ворота в несколько сотен футов высотой и более сотни футов толщиной. Обе части дверей были сомкнуты, но линия стыка между ними четко просматривалась.

В тот день было много посетителей, сопровождаемых местными проводниками. Когда я совершал воскурения и поклоны, трижды прозвучал большой колокол. Сердца местного люда преисполнились радостью и благоговением. Кто-то сказал, что «всякий раз, когда здесь появляется просветленный человек, слышится

³⁰ Двери пещеры-гробницы Махакашьяпы были названы «Воротами распускающегося цветка» в память о «Цветковой проповеди» Будды, во время которой он держал цветок в поднятой руке, указывая таким образом непосредственно на Высшее Сознание. Махакашьяпа был единственным учеником, понимающим глубочайшее значение этого жеста, на который ответил улыбкой. Чаньская традиция считает этот эпизод началом «Передачи Высшего Сознания». Махакашьяпа считается первым индийским патриархом школы чань.

звон колокола, бьет барабан или играет музыкальный инструмент. Мы все слышали о барабане и музыкальном инструменте, которые раз или два отмечали такие знаменательные даты, но пока еще никогда не слышали звона большого колокола. Судя по тому, что вы пришли сюда сегодня отдать дань почтения и прозвучал большой колокол, не является ли это верным признаком того, что вы обрели Дао?» Я тут же стал отрицать, что достоин такого приветственного знака внимания со стороны колокола. Это был последний день седьмого месяца.

Затем я совершил восхождение на вершину Тяньчжу (Небесный столп). Это была самая высокая вершина этой горы и расстояние между ней и подножием составляло тридцать *ли* (приблизительно 15 км). На ней располагались бронзовая гробница и ступа Шурангамы. Согласно летописям горы Петушина Ступня, там некогда было 360 отшельнических приютов и 72 храма, из которых теперь сохранилось не более десяти. В более поздние времена монахи стали походить на мирян, и храмы в качестве собственности стали переходить по наследству из поколения в поколение, причем каждая община присваивала себе какой-то храм и не позволяла посторонним монахам останавливаться в них даже на короткий срок. Я вспомнил о процветании древних центров дхармы, сравнивая их с нынешним упадком, и не мог удержаться от вздоха сожаления. Несмотря на сильное желание вернуть этим местам их прежнее величие, я не знал, представится ли такая возможность.

Я спустился с горы через вершины Лянван и Цзюфэн и наконец достиг Юньнани. Далее я перешел через горы Шуйму, Линцю и Цзыси и достиг округа Чусюн. Там я остановился в монастыре Гаодин к западу от него. Вскоре после моего прибытия в монастырь он напол-

нился ароматом орхидей. В храме настоятель монастыря поздравил меня в связи с таким редким событием. Настоятель подошел ко мне и сказал: «Это божественное благоухание присутствовало здесь всего несколько раз за всю историю. Согласно преданию, на этой горе растут божественные невидимые орхидеи, которые источают свой аромат только тогда, когда ее посещает просветленный. Поскольку вся гора сегодня благоухает, это, должно быть, связано с вашей высочайшей добродетелью». Он был предельно учтив и настаивал на том, чтобы я оставался как можно дольше. Поскольку я спешил вернуться в свою родную провинцию Хунань, я вежливо отклонил его настоятельную просьбу. На следующий день я покинул монастырь и через округа Куньмин и Цюйцзин добрался до Пиньи, на границе с провинцией Гуйчжоу. Я продолжал идти на восток через Гуйян и Чжэньюань и после долгого пути достиг Маяна и Чжицзяна на западе Хунани. Я продолжил свое путешествие через округ Баоцин и прибыл в Хэнъян. Там я нанес визит почтения учителю Хэн-чжи на горе Цишань. Пробыв там десять дней, я снова пошел на север.

Прибыв в Учан провинции Хубэй, я посетил монастырь Баотун и отдал дань уважения настоятелю Чжи-мо. Изучив метод «Покаяния великого сострадания» (*Да бэй чань*), предписываемый Гуаньинь, я направился в Цзюцзян, где совершил восхождение на гору Лушань и почтил настоятеля Чжи-шань в монастыре Хайхуй. Находясь там, я присоединился к церемонии воспевания имени Будды. Затем, прибыв в провинцию Анхой и посетив гору Хуаншань, я совершил восхождение на гору Цзюхуа³¹ и почтил ступу бодхисаттвы Кши-

³¹ Гора Цзюхуа (1841 м). Одна из четырех священных буддийских гор. Бодхимандапа из хребта Дицзан (Кшитигарбха) или «Земное изваяние» бодхисаттвы (пров. Анхой).

тигарбхи и храм Байсуй. Я также приветствовал низким поклоном настоятеля Бао-у, поборника строгой аскезы, которому не было равных по невозмутимости. Затем переправился через реку к горе Баохуа и засвидетельствовал свое почтение настоятелю Шэн-сину, который уговорил меня встретиться с ним Новый год.

На протяжении этих двух лет я преодолел расстояние в десять тысяч *ли*. Я всегда шел пешком, за исключением тех случаев, когда приходилось пересекать моря. Я переходил вброд реки и взбирался на горы, не страшась дождей, ветров, морозов и снегопадов. Пейзажи сменялись каждый день, но мое сознание было чисто, одиноко сияя, как полная луна в небе. Здоровье мое крепло и поступь убыстрялась. Я не испытывал особых трудностей в пути. Наоборот, я осознал всю пагубность своего прежнего пропитанного эгоизмом существования. Древние верно говорили, что «прочитав десять тысяч книг, следует пройти десять тысяч *ли*».

Мой 51-й год (1890–1891)

Я прибыл в Исин (провинция Цзянсу), где засвидетельствовал свое почтение настоятелю Жэнь-чжи. Хотя в монастыре Сяньцин (в котором Цзун-ми, пятый хуаяньский патриарх, присоединился к буддийской сангхе) шел ремонт, я провел в нем лето. Затем я отправился в Цзюйжун, где нанес визит почтения настоятелю Фажэню. Я помогал ему производить ремонт монастыря Чишань и провел там зиму.

Мой 52-й год (1891–1892)

В Нанькине я остановился у настоятеля Сун-яня и помогал ему в ремонте монастыря Цзинчэн. *Унасака*

Ян Жэньшань часто навещал меня и мы беседовали с ним о «Хетувидья шастре»³² (*Инь мин лунь*) и о «Шастре Светоча праджни» (*Божэ дэн лунь*)³³. Я оставался в монастыре Цзинчэн всю зиму.

Мой 53-й год (1892–1893)

Вместе с учителями Пу-чжао, Юэ-ся и Инь-лянем я совершил восхождение на гору Цзюхуа. Мы привели в порядок хижины на вершине Цуйфэн и расположились там. Учитель Пу-чжао дал разъяснение пяти направлений школы хуаянь. Поскольку учение Сянь-шоу³⁴ уже давно было предано забвению, люди, услышавшие о том, что его опять проповедуют, толпами приходили послушать. С той поры учение Сянь-шоу снова ожило в этом регионе, к югу от Янцзы.

Мой 54-й год (1893–1894)

Я оставался на вершине Цуйфэн и изучал сутры. Приехал учитель дхармы Ди-сянь, и мы провели все лето в горах. Потом он направился в Цзиньшань на зиму.

³² «Хетувидья шастра». Одна из пяти *панчавидья шастр*, объясняющих логическими категориями причинность, или науку о причинной обусловленности (*хету*). Основоположником этой школы был Акшапада.

³³ Комментарий Бхававивеки к стихам, посвященным высказываниям Нагарджуны в духе мадхьямаки.

³⁴ Сянь-шоу (643–712) был третьим патриархом школы хуаянь и плодовитым комментатором. Поскольку в Китае было пять патриархов этой школы и каждый давал свои толкования, книги этой школы состоят из пяти частей. Сянь-шоу означает «мудрая голова». Имя свое он получил в знак признания его мудрости. Он также известен как Фа-цзан.

В следующем году я оставался на Цуйфэне и изучал сутры.

Мой 56-й год (1895–1896)

Настоятель Юэ-лан из монастыря Гаоминь в Янчжоу прибыл в Цзюхуа и сообщил нам, что один из его покровителей по имени Чжу обещал оказать финансовую поддержку в проведении двенадцатинедельной медитации, включая текущие четыре недели. Он также сказал, что старый учитель Фа-жэнь из Чишаня возвратился в свой монастырь с надеждой, что все мы прибудем туда и поможем ему в организации этого мероприятия. С приближением дня открытия меня попросили покинуть гору первым. Добравшись до порта Диган в Датуне, я пошел вдоль берега реки. Вода в реке поднималась. Я хотел переправиться через реку, но лодочник запросил шесть монет. Поскольку у меня не было ни гроша, лодка отплыла без меня. Продолжая идти, я неожиданно поскользнулся, упал в воду и меня понесло течение. Я плыл по воле волн целый день и ночь, пока не оказался у порогов Цайши, где какой-то рыбак случайно поймал меня сетью. Поскольку на мне была монашеская ряса, он позвал монаха из храма Баоцзи, который узнал меня потому, что мы раньше останавливались вместе в монастыре Цзиньшань. Он испугался, подумав, что моей жизни грозит опасность, и воскликнул: «Это учитель Дэ-цин!» (т. е. Сюй-юнь, ранее, когда становился монахом, получивший имя Дэ-цин). Потом меня отнесли в храм, где привели в чувство. Из-за того, что меня било и мотало туда-сюда в бурлящем потоке, у меня шла кровь изо рта, из носа, из ануса и гениталий. Проведя несколько дней в монастыре Баоцзи, я вернулся в монастырь Гаоминь. Когда я встретил распорядителя (*кармадана*), он заметил, что я был бледен и из-

можден, и спросил, не болен ли я. Я ответил «нет». Затем я навел на настоятеля Юэ-лана. Расспросив меня о посещении горы Цзюхуа, он тут же попросил занять временную должность в организации приближающихся недель медитации. Я вежливо отклонил его просьбу, ничего не сказав о своем падении в воду, и просто попросил разрешить мне посетить эти мероприятия. Согласно дисциплинарным правилам монастыря Гаоминь, отказ от должности, предложенной настоятелем, считался оскорблением всей монашеской общины. Таким образом, я был признан правонарушителем и должен был быть наказан ударами деревянной палкой. Я принял наказание без слов, но здоровье мое ухудшилось. У меня были постоянные кровотечения, кроме того, с мочой выходили капли семенной жидкости. В ожидании смерти я упорно сидел день и ночь в зале для медитации с все возрастающим рвением. Достигнув глубокой концентрации ума в своей медитации, я совершенно позабыл о своем теле и двадцатью днями позже моя болезнь совершенно прошла. Когда настоятель с порогов Цайши принес мне одежду для участия в собрании, он с восхищением убедился, что я излучал здоровье. Затем он рассказал о том, как я упал в воду, и все монахи начали относиться ко мне с большим уважением. Меня в силу этого пощадили, освободив от работы в зале, так что я смог продолжить свою медитацию.

С тех пор как все мои мысли внезапно остановились, моя практика стала одинаково продуктивной и днем и ночью. Я двигался так быстро, как будто летал по воздуху. Однажды вечером после выполнения намеченной медитации я открыл глаза и увидел яркий свет, будто днем, который позволял мне видеть все внутри монастыря и за его пределами. Через стену я видел, как ответственный за светильники и благовония монах справляет малую нужду во дворе, видел монаха-гостя в

отхожем месте и где-то далеко – лодки, снующие по реке, вдоль обоих берегов которой росли деревья. Все это было отчетливо видно. Случилось это во время третьего ночного бдения. На следующее утро я спросил монаха, ответственного за благовония, и монаха-гостя, соответствуют ли действительности мои ночные видения, и они оба подтвердили это. Зная, что это переживание – всего лишь временное состояние, достигнутое мною, я не стал придавать большого значения его странности. В двенадцатый лунный месяц, на третью ночь практики пришел дежурный монах, чтобы наполнить наши чашки чаем после того, как мы закончили очередную медитацию. Горячая жидкость случайно выплеснулась мне на руку и я уронил чашку. Упав на пол, чашка разбилась вдребезги, и это отсекло корень сомнений, и я возрадовался при жизни, будто очнулся ото сна. Я вспомнил о том, как покидал дом, и о том, как вел жизнь скитальца, о том, как заболел, живя в хижине на берегу Хуанхэ, и о трудных вопросах, заданных мне мирянином Вэнь Цзи, который спас меня.

Что бы сказал Вэнь Цзи, если бы я тогда опрокинул ударом ноги его котелок и печку?³⁵ Если бы я не упал в воду и не заболел бы серьезно, я бы не оставался равнодушным как к благоприятным, так и к враждебным жизненным ситуациям. Я бы прожил жизнь напрасно и не испытал бы сегодня такого переживания. Тогда я продекламировал следующую гатху:

Чашка упала на пол
С оглушительным дребезгом.
Пустота разлетелась осколками,
Бешеный ум утих.

³⁵ Если бы тогда я опрокинул ударом ноги котелок и печку Вэнь Цзи, чтобы стереть все следы внешнего и выявить свою истинную природу, то что бы он тогда сказал?

Я сложил еще одну гатху:

Мне руку обожгло, разбилась чашка,
Семья распалась, близких нет – о чем
тут говорить.
Весна³⁶ настала, аромат кругом – цветы
повсюду,
Горы и реки, вся земля суть Татхагата.

Мой 57-й год (1896–1897)

Летом того года я прибыл в монастырь Цзиньшань в Чжэньцзяне, где остановился, чтобы уделить время изучению дисциплинарных правил. Старый настоятель Да-дин позволил мне остаться там на зиму.

Мой 58-й год (1897–1898)

Возвратившись в монастырь Цзиньшань после совершенного мною паломничества на гору Ланшань в знак почтения бодхисаттве Махастхаме, я получил приглашение от настоятеля Дао-мина отправиться к нему в Янчжоу и стать его помощником в монастыре Чжуннин. В четвертом месяце года учитель дхармы Тун-чжи трактовал «Шурангама сутру» на горе Цзяошань. Присутствовало около тысячи человек. Он попросил меня помочь ему в толковании этой сутры, и после того, как я это сделал, я покинул собравшихся и спустился с горы.

³⁶ «Весна» символизирует просветление, после которого «аромат» блаженства распространяется повсюду. Горы, реки и огромная земля – иллюзорные формы, которые сутью своей представляют Татхагату или «подобие» тела Будды. «Шурангама сутра» говорит о «благоухающей форме» или «удивительной форме», имея в виду удивительный облик внешнего мира, воспринимаемый органами чувств, преображенными мудростью.

Родившись, я потерял мать, которую мне не удалось увидеть. Я видел в доме только ее портрет, и каждый раз, когда я думал о ней, мое сердце надрывалось. Ранее я дал обет отправиться в монастырь Ашоки (Аюй-ван), почтить останки Будды и опалить огнем палец в качестве жертвоприношения Будде во имя спасения моей любимой матери. Теперь я намеревался исполнить свой обет и отправился в Нинбо (где находился монастырь Ашоки). В то время учитель дхармы Хуаньжэнь и чаньский учитель Цзи-чань (известный также под именем «Осьмипалый аскет») были во главе монастыря Тяньтун (вблизи Нинбо), а учитель Хай-ань составлял летопись горы Ашоки. Все они просили меня помочь им, но поскольку я прибыл туда с намерением исполнить свой обет, я вежливо им отказал. В монастыре Ашоки я почтил останки Будды, и каждый день, начиная с третьего ночного бдения вплоть до вечерней медитации, за исключением тех случаев, когда я находился в главном зале, я использовал только свою подстилку вместо монастырских подушечек, совершая три тысячи низких поклонов. Однажды ночью, совершая чаньскую медитацию – будто во сне, – я неожиданно увидел ослепительно яркого золотого дракона длиной во многие *чи*. Он спустился с неба, подлетев к бассейну у зала реликвий. Потом я вскарабкался на его спину и воспарил в небо. Мы прилетели туда, где горы, реки, деревья и цветы неописуемо красивы, а дворцы и их палаты изысканно грандиозны. В одной из комнат я увидел свою мать и крикнул: «Мама, пожалуйста, поезжай на этом драконе в Западный Рай (Будды Амитабхи)». Когда дракон снова опустился, я, потрясенный, очнулся. Мое тело и сознание были в полном порядке, и смысл видения был совершенно ясен. Так единственный раз в жизни я видел свою мать.

С тех пор каждый день, когда появлялись посетители, желающие увидеть останки Будды в этом зале, я всегда был сопровождающим. Впечатления посетителей относительно останков сильно различались. Я смотрел на них много раз. В первый раз они мне показались размером с зерно маша и темно-пурпурного цвета. В середине десятого месяца, после того как я отдал дань почтения хинаянским и махаянским трипитакам³⁷, я снова пришел посмотреть на них. Они были того же размера, но на этот раз представились в виде сверкающих красных жемчужин. Поскольку мне не терпелось посмотреть, каким трансформациям они подвергнутся дальше, я снова совершил ритуальные поклоны и почувствовал боль во всем теле. Теперь останки казались крупнее зеленой фасоли, наполовину желтыми и наполовину белыми. Тогда я понял, что их размер и цвет изменяются в зависимости от возможностей органов чувств посетителя. Желая поскорее увидеть дальнейшие трансформации, я увеличил число поклонов, но в начале одиннадцатого месяца серьезно заболел. Я не мог продолжать наблюдение, и поскольку мое заболевание обострилось, меня отправили лечиться, но лекарства не помогали. Я не мог даже сидеть и лежал все время.

Старший монах Сянь-цинъ, смотритель Цзун-лян и девица Лу делали все, чтобы спасти меня, но безуспешно, и уже думали, что приближается конец моего кармического пребывания в этом мире. Хотя я был го-

³⁷ Трипитака, или «Три корзины», буддийского канона, что соответствует разделению священных книг на три раздела: Виная-питака, или дисциплинарные правила; Сутра-питака, или сутры и беседы Будды, а также Абхидхарма-питака, или шастры и комментарии.

тов позволить болезни следовать своему курсу, я был очень озабочен тем, что не успел опалить палец (во исполнение своего обета). На шестнадцатый день мою хижину посетили восемь человек. Они думали, что болезнь моя была не серьезной, и пришли специально для того, чтобы помочь мне опалить палец. Я вспомнил, что эта церемония была назначена на следующий день, и настоял на том, чтобы они приняли участие согласно договоренности. Старший монах и все, кто был с ним, не одобрили это намерение в связи с возможным риском. Я разразился слезами и сказал: «Кто может избежать смерти? Я хотел искупить долг перед своей матерью и дал обет опалить палец. На что мне жизнь, если я должен теперь отменить свое решение? Я готов умереть...»

Смотритель Цзун-лянь, которому был 21 год, услышав мою мольбу, со слезами на глазах сказал: «Не волнуйтесь, я заплачу за завтрашнюю вегетарианскую пищу и все устрою для вас». Я соединил ладони в знак благодарности. Семнадцатого дня рано утром пришел Цзун-лянь с братом по дхарме Цзун-синем, чтобы помочь мне опалить палец. Несколько человек помогли мне добраться до главного зала, где вместе с собравшимися я почтил Будду, исполнив ритуал и продекламировав обеты и правила, а также «Строфы покаяния» (*Чань-хуй вэнь*). Я сосредоточенно произносил имя Будды и молился, прося его даровать духовное освобождение моей любимой матери.

Я еще чувствовал боль в начале церемонии, но по мере того как сознание очищалось, мудрость проявлялась все яснее. Когда я дошел до предложения «Все *дхармадхату* содержатся в теле Будды Амитабхи», каждый волосок всех моих восьмидесяти четырех тысяч пор на теле встал дыбом. Я не просил посторонних

поддерживать меня (как это было прежде) и совершенно забыл о своей болезни. Подойдя без посторонней помощи к собравшимся, чтобы их поблагодарить, я возвратился в хижину. Весь следующий день я держал свой палец в солевой ванне и не наблюдал никаких кровотечений. Через несколько дней я оправился от болезни и постепенно возобновил поклоны. Я оставался в монастыре Ашоки до наступления Нового года.

Примечание Цэнь Сюэлюя, издателя Сюй-юня

Этот монастырь первоначально назывался монастырем Аюй-вана (ван, или царь, Ашока), но позже был назван монастырем Гуанли. Он был построен на горе Маошань в сорока *ли* к югу от деревни Нансян уезда Иньсян в Нинбо. В прежние времена – через несколько сот лет после нирваны Будды – Центральной Индией правил царь Ашока (приблизительно 274–237 гг. до н. э.). Говорят, что он поместил 84 тысячи останков Будды в драгоценные ступы и повелел богам захоронить их в разных местах. На востоке эти ступы появлялись одна за одной в девятнадцати местностях Китая, среди них были горы Утай и монастырь Ашоки. На горах Утай реликвия была помещена в ступу и ее нельзя было увидеть. Что касается реликвии монастыря Ашоки, на третьем году правления У-ди под девизом Тай-кан (282–303) династии Цзинь, после того как Хуй-да помолился о ее появлении, реликвия извлекла себя из земли, и тогда был построен монастырь и она была помещена в каменную ступу, дверь которой закрывалась на ключ. Когда посетители хотели посмотреть на реликвию, страж ступы получал уведомление. Оказавшись в зале, посетители прежде всего отдавали дань почтения Будде и затем выходили наружу и, коленопреклонные, выстраивались в очередь, чтобы посмотреть на реликвию. Страж вынимал ступу, которая

была в один фут и четыре дюйма высотой и более фута шириной. Она была пустотелой, и в нее был вложен герметичный прозрачный шар с иглой внутри, на конце которой находилась реликвия. Когда на нее смотрели, реликвия казалась то большой, то маленькой, то одним целым, то несколькими частями, то неподвижным, тодвигающимся – в соответствии с особенностями восприятия каждого посетителя. Некоторые видели только одну, тогда как другие видели три или четыре реликвии. Цвет также варьировался – он мог быть голубым, желтым, красным или белым. Тот, кто видел в ней цветок лотоса или изображение Будды, считался наделенным прекрасной кармической связью с дхармой.

При династии Мин в правление под девизом Вань-ли (1573–1619) Лу Гуанцзу, председатель комиссии по гражданским делам, прибыл со своими друзьями почтить ступу и ее реликвию. В первый раз реликвия показалась ему размером с крошечную фасоль, затем постепенно начала приобретать размеры крупной фасоли, потом финика, арбуза и в конечном итоге представилась большим сверкающим колесом. Это оживило его сознание в отношении восприятия. Лу дал указание произвести ремонт разрушающегося зала, который по сегодняшний день находится в весьма приличном состоянии. Татхагата из чувства сострадания оставил свое тело дхармы, чтобы живые существа грядущих поколений могли проявить в себе сознание, преисполненное праведности и веры.

Мой 59-й год (1898–1899)

В том году ранней весной, когда отлили большой колокол для монастыря Цита (Семь пагод) в Нинбо, старый настоятель Бэнь-лай пригласил учителя дхармы Мо-аня дать пояснения к «Лотосовой сутре» и прибыл в

монастырь царя Ашоки (Гуанли), попросив меня помочь Мао-аню. По этой причине я отправился в монастырь Цита и, после данных мною комментариев к этой сутре, направился к горе Тунгуань, где построил хижину и встретил Новый год.

Мой 60-й год (1899–1900)

Учителя Цзе-сэнь и Бао-линь пригласили меня в Даньян помочь произвести ремонт в монастыре Сяньтай, где я провел лето. На седьмом месяце я отправился в Цзюйжун, где учитель Фа-жэнь с горы Чишань уступил мне свою хижину на зиму.

Мой 61-й год (1900–1901)

Около десяти лет я провел в провинциях Цзянсу и Чжэцзян и теперь хотел совершить дальнейшее путешествие в горы Утай, после чего намеревался предаться углубленной практике в уединении на горе Чжуннань. Сначала я покинул Чишань и отправился в Чжэньцзян и Янчжоу, потом совершил паломничество на гору Юньтай (Облачная терраса). Продвигаясь дальше, я пересек границу провинции Шаньдун и посетил гору Тайшань (1524 м), ее священную восточную вершину. Снова направившись на восток, я дошел до гор Лаошань, где посетил пещеру Льва недалеко от места, где учитель Хань-шань³⁸ при династии Мин восстановил мона-

³⁸ Хань-шань (1546–1623). Пещера Льва находится между Дэньчжоу и Лайчжоу в районе Цзинчжоу. По традиции считается местом пребывания некоторых бодхисаттв. Ближайший монастырь представлял собой руины, когда Хань-шань приступил к его восстановлению. Он реконструировал его и назвал «Хайин»,

стырь Хайинь. Затем я отправился в Цюй, чтобы почтить могилу и храм Конфуция³⁹.

Затем я взял направление на запад и однажды ночью добрался до какого-то разрушенного храма и остановился в нем. Там был лишь прогнивший гроб с перевернутой крышкой. Поняв, что гроб бесхозный, я устроился спать на нем, но где-то в полночь почувствовал, как что-то шевелится в нем, и неожиданно услышал голос, сказавший: «Я хочу выбраться отсюда».

Я спросил: «Ты человек или привидение?»

«Человек», – ответил голос.

«Кто ты?» – спросил я.

«Нищий», – ответил голос.

Я улыбнулся, встал и выпустил его из гроба. Выглядел он не лучше привидения. Он спросил меня: «Кто ты?»

«Монах», – ответил я.

Он был рассержен и сказал, что я раздавил ему голову. Так как он хотел ударить меня, я сказал ему: «Когда я сел на крышку гроба, ты даже не соизволил пошевелиться. Так за что же меня бить?»

Вынужденный уgomониться, он вышел справить малую нужду и вернулся, чтобы снова спать в гробу. Я покинул это место перед восходом солнца.

В то время уже начали активизироваться Ихэтуани (Отряды справедливости и мира) и начинались боксерские мятежи во многих районах провинции Шаньдун⁴⁰. Однажды я встретил на дороге иностранного солдата,

или Морская печать.

³⁹ Конфуций (Кун Фу-цзы, 551–497 до н. э.). Род Кун живет в Цюйбо, пров. Шаньдун, по сей день.

⁴⁰ Боксерское восстание, или движение ихэтуаней. Тайное общество даосской ориентации.

который наставил на меня ружье и спросил: «Ты боишься умереть?» Я ответил: «Если мне суждено принять смерть от тебя, тогда давай, стреляй!» Увидев, что я ни в коей мере не обеспокоен, он сказал: «Ну ладно, можешь идти». После этого я поспешил в горы Утай и, совершив воскурения, намерился продолжить свой путь и подняться на гору Чжуннань. Однако в связи с тем, что вспыхнуло Боксерское восстание, я возвратился в Пекин, где посетил монастырь Сией и почтил Каменные сутры⁴¹. Я навестил И-сина, монаха с горы Таньто, который занимался особыми практиками. Затем я добрался до монастыря Цзетай, где почтил ступу чаньского учителя Фэй-бо. Затем я поднялся на гору Хунло и принял участие в собрании, практикующем медитативное произнесение имени Будды и посетил монастырь Большого Колокола. Там я увидел бронзовый колокол, отлитый Яо Гуансяо. Он весил 87 тысяч *цзиней*⁴² и был 15 футов высотой. Длина его верхней подвесной части составляла 7 футов, а диаметр – 14 футов. Весь текст «Аватамсака-сутры» был отлит на внешней стороне колокола, а «Лотосовой сутры» – внутри. «Алмазная сутра» была начертана на краю его корпуса, а «Шурангама мантра» – на его подвесной части. Колокол был преподнесен в дар императором Чэн-цзу во времена правления (под девизом) Юн-лэ (1403–1424) династии Мин во имя спасения души его покойной матери.

Затем я направился в монастырь Лунцюань (Драконов источник), немного севернее столицы, и остановился там на некоторое время. На пятом месяце Ихэтуаньское восстание достигло кульминации. Многочисленные толпы кричали: «Защищайте династию Цин! Уничтожай-

⁴¹ Выбитые на камне.

⁴² Один цзинь – около полкилограмма.

те иностранцев!» Секретарь японской дипломатической миссии и германский министр были убиты в результате тайного подстрекательства вдовствующей императрицы. Семнадцатого дня того месяца был издан имперский указ, объявляющий войну иностранным державам. В столице воцарился беспорядок. На шестом месяце Тяньцзинь был захвачен союзными армиями, которые месяцем позже вторглись в столицу, Пекин. Наследники престола и министры, знавшие меня по монастырю Лунцюань, стали настаивать на том, чтобы я присоединился к императорской свите, которая собиралась бежать на запад. В полном замешательстве во время отъезда наблюдалось полное отсутствие горделивой помпезности, обычно выдаваемой испорченным сыном Неба. Всем приходилось идти днем и ночью и испытывать большие трудности. По прибытии в Фубин император и вдовствующая императрица были рады встрече с наместником Чэнь Чунь-сюанем в провинции Ганьсу. Его солдаты пришли приветствовать и защитить их величества и сопровождать их за Великую Стену. На заставе Юньмэнь император встретил пожилого монаха в монастыре Юньмэнь, которому было 124 года. Император преподнес ему тонкую желтую ткань для рясы и приказал соорудить на этом месте памятную арку. Мы продолжали наш поход на запад и прибыли в уезд Бинъян, где свирепствовал страшный голод.

Местные жители предлагали свою пищу *таро* (клубень) и верхушки сладкого картофеля их величествам, которые были очень голодны и сочли это деликатесом. Когда мы добрались до Сианя, их величества остановились в штаб-квартире наместника. В то время, когда голодные массы ели трупы на улицах, местные власти, чтобы остановить это, предприняли меры и соорудили восемь будок, из которых производилась раздача еды

голодающим людям. Бесплатная еда раздавалась также в сельских окрестностях.

Наместник Цэнь Чуньнуань пригласил меня в монастырь Волун (Лежащий дракон) помолиться, призывая снег и дождь, чтобы покончить с длительной засухой. После завершения молитв старый настоятель Дун-ся пригласил меня остаться в монастыре, но, узнав, что императорский двор со всем его шумом и суетой расположился в Сиане, я тайком уехал.

На десятом месяце я поднялся на горный хребет Чжуннань, чтобы построить там хижину. За вершиной Цзя Утай я обнаружил «пещеру Льва», представляющую собой уединенное место, пригодное для духовного отшельника. Тогда я изменил свое имя на Сюй-юнь (Облако Пустоты), чтобы избежать встреч с нежеланными посетителями. Поскольку на горе не было воды, я вынужден был использовать талый снег и питаться грубыми травами, которые выращивал сам. В то время в горах жили учителя Бэнь-чан на вершине Поши, Мяо-лянь в храме Гуаньди, Дао-мин в гроте Ухуа, Мяо-юань в старой хижине, а также учителя Сю-юань и Цин-шань на горе Хоушань. Учитель Цин-шань был уроженцем провинции Хунань и пользовался очень большим уважением у монахов на этой горе. Он жил относительно близко от меня и мы часто навещали друг друга.

На восьмом месяце следующего года учителя Фа-чэн, Юэ-ся и Ляо-чэнь пришли ко мне в хижину и, увидев меня, удивились и сказали: «Мы несколько лет о тебе ничего не слышали. Кто бы мог подумать, что ты здесь спишь?» Я сказал: «Повременим пока о здесь, а как – там?»⁴³ После этого мы обменялись приветствия-

⁴³ Учитель Сюй-юнь попросил своих посетителей забыть о том, что можно найти «здесь», в этой сфере чувственного вос-

ми и после того, как поели таро, я сопровождал их на вершину Поши. Юэ-ся сказал: «Старый настоятель Фа-жэнь с горы Чишань сейчас дает толкование „Лотосовой сутры“ в монастыре Гуйюань в Ханьяне. Ему не нравится его шумное окружение и он хочет отправиться на север. Он просил меня подыскать для него место в здешних местах». Юэ-ся попросил меня помочь ему найти подходящее место для старого настоятеля, но, занятый практикой медитации, я вежливо отказался. После того как я закончил недельную чаньскую медитацию, учителя Хуа-чэн, Инь-юэ и Фу-цзе нашли на горе Цуйвэй подходящее место для старого настоятеля. Учитель Юэ-ся сказал, что место хорошее, но я был другого мнения, поскольку это место было подвержено влиянию «Белого Тигра» с севера при отсутствии поддержки холма сзади (терминология фэншуй). Они не прислушались к моему совету и, таким образом, несли ответственность за то, что случилось [к несчастью, в следующем году].

В ту зиму в день солнцестояния старый учитель Цин-шань попросил меня сделать кое-какие покупки для него в Чанъане. Возвращаясь, я попал под сильный снегопад. Взобравшись на гору, на подходе к своей новой соломенной хижине я поскользнулся и упал с обрыва в снежный сугроб. Я стал кричать, и учитель И-цюань, мой сосед, пришел мне на помощь. Моя одежда насквозь промокла. Было уже темно и, думая, что снег к утру занесет все дороги, я по заснеженной тропе с трудом добрался до учителя Цин-шаня. Увидев меня в таком потрепанном состоянии, он усмехнулся и пошутил,

приятия, намекая на то, что может быть найдено «там», в первозданной беспредельной истинной природе. Эти термины носят чаньский характер и использовались в нетрадиционном смысле.

сказав, что я ни на что не гожусь. Я улыбнулся и кивнул в знак согласия. Потом я вернулся в свою хижину, где встретил Новый год.

Мой 62-й год (1901–1902)

Я оставался в своей хижине в течение весны и лета. Старый учитель Фа-жэнь с горы Чишань прибыл в провинцию Шэньси и построил хижину на горе Цуйвэй. Его сопровождало шестьдесят человек. Примерно половина из них остановилась в монастыре Хуанюй [бывшая летняя резиденция императора Тай-цзуна (627–649) династии Тан], тогда как другие разместились в новой хижине и в монастыре Синшань. В этом северном районе в те времена начальник Су, ответственный за подготовку пахотных земель, выделил сто цинов земли (около 1515 акров) на отменях Яботань монахам с горы Цуйвэй на пропитание. Местные жители запротестовали, говоря, что они жили там из поколения в поколение, настаивая на том, чтобы земля была отдана им в обмен на выделенные рисовые поля. Монахи не согласились, и дело рассматривалось в суде, который решил его в пользу местных жителей. Старый учитель Фа-жэнь был огорчен и в следующем году возвратился на юг. Перед отбытием он оставил все свои пожитки учителям Ти-аню и Юэ-ся и распустил своих приверженцев.

Думая о будущем, я сознавал, что если просто полагаться на влиятельных людей, можно причинить себе вред и в конце концов попасть в беду. Этот инцидент сильно повлиял на тех монахов-южан, которые отправились на север. В общем, я не мог отбросить фактор геомантических влияний на это место. Год приближался к концу, все окрестные горы были покрыты снегом, и сильный холод пробирал до костей. Я находился один в

своей хижине, но тело мое и сознание были чисты. Однажды я готовил таро в котелке и сидел, скрестив ноги, ожидая, когда пища будет готова, и непроизвольно погрузился в самадхи.

Мой 63-й год (1902–1903)

Учитель Фу-чэн и другие, жившие в соседних хижинах, удивились, что я долгое время к ним не заходил, и пришли ко мне, чтобы поздравить с Новым годом. Вокруг моей хижины они обнаружили повсюду тигровые следы и никаких следов человека. Они вошли в мою хижину и, увидев, что я нахожусь в самадхи, пробудили меня звуками гонга. Когда я пришел в себя, они спросили: «Ты съел свою пищу?» Я ответил: «Пока нет. Таро в моем котелке, должно быть, теперь хорошо сварилось». Когда подняли крышку, оказалось, что пища в котелке была на дюйм покрыта плесенью. Фу-чэн был поражен и сказал: «Ты, вероятно, находился в самадхи полмесяца». Тогда мы растопили лед, сварили таро и вдоволь поели. Они пошутили на мой счет и ушли.

Через несколько дней после ухода Фу-чэна монахи и миряне из окрестных и отдаленных мест пришли навесить меня. Чтобы избежать ненужного общения с людьми, я ушел ночью со своим багажом за плечами в пустынное место, где не росло ни клочка травы. Я дошел до горы Тайбай (3767 м) и остановился в пещере. Но через несколько дней учитель Цзя-чэнь, шедший по моим следам, пришел в мой приют. Тогда мы решили совершить долгое путешествие к горе Эмэй вместе. Мы вышли через ущелье Баоя, добрались до горы Цзыбай, прошли через террасу Тайцзы, посетили храм Чжанлянь и пересекли уезд Чжаохуа, где увидели кедр Чжан Фэя. Продвигаясь дальше, достигли Чэнду, где немного от-

дохнули в храме. Потом снова отправились в путь и через Цзядин наконец добрались до гор Эмэйшань и поднялись на вершину Цзиньдин. «Огни Будды», которые мы там увидели, были совершенно такими же, как на горе Петушина Ступня. Поздно ночью мы видели бесчисленные светильники. По яркости они напоминали «светочи мудрости», виденные прежде в горах Утай. Я посетил зал Сива, где отдал дань почтения старому настоятелю Чжэнь-ину, которому было более семидесяти лет. Он был наставником всех монахов на этой горе, будучи просветленным учителем чаньской школы. Он охотно разрешил мне побыть с ним несколько дней.

После этого я спустился с горы, обогнул пруд Сисян и, миновав монастырь Даэ, достиг равнины Чжанлао, где находились храм Вайроканы и уезды Эмэй и Сяцзян. Дальше я намеревался пересечь реку Люша в деревне Иньцунь. Случилось так, что вода в реке поднялась, и с утра до полудня я ждал лодку. Лодка прибыла, и после того, как все пассажиры перешли на борт, я попросил Цзе-чэня сесть в лодку первым и передал ему наш багаж. В тот момент, когда я собирался перебраться на борт, швартовочная веревка порвалась, но я успел ухватиться за ту ее часть, которая была прикреплена к борту. Поскольку течение было сильным, а на борту находилось много пассажиров, малейший наклон лодки мог привести к тому, что она опрокинется, так что я не двигался, в то время как лодка тащила меня по воде. На закате она причалила к берегу и меня вытащили на берег. Моя одежда и ноги были изрезаны камнями. Было холодно и шел дождь. Когда мы прибыли на заставу Шайцзин, ближайшие постоянные дворы отказались принять монахов. На улице был храм, но единственный его монах также отказался впустить нас, несмотря на все просьбы. Он разрешил нам только про-

вести ночь на театральных подмостках, что были снаружи. Поскольку наша одежда была мокрой, а настил влажным, мы дали монаху денег, чтобы он продал нам немного сухой соломы. Вместо этого он принес нам две охапки отсыревшей соломы, которую было не поджечь. Мы терпеливо сносили эти неудобства и сидели до восхода солнца. Потом мы купили несколько грубых плодов, чтобы заполнить желудки, и двинулись дальше. Мы миновали гору Хожань, округа Цзяньчан и Нинюань и в конечном итоге добрались до Хуйличжоу. Мы пересекли границу провинции Юньнань, прошли уезд Юнбэй, посетили святое место Авалокитешвары, пересекли реку Цзиньша и совершили паломничество к подножию горы Петушина Ступня, где провели ночь под деревом. И опять слышали звон гонга за каменной дверью.

На следующий день мы начали восхождение на гору и достигли вершины Цзиньдин, где совершили воскурения. Я снова начал думать об этом священном месте Будды и патриарха, которое ныне совсем пришло в упадок, и о вырождении всех традиций сангхи в провинции Юньнань. Я дал обет построить хижину на этой горе, где могли бы останавливаться паломники, но мне не позволила это сделать монашеская наследственная система, преобладающая в этой местности. Я был огорчен и не мог удержаться от слез⁴⁴.

⁴⁴ «Наследственное владение» храмами было весьма распространено во времена Сюй-юня. Это означало, что контроль над монастырями и управление ими определялись произвольными правилами. Храмы практически считались частной собственностью и скорее nepoтизм, чем духовные заслуги, диктовал, что должно делаться и кем. Это не позволяло странствующим монахам свободно пользоваться многими услугами или даже остановиться на ночь во время совершения долгих паломничеств. В принципе никакой буддийский монастырь не должен

Затем мы спустились с горы и прибыли в Куньмин. Там упасака Цэнь Куаньцы, буддийский законник, пригласил меня остановиться в монастыре Фусин, где с помощью учителя Цзе-чэня я уединился для медитации, проведя новогодний период в затворничестве.

Мой 64-й год (1903–1904)

Во время моего уединения пришел монах из храма Инсян, чтобы сказать мне о том, что кто-то у них там выпустил петуха, весящего несколько цзиней, и что птица эта агрессивная и поранила других домашних птиц. Я отправился в этот храм и подробно объяснил птице правила поведения в монашеской среде и ее заповеди, а также научил ее произносить имя Будды. Вскоре петух перестал драться и сидел в одиночестве на ветке дерева. Он больше не убивал насекомых и ел только тогда, когда ему давали зерно. Через некоторое время всякий раз, когда слышал звон колокола и гонга, он шел за монахами в главный зал и после каждого молитвенного собрания возвращался на ту же ветку дерева. Его опять стали учить произносить имя Будды и в конце концов он прокукарекал: «Фо, Фо, Фо» («Будда» по-китайски). Два года прошло с тех пор, и однажды после молитвенного собрания петух встал во весь рост в зале, вытянув шею. Он трижды взмахнул своими расправленными крыльями, будто собираясь произнести имя Будды, и умер стоя. В течение нескольких дней его внешний вид не менялся. В конечном итоге его положили в коробку и похоронили. По этому случаю я сочинил следующее стихотворение:

считаться собственностью тех, кто в нем живет. Он должен принадлежать всей сангхе в соответствии с установленными правилами.

Он драться любил по природе, этот петух,
Рвал гребешки, драл крылья, пуская чужую кровь.

Но внял запретам, и бешеный ум затих,
Ел лишь зерно, сидел на насесте один, не трогая даже букашки.

Взирал на золотой образ

И без труда кукарекал имя будды.

После трех кругов простираний вдруг отошел в мир иной,

Разве все существа отличны чем-то от будды?

Мой 65-й год (1904–1905)

В ту весну буддийские законники и настоятель Цимин из монастыря Гуйхуа попросили меня прервать затворничество и навестить их монастырь, где мне предстояло дать толкование «Сутры полного просветления» и «Сутры из сорока двух разделов» (*Сы ши эр чжан цзин*). К тому времени более трех тысяч человек стали моими учениками. Осенью настоятель Мэн-фу пригласил меня дать толкование «Шурангама сутры» в монастыре Цзечжу. Я руководил изготовлением деревянных досок, с помощью которых можно было бы напечатать тексты «Шурангама сутры» и стихотворения Хань-шаня⁴⁵. Эти доски хранились в монастыре. Меня также попросили дать толкование заповедям, и в конце встречи главнокомандующий Чжан Сунлинь и генерал Лу Фу-

⁴⁵ Хань-шань, или «Холодная гора», был выдающимся адептом, жившим во времена правления под девизом Цзинь-гуань (627–664), династия Тан. Его считают воплощением Манджушри. Он жил в пещере и писал вдохновенные стихи в духе чаньского учения. Многие из них были начертаны на засохших деревьях, заброшенных зданиях и подобных объектах.

син пришли в сопровождении других чиновников и знати с приглашением посетить округ Дали и остановиться в местном монастыре, но я сказал: «Я не хочу жить в городах. В прошлом я дал обет остаться на горе Петушиная Ступня, но местные монахи не позволили мне это сделать. Поскольку вы защитники буддийской дхармы, мой обет мог бы быть исполнен, если бы вы выделили мне участок на этой горе. Я мог бы здесь построить хижину и принимать паломников, спасая, таким образом, сангху от гибели и восстанавливая святые места Махакашьяпы».

Они одобрили эту идею и приказали заместителю уезда Биньчуань оказать мне помощь (чтобы я мог исполнить свой обет). Для меня подыскали разрушенный храм Боуй на той самой горе. Я отправился туда с целью остановиться там, и хотя там не было жилых комнат и несмотря на то что я не взял с собой никакой еды, я принимал монахов, монахинь, мужчин и женщин из преданных учению мирян, приходивших ко мне отовсюду. Храм Боуй опустел со времен правления под девизом Цзя-цин (1796–1820), династия Цин, потому что справа от него был обнаружен огромный валун, излучавший губительные эманации «Белого Тигра» и делавший, таким образом, это место непригодным для жилья. Я хотел убрать валун и вырыть пруд, в который можно было бы запустить рыбу и другую речную живность. С этой целью были наняты рабочие, но ничего не получилось, потому что когда был удален слой земли вокруг валуна, его основания не было видно. Он возвышался на девять футов и четыре дюйма и в ширину составлял семь с половиной футов. На нем можно было сидеть скрестив ноги и медитировать. Был приглашен десятник для руководства работой по передвижению его на 280 *чи* влево, и более ста человек пришло, но им

не удалось этого сделать, несмотря на то что они изо всех сил старались в течение трех дней подряд. После их ухода я обратился с молитвами к духам, охраняющим храм, и прочел мантры. Понадобилось десять монахов и вместе нам удалось сдвинуть валун влево. Те, кто пришел понаблюдать за нами, шумно выражали свои чувства и удивлялись, понимая, что нам помогают высшие силы. Кто-то написал на валуне три иероглифа «Юнь и ши» («Облако передвинуло валун»⁴⁶). Представители властей и ученые, услышавшие эту историю, пришли и сделали надписи на этом валуне. По этому случаю я также написал стихотворение:

Странный огромный валун вздымается
ввысь,
Мхом запечатан, кажется, с древних
времен.
Дождался меня с тех пор, как чинили
небо⁴⁷.
Видя упадок чань, я желаю его поддер-
жать⁴⁸.

⁴⁶ «Облако» подразумевает учителя, чье имя (Сюй-юнь) означает «Облако Пустоты».

⁴⁷ Согласно китайской мифологии в результате спора богов рухнула часть небосвода, и богиня Нюйва починила небо магическими пятицветными камнями. Учитель в действительности имел в виду, что его долгом было «исправить» дхарму, пострадавшую на горе Петушина Ступня.

⁴⁸ Буквально «Облако увидело перемены и захотело следовать за драконом». «Облако» подразумевает Сюй-юня, а «следовать за драконом» означает следовать хорошим примерам, установленным древними, которые всегда распространяли дхарму и возрождали чаньскую школу, когда она проявляла признаки упадка.

Двигая горы, над глупостью Юй-гуна⁴⁹
мне ли смеяться?

Внимающий дхарме монах от сомнений
избавился на тигровом холме.

С тех пор восемь ветров⁵⁰ ему не
страшны,

В заоблачных высях друзья ему пара
сосен.

Вершина Боюй подпирает Брахмы дво-
рец,

Аскет золотой (Махакашьяпа) здесь ос-
тавил свои следы⁵¹.

⁴⁹ Юй-гун – герой древней притчи, известной большинству китайцев. В возрасте 90 лет он решил сдвинуть две горы, которые загораживали двери его дома. Народ смеялся над его глупой затеей, но он сказал: «Пусть я умру, но дело мое продолжат мои сыновья, а когда умрут они, их сменит множество внуков. Моих потомков будет все больше, а горы будут все меньше». Согласно легенде попытки старика сдвинуть горы настолько тронули «небесного владыку», что он послал двух дэвов, которые убрали горы. Здесь учитель Сюй-юнь использует эту историю, чтобы подчеркнуть значение сознания, которое одно могло сдвинуть горы и устранить все препятствия на пути к мгновенному просветлению.

⁵⁰ «Восемь ветров», мешающих сознанию, – это приобретение и потеря, чрезмерное восхищение и охаивание, хвала и осмеяние, радость и печаль.

⁵¹ Говорят, что гора Петушиная Ступня является местом, где Махакашьяпа – или «золотой аскет» – ожидает, пребывая в самадхи, пришествия в этот мир Майтреи. Говорят, что Махакашьяпа проглотил свет, отсюда его «золотистость» и его имя «Пьющий Свет». Эти две строчки свидетельствуют о трудностях, символизирующих путь к просветлению. Эти трудности должен преодолеть ищущий Дао, посещая святое место Первого чаньского патриарха.

Желающий Дао постичь отправится
и за десять тысяч *ли*,
Чтоб здесь оказаться, тысячи препятст-
вий я одолел.

Валун, годами изрезанный, поросший
мхом⁵²,
В свете полной луны с тенями сосен иг-
рают рыбки в пруду⁵³.
Тот, кто с высот взирает на иллюзорный
мир,
Звонящие от небесного ветра услышит
колокола⁵⁴.

Я начал восстанавливать храм, чтобы принимать паломников отовсюду, и поспешил собрать необходимые для этого средства. В связи с этим я попросил учителя Цзе-чэня присмотреть за храмом и в одиночку отправился в Тэнчун (за пожертвованиями). Из Сягуаня я прибыл в Юнчан и в конечном итоге достиг Хэмушу. Дорога до него была длинной – в несколько сот *ли* – и оказалась очень суровой и трудной, поскольку ее не ремонтировали в течение многих лет. Однако местные

⁵² Валун символизирует сопротивление деградирующих монахов с этой горы.

⁵³ Яркий лунный свет означает изначально просветленную природу человека, а рыбы – заблуждающихся живых существ, играющих с иллюзорными тенями елей, являющимися символом «несуществующих» явлений.

⁵⁴ Последние три строчки стихотворения означают, что, находясь в окружении иллюзий, человек, способный заглянуть за пределы феноменального мира, достигнет просветления и удостоится похвалы Махакашьяпы, который звонит в невидимый колокол, звуки которого разносит небесный ветер, символ блаженства, испытываемого удачливыми последователями.

жители сказали, что некий монах из другой провинции решил, мужественно преодолевая серьезные трудности, отремонтировать ее. Он не просил оказать ему финансовую помощь, принимая лишь добровольные пожертвования от прохожих в виде пищи для удовлетворения самых скромных потребностей. Он неуклонно работал в течение нескольких недель. Благодаря его усилиям почти на девяносто процентов дорога была в приличном состоянии. Чтобы выразить благодарность за совершенную им работу, население Пупяо намерилось восстановить для него храм Павлинью Царя⁵⁵. Однако он отклонил их предложение и сосредоточил свои усилия на ремонте дороги. Меня удивила эта история, и я решил разыскать этого монаха. На исходе дня я встретил его на дороге. Он нес мотыгу и корзину и собирался уже уходить. Я подошел к нему, соединив ладони в знак приветствия, но он лишь выпучил на меня глаза, не сказав ни слова. Я не обратил на это внимания и последовал за ним до храма, где он положил на место свой инструмент и сел, скрестив ноги, на подушечку. Я пришел выразить ему свое почтение, но он игнорировал меня и молчал. Тогда я тоже сел напротив него. На следующее утро он встал и начал варить рис, пошевеливая кочергой поленья. Когда рис сварился, он не позвал меня, но я наполнил свою чашу и поел. После завтрака он взял мотыгу, а я – корзину, и вместе мы пошли сдвигать камни, копать землю и рассыпать песок. Таким образом мы работали и отдыхали вместе более десяти дней, не обменявшись ни единым словом. В один из вечеров, при ярком лунном свете – почти как при дневном – я вышел из храма и уселся, скрестив ноги, на большую скалу. Было поздно, но я не вернулся в храм. Старый монах

⁵⁵ Четверорукий бодхисаттва, едущий верхом на павлине.

украдкой подошел ко мне сзади и крикнул: «Что ты здесь делаешь?»

Я медленно открыл глаза и ответил: «Любуюсь на луну».

Он спросил: «Где луна?»

«Великий лучезарный ореол», – ответил я.

Он сказал: «Если рыбы глаза ты принимаешь за жемчужины, истина трудно различима⁵⁶. Хватит уже радугу принимать за лучезарный свет».

Я ответил: «Для света, содержащего в себе все образы, нет ни прошлого, ни настоящего. Он не относится ни к инь, ни к ян и не знает преград»⁵⁷.

После этого он схватил меня за руку и, громко смеясь, сказал: «Уже очень поздно. Пожалуйста, возвращайся на отдых [в храм]».

На следующий день он был приветлив и начал разговаривать со мной, рассказав, что он уроженец Сянтаня (в провинции Хунань). Его звали Чань-сю (Совершенствующийся в чань). Он смолоду стал отшельником и в возрасте 24 лет появился в чаньском зале монасты-

⁵⁶ Когда сознание медитирующего становится совершенно спокойным, перед его взором могут предстать некие светимости, которые можно по ошибке принять за свет мудрости.

⁵⁷ Свет мудрости может содержать всякие иллюзорные формы, но он вечен, т. е. находится за пределами пространственно-временных ограничений. Он всепроникающ и не встречает никаких преград, так как свободен от всякой двойственности, которая является причиной ощущения разделения между субъектом («познающим») и объектом («познаваемым»). Таким образом, он подобен «чистому свету», являющему радугу, цветовой спектр которой сам по себе нереален. Аналогичным образом все проявленные формы своей основой уходят в этот чистый свет мудрости, но ни одна из них самостоятельно реально не существует.

ря Цзиньшань, где нашел приют. Потом он совершил паломничество на священные горы (в Китае) и, побывав после этого в Тибете, вернулся в Китай через Бирму. Поскольку дорога была трудной, ему стало жаль людей и лошадей, плетущихся по ней. На него произвели впечатления поступки, совершенные бодхисаттвой Дхаранимдхарой, и он принялся за ремонт дороги в одиночку и так провел несколько десятков лет, и ему было уже 83 года. У него не было верного друга, и он был обрадован благоприятной кармической возможностью, позволившей ему излить свою душу, рассказав свою историю, долгое время остававшуюся не поведанной. Я также рассказал ему об обстоятельствах, приведших меня к отшельничеству.

На другой день после завтрака я откланялся и мы попрощались, громко смеясь. Затем я пошел в Тэнчун (также называемый Тэньюэ). Оттуда открывался вид на Бхамо через границу с Бирмой. Я был намерен добыть деньги на восстановление храма. По прибытии туда я остановился в хунаньском землячестве. Не успел я опустить на землю свой багаж, как ко мне подошли несколько человек в траурных одеждах и, отвесив поклон, сказали: «Достопочтенный господин, мы просим вас прочесть нам сутры».

Я ответил: «Я прибыл сюда не для того, чтобы читать сутры».

Один из них, сын усопшего, сказал: «Но для монахов читают сутры».

Я сказал: «Я не слыхал о том, что в этом районе есть монахи».

На это глава землячества воскликнул, объясняя: «Достопочтенный господин, вам следует их навестить и прочесть им сутры. Это редкое стечение обстоятельств. Они внуки академика У, при жизни он усердно занимал-

ся совершенствованием и его стали называть «праведником». Ему было более 80 лет, когда он умер. Он оставил несколько дюжин сыновей и внуков, среди которых есть несколько ученых и академиков. Почтенный старец скончался несколько дней назад и перед смертью сказал, что был монахом в прошлой жизни. Он дал указание одеть его по-монашески и просил, чтобы домашние не плакали и чтобы не забивали домашнюю птицу или скот и не приглашали никаких даосских священнослужителей для чтения их писаний. Он также предсказал, что выдающийся монах придет и спасет его. А после этого сел, скрестив ноги, и отошел в мир иной. На следующий день он выглядел как живой. Достопочтенный господин, поскольку вы пришли сюда сегодня, не является ли это случаем проявления благой кармы усопшего?»

Услышав это, я принял приглашение и отправился в дом умершего, чтобы прочесть там сутры и совершить обряд, дарующий пищу голодным духам в семидневный период.

Весь район с его представителями власти и учеными приглашал меня остаться в Тэнъчуне, но я сказал им: «Я пришел сюда с целью добыть денег на восстановление храма на горе Петушина Ступня и сожалею, что не могу остаться». Узнав об этом, они с радостью и энтузиазмом пожертвовали значительную сумму. После возвращения на гору я закупил продовольствие для общины, построил здания с дополнительными комнатами, установил монашеский распорядок, регулируемый установленными правилами, ввел медитацию и чтение сутр с их трактовкой, укрепил дисциплину и передал буддийский канон.

В тот год число монахов, монахинь и мирян, следовавших канону, превысило 700 человек. Постепенно все

монастыри на горе последовали нашему примеру и приняли меры к самосовершенствованию. Монахи снова начали носить подобающую одежду и довольствоваться вегетарианской пищей. Они также останавливались в храме с целью получения наставлений.

Мой 66-й год (1905–1906)

В ту весну настоятель Бао-линь из монастыря Шичжун (Каменный Колокол) пригласил меня дать наставления, и тех, кто пришел их получить, насчитывалось более восьмисот. После завершения, в то время как Цзе-чэнь в полном уединении практиковал медитацию в храме Боуй, я посетил различные места на юге в целях сбора средств. Сначала я прибыл в Наньдянь (провинция Юньнань), где дал толкование «Амитабха сутры» в монастыре Тайпин и обрел несколько сотен последователей. Оттуда, преодолевая высокие скалы и проходя через места, населенные различными племенами, достиг Бирмы. Пройдя через Ежэньшань, я прибыл в Синьцзе и затем в Мандалай. В Ежэньшане я подцепил болезнь, которая прогрессировала и стала серьезной. Несмотря на сильный жар, мне удалось добраться до храма Гуаньинь в Людуне, в котором я встретил китайского монаха по имени Дин-жу. Я отдал ему дань почтения, но он игнорировал меня. Тогда я пошел в зал и сел там, скрестив ноги. В тот вечер, когда он ударил в гонг, я помог ему звонить в колокола и бить в барабан. После прочтения «Строф покаяния» он монотонно пропел: «Убей, убей, убей!» и трижды простерся ниц. На следующее утро после прочтения того же текста в зале он снова монотонно пропел тот же воинственный призыв и снова трижды простерся ниц. Меня удивило его поведение и я намеренно остался, чтобы понаблюдать за

ним. Его утренняя, дневная и вечерняя пища была приправлена луком и чесноком и содержала молочные продукты. Я не стал это есть, но ничего не сказал о странности такой диеты. Я пил только воду. Он понял, почему я не ем, и велел принести рисовую кашу без лука и чеснока, чтобы я мог есть⁵⁸.

На седьмой день он предложил выпить с ним чаю, и я спросил его, почему он призывал в зале «Убей, убей, убей!». Он ответил: «Убей чужестранцев!.. Я родился в Баоцине (провинция Хунань). Мой отец был военным. После его смерти я удалился от мирской жизни и начал изучать дхарму в Путо. Я стал последователем учителя Чжу-чаня, который учил меня рисовать. Десятью годами раньше я добирался из Гонконга в Сингапур на пароходе, на котором подвергся дурному обращению со стороны иностранцев. Их надругательства были невыносимы, и я буду ненавидеть их всю оставшуюся жизнь. Теперь я продаю картины, которые ценятся здесь, и по этой причине у меня нет особых забот о пропитании. В последние десять лет монахи, проходившие здесь, обычно много о себе воображали и были непредсказуемого нрава. Редко можно встретить человека, подобного вам, открытого и находящегося в гармонии со всем. Вот почему я рассказал вам правду о себе».

Я напомнил ему, что следует одинаково относиться и к друзьям и к врагам, но мне не удалось смягчить его жесткое отношение к иностранцам. Оправившись от болезни, я покинул его, хотя он настаивал на том, чтобы я

⁵⁸ Буддийским монахам запрещается есть «пять горячих», или пять острых, корнеплодов – чеснок, черемшу, шнитт-лук, лук обыкновенный и лук-порей – потому, что они, как известно, будоражат кровь и вызывают гнев и похоть.

остался. Когда я сказал, что собираю средства для восстановления храма, он снабдил меня продовольствием и дал денег на дорогу, купил мне билет на поезд и послал телеграмму упасаке Гао Вань-бану в Рангуне с просьбой принять меня. Вежливо простившись, он пожелал мне удачи. Когда я прибыл в Рангун, на железнодорожном вокзале меня встречали: упасака Гао со всей своей семьей, управляющий Син-юань и монахи из монастыря. Я остановился в доме упасаки Гао, где меня приняли со всеми почестями. Упасака сказал: «Достопочтенный учитель Мяо-лянь на протяжении всех этих десятилетий интересовался вашей отшельнической жизнью, но никогда не получал никаких известий от вас. Он был обрадован, узнав, что вы собираетесь посетить здешние места, и написал мне, что возвращается в Китай, чтобы произвести ремонт монастыря Гуйшань (Черепашья Гора) в Ниндэ (провинция Фуцзянь). Недавно он прибыл сюда. Я сопровождал его в течение нескольких дней при посещении им Великой Золотой Пагоды (Швэдагона) и других святых мест. После этого он возвратился в свой монастырь и надеется, что вы вскоре тоже вернетесь в Китай».

Упасака Гао проводил меня до парохода и послал телеграмму в монастырь Цзилэ в Пинанге с просьбой прислать несколько монахов, которые бы встретили меня. Когда судно прибыло к месту назначения, оказалось, что на его борту один из пассажиров умер от какой-то заразной болезни. По этому случаю был поднят желтый флаг, и все путешественники были отправлены в карантин на удаленный холм. Там более тысячи человек находились под открытым небом, под палящим солнцем днем и под дождем ночью. Каждому выдавался дневной пищевой паек, состоявший из небольшой чашки риса и двух сырых плодов моркови. Врач два раза в день при-

ходил проверять их состояние. За семь дней выпустили половину пассажиров. Другая половина покинула карантин на десятый день, так что я остался один на этом холме.

Я был серьезно болен и чувствовал себя несчастным. В конце концов я лишился сил принимать пищу. На восемнадцатый день пришел врач и приказал мне переселиться в пустой дом. Я был рад этому. Я задал домовому смотрителю несколько вопросов. Он поведал, что сам родом из Цюаньчжоу. Потом, вздохнув, сказал: «Это комната смертников. Сюда они переводят тех, кто точно умрет, для вскрытия трупа». Когда я сказал ему, что намеревался посетить монастырь Цзилэ, старик растрогался и сказал: «Я дам вам лекарство». Затем он приготовил чашку настоя шэньцзюй, который я принимал два дня и почувствовал себя немного лучше на следующий день. Он сказал: «Когда снова придет врач, как только я кашляну, встаньте и постарайтесь, насколько можете, выглядеть обнадеживающе. Если он даст вам лекарство, не принимайте его».

Как и предупреждал старик, врач действительно пришел и, растворив в воде какой-то порошок, заставил меня проглотить его. Поскольку я не мог отказаться, я с неохотой выпил микстуру. Когда врач ушел, старик всполошился и сказал: «Теперь вам не долго осталось жить. Завтра он придет производить вскрытие. Я дал вам лекарство, надеясь, что Будда защитит вас». На следующее утро, когда пришел старик, я сидел на полу, но не мог ничего видеть, хотя глаза мои были широко открыты. Он помог мне подняться и увидел, что пол был в крови. Он снова принес свое лекарство. Я выпил его. Он переделал меня, вымыл пол и, вздохнув, сказал: «Другого бы на вашем месте после этого лекарства сразу бы на вскрытие отправили, не дожидаясь, пока вы

дух испустите. А вам не суждено умереть, видимо, потому, что вас защищает Будда. Когда врач снова придет в девять часов, я кашляну, подавая сигнал, и вы должны будете продемонстрировать, что вы в порядке». Когда врач пришел и увидел, что я жив, он указал на меня пальцем, улыбнулся и ушел. Когда я спросил старика, почему доктор улыбнулся, он ответил: «Потому что вам не суждено умереть». Я сказал ему, что упасака Гао дал мне денег, и попросил его передать часть их врачу, чтобы тот меня выпустил на свободу. Я тут же достал сорок юаней и передал ему и еще двадцать, чтобы отблагодарить его за все, что он для меня сделал. Он сказал: «Я не должен брать у вас деньги. Сегодня дежурит врач-европеец и ничего не получится, а завтра будет дежурить другой врач и можно будет все устроить». В тот вечер он еще раз зашел ко мне и сказал: «Я договорился обо всем с врачом за двадцать четыре юаня. Завтра вас выпустят». Получив подтверждение, я поблагодарил старика.

На следующее утро пришел этот врач, и после его визита прислали лодку, чтобы переправить меня через залив. Старик помог мне сесть в нее, и после того как меня переправили на другой берег, нанятая повозка довезла меня до монастыря Гуанфу, где монах, ответственный за встречу гостей, не обращал на меня внимания целых два часа из-за того, что выглядел я ужасно. Я испытывал смешанное чувство: был опечален и рад одновременно. Рад потому, что только что избежал смерти в руках иностранцев, и опечален потому, что ответственный за прием гостей пренебрегал своими обязанностями. В конце концов появился старый монах, который позже представился старшим монахом по имени Цзюэ-кун. Я сказал ему, что я ученик того-то и зовут меня так-то. После поклона, поскольку я был слишком

слаб и не мог подняться, он помог мне и, усадив в кресло, сказал: «Упасака Гао прислал нам телеграмму, уведомляющую о вашем прибытии, но вы ничего не дали о себе знать. Почтенный настоятель и вся община были обеспокоены. Что с вами случилось и почему вы в таком состоянии?» Потом без лишнего шума молодые и пожилые монахи заполнили зал, и атмосфера мгновенно изменилась и стала напоминать радушный домашний очаг. Вскоре появился настоятель Мяо-лянь и сказал: «День за днем мы ждали вестей от вас, и я стал опасаться, что вам угрожает какая-то опасность. Я хотел вернуться в Фуцзянь и продолжить ремонт монастыря Гуйшань, но, узнав, что вы должны приехать, остался здесь и ждал вас». В завершение длительного разговора я сказал: «Это моя вина» и поведал о том, что мне пришлось пережить. Мой рассказ произвел впечатление на старого настоятеля и монахов и они захотели услышать его в подробностях. Я удовлетворил их просьбу, после чего они соединили ладони в знак почтения, и мы все вернулись в монастырь Цзилэ. Старый настоятель убеждал меня в необходимости принять лекарства, но я сказал:

«Поскольку я вернулся домой, все мои ложные мысли исчезли. Я отдохну несколько дней и буду в порядке». Позже, когда он увидел, что я провожу несколько дней подряд в медитации, он предупредил меня: «Климат на юге жаркий и отличается от климата в Китае. Я опасюсь того, что долгое сидение будет вредным для вашего здоровья». Однако у меня не было ощущения, что что-то не так в моей медитации.

Старый учитель сказал: «Вам следует теперь дать толкование «Лотосовой сутры», дабы здесь воцарилась благоприятная атмосфера. Я возвращаюсь в Китай. Когда закончите толкование этой сутры, не спешите вер-

нуться в провинцию Юнь-нань, а посетите гору Гушань, поскольку там я еще должен кое-что вам сказать».

Проводив старого настоятеля до пристани, я вернулся в монастырь и приступил к толкованию этой сутры. Несколько сот человек стали моими учениками, и буддийские законники из Малакки пригласили меня дать толкование «Сутры Будды медицины» (*Бхайшаджья-гуру сутра*) в монастыре Цинъюнь. Затем я отправился в Куала-Лумпур, где упасаки Е Фую и Хуан Юньфань попросили меня дать толкование «Ланкаватара сутры» в храме Линшань. Во всех городах Малайзии, где давал толкование сутрам, я обретал десятки тысяч последователей.

Той зимой я получил телеграмму от представителей Объединенной буддийской общины провинции Юнь-нань. В ней говорилось, что правительство собирается ввести налог на монастырское имущество. В то же самое время учитель Цзи-чань из Нинбо и другие прислали мне телеграмму, в которой просили меня вернуться в Китай как можно быстрее для обсуждения этих вопросов. Год был на исходе, и я задержался в Куала-Лумпуре, где встретил Новый год.

Мой 67-й год (1906–1907)

Я вернулся в Китай весной. Когда пароход зашел по пути на Тайвань, я посетил монастырь Лунцюань, а когда он прибыл в Японию – несколько монастырей в различных местах. Поскольку Китай и Япония в то время не были в дружеских отношениях, за китайскими монахами внимательно следили, а японским монахам не разрешалось посещать Китай. По этой причине мое желание основать Конфедерацию китайских и японских буддистов не смогло осуществиться.

На третий месяц я достиг Шанхая, где вместе с учителем Цзи-чанем и представителями Буддийской общины направился в Пекин, чтобы представить нашу петицию центральному правительству. Прибыв туда, мы остановились в монастыре Сяньлян, где нас приветствовали лично учителя Фа-ань, который был куратором по делам буддизма, Дао-син из монастыря Лунцюань и Цзюэ-гуан из монастыря Гуаньинь. Там князь Су Шаньци пригласил меня к себе с просьбой дать буддийские наставления его жене. Князи и высокопоставленные чиновники, мои старые знакомые (со времен Боксерского восстания, когда они в императорской свите убегали на запад), все пришли меня навестить и дать совет относительно того, как должна быть представлена наша петиция. Поскольку буддийские законники были готовы оказать мне помощь, я не столкнулся с какими-либо затруднениями. В ответ на нашу петицию был оглашен следующий имперский указ.

Тридцать второй год правления под девизом Гуан-сюй:

Имперский указ

В вопросах собирания пожертвований уже многократно доводилось до сведения местных властей, что никакие оправдательные ссылки оных на закон недопустимы в случае угнетения бедных. Нам стало известно, что школьные учреждения и фабрики строятся произвольно, без учета насущных нужд провинций и элементарного уважения к буддийской сангхе. Такое положение вещей недопустимо, и потому вводится правило, согласно которому все наместники должны незамедлительно приказать местным властям взять под свою защиту все монастыри, большие и малые, и всю принадлежащую этим монастырям собственность. В связи с этим

никакое знатное лицо или чиновник ни под каким предлогом не имеет права вмешиваться в их жизнь, и никаким местным властям не разрешается облагать монастырскую собственность налогом. Исполнение этого указа одобряется как действие, согласующееся с нашей формой правления.

После провозглашения этого имперского указа все местные налоги на монастырскую собственность были отменены. Я остался в столице, чтобы привлечь внимание буддистов к тому, что еще никто из императоров династии Цин не посылал копию Трипитаки в провинцию Юньнань, и убедил их в целесообразности представить петицию, дабы этот удаленный пограничный район извлек пользу из этой дхармы. Князь Су охотно согласился поддержать эту петицию, и министр внутренних дел представил ее императору. Она гласила:

Куратор по делам буддизма и хранитель печати Фа-ань обратились с прошением в наше министерство. Они подчеркнули, что по сведениям, полученным от настоятеля Сюй-юня из монастыря Инсян, расположенного на вершине горы Петушиная Ступня, в Биньчуане округа Дали провинции Юньнань, монастырь этот является древним святым местом, но до сих пор не имеет копии Трипитаки. Он просит передать в дар монастырю ее имперскую копию, дабы ее чтили в монастыре до скончания веков. Место, о котором идет речь, считается священным пристанищем Махакашьяпы, и храм сегодня являет собой лишь останки древнего монастырского комплекса. Цель этого прошения – снискание щедрого благодушия в вопросе о передаче в дар имперского издания Трипитаки для почитания дхармы Будды. Простение представлено князем Су, министром гражданского управления, настоятелем Чэн-хай из монастыря Байлинь и на-

стоятелем Дао-сином из монастыря Лунсин. В случае одобрения Вашим Величеством моя скромная просьба сводится к тому, чтобы ведомство по делам буддийского духовенства получило указание совершить передачу Трипитаки в дар монастырю.

На шестой день шестого месяца петиция получила имперскую санкцию, и следующее императорское распоряжение было издано двадцатого числа седьмого месяца тридцать второго года правления Гуан-суй (1907 г.):

Его Императорское Величество с чувством удовлетворения присваивает монастырю Ин-сян на вершине горы Петушина Ступня в провинции Юньнань дополнительный титул: «Чаньский монастырь Хуго Чжушэн» («защита государства и звание к совершенномуудрым»). Кроме этого Его Величество дарит монастырю собрание императорской «драконовой»⁵⁹ Трипитаки, а настоятелю монастыря – пурпурную рясу, чашу, нефритовую печать, жезл и скипетр. Настоятелю Сюй-юню отныне присваивается титул Великого учителя Фо-цы Хунфа (безбрежная дхарма буддийского сострадания). Ему предлагается вернуться в горный монастырь и распространять там свет буддийского учения во имя процветания нации и народа ее. Министр внутренних дел получил в связи с этим указание оповестить учителя Сюй-юня об этом императорском указе, дабы учитель принял дары и вернулся в монастырь в качестве его хранителя и проповедовал бы там учение Будды.

Всем чиновникам и местным жителям предписывается неуклонно выполнять этот императорский указ и покровительствовать монастырю. Все противоречащие указу действия с их стороны строго запрещаются.

⁵⁹ Издание, украшенное мотивами дракона.

Моя просьба подарить монастырю Трипитаку была, таким образом, удовлетворена, и теперь все было в порядке. Двадцатого дня я получил письмо от Мяо-ляня из Гушаня. Он писал: «Перевозя Трипитаку, вам прежде всего следует добраться до Амоя. Пожалуйста, оставьте сутры там на некоторое время и немедленно отправляйтесь ко мне на гору Гушань».

В столице буддисты помогли мне получить Трипитаку. Настоятели Чжуань-дао из монастыря Янчжэнь и Вэнь-чжи с горы Фодин в особенности оказали мне огромную помощь по доставке массивного собрания текстов из столицы в Амой. Год заканчивался, и я встретил новый, задержавшись в Пекине.

Мой 68-й год (1907–1908)

В первый месяц той весны я отправился в Шанхай и в Амой благодаря содействию учителей Вэнь-чжи и Чжуань-дао. Прибыв туда, я получил телеграмму с горы Гушань с уведомлением о том, что старый настоятель Мяо-лянь ушел в паринирвану на горе Гушань. В это время монахи всех монастырей Амоя отправились на гору Гушань на церемонию ритуальной кремации тела настоятеля, чья ступа была перенесена в малый зал монастыря до принятия решения относительно места ее упокоения. Я немедленно отправился на гору Гушань, где руководил возведением пагоды и помогал в церемонии прочтения буддийских наставлений усопшему. Я был весь в работе, и на десятый день четвертого месяца, как только закончилось сооружение пагоды, начался проливной дождь, длившийся пятнадцать дней подряд и доставивший всей общине много неприятностей.

На восьмой день следующего месяца после оконча-

ния церемонии передачи заповедей бодхисаттвы дождь прекратился. На девятый день погода наладилась, и начали в большом количестве приходить люди, образованные и простые. На десятый день, когда ступу (с пеплом) поместили в пагоду, было расставлено сто столов с вегетарианской пищей на открытой площадке, где все собрались на чтение сутр. После чтения молитв и преобразующей пищу мантры неожиданно налетел смерч и поднял всю пищу в воздух, и яркий красный свет начал струиться из ступы, поднимаясь к крыше пагоды. Все присутствующие были поражены. После того как закончились церемонии и мы возвратились в монастырь, начался проливной дождь. Половина останков была помещена в ступу, а другая половина была отправлена на юг в монастырь Цзилэ в качестве священной реликвии.

Когда я прибыл в Пинанг с Трипитакой и останками покойного настоятеля Мяо-ляня, монахи из монастыря Авалокитешвары и другие пришли встретить меня. Их было несколько тысяч. После чтения сутр во время повторения преобразующей пищу мантры неожиданно налетел смерч и разбросал повсюду тысячи жертвенных цветов. Шкатулка с останками источала яркий свет, уходивший вдаль к крыше пагоды в двух *ли* оттуда. Эти два удивительных явления имели место во время совершения мною ритуальных обрядов и четко засвидетельствованы мною лично. По этому поводу Будда говорил: «Эзотерические практики непостижимы». Я ничего не знал о жизни и самосовершенствовании настоятеля. Он не настаивал ни на чаньских методах, ни на методах Чистой Земли, но главной целью его жизни он считал восстановление разрушившихся монастырей и обращение в буддизм всех, кто к нему приходил. Явления, связанные с его кончиной, были поистине удиви-

тельными. После того как он мне, новичку, обрил голову многие годы назад, я ничего о нем не слышал. Я действительно был виновен, не проявляя должной благодарности своему учителю, и мой последний контакт с ним выражался в заботе о его ступе и в упокоении его светозарных останков. Я вспомнил его последние слова, по которым можно было судить о том, что он знал о своей грядущей смерти. Поскольку невозможно очень точно что-то предугадать в этом отношении, я просто излагаю факты для тех, кто придет мне на смену и сделает свои собственные выводы.

Затем я пароходом отправился в Даньна, и монастырь Авалокитешвары пригласил меня дать трактовку «Хридая сутре» (Сутра сердца). Оттуда на другом пароходе я отбыл в Сиам (Таиланд), но поскольку на нем не было вегетарианской пищи, большую часть пути я провел сидя, скрестив ноги. Один англичанин пришел на нашу палубу и, взглянув на меня несколько раз, спросил: «Куда достопочтенный учитель направляется?» Услышав, что он говорит по-китайски, я ответил: «Я держу путь в Юньнань». После этого он пригласил меня в свою каюту и предложил мне пирожных и молока, от чего я вежливо отказался.

«Где вы обычно останавливаетесь в Юньнани?» – спросил он.

«В монастыре Инсян на горе Петушина Ступня», – ответил я.

Он сказал: «Монашеский кодекс там превосходно соблюдается».

Я спросил его: «А что вы там делали, сэр?»

Он ответил: «Я был британским консулом в Тэньюэ и в Куньмине и посещал монастыри в этом районе». Затем британский консул спросил о цели моего пребывания за границей. Я сказал, что везу Трипитаку в Юнь-

нань и что стеснен в дорожных расходах, что я в первую очередь посетил Куала-Лумпур в поисках пожертвований. Он спросил: «Есть ли у вас какие-нибудь официальные документы?» Тогда я представил ему официальные доказательства и предъявил книгу, регистрирующую пожертвования. Консул занес в нее запись на 3 000 юаней⁶⁰. Это было удивительное событие. Потом он пригласил меня к трапезе, состоящей из жареного риса и овощей. Когда пароход прибыл в Сиам, я сошел на берег, расставшись с ним.

Затем я остановился в монастыре Лунцюань, где дал толкование «Сутры Кшитигарбхи». Однажды меня навестил тот самый британский консул и вручил мне еще 3 000 юаней. Чтобы построить зал для хранения Трипитаки по возвращении в Юньнань, мне была необходима большая сумма, выражающаяся в нескольких десятках тысяч юаней, но до консульского пожертвования я смог собрать лишь незначительную сумму. Через несколько дней после того, как я закончил толкование «Сутры Кшитигарбхи», я приступил к толкованию «Вселенской Двери»⁶¹ перед аудиторией в несколько сот человек.

Однажды, сидя со скрещенными ногами, я произ-

⁶⁰ По тем временам это была значительная сумма и могла составлять половину годового оклада консула.

⁶¹ «Вселенская дверь» относится к одной из глав «Лотосовой сутры», в которой говорится о вселенском сострадании бодхисаттвы Авалокитешвары. Авалокитешвара дал обет проявиться в любой необходимой форме для избавления живых существ от страдания, при этом должно соблюдаться единственное условие: преданные ему последователи должны непоколебимо верить в его силу. В широком смысле «Вселенская дверь» представляет суть учения махаяны о всеобщем спасении.

вольно погрузился в самадхи и таким образом забыл все о толковании сутр. После того как я просидел так в течение девяти дней подряд, эта новость распространилась по столице (Бангкоку). Король, приближенные министры, а также мужчины и женщины из среды учеников пришли засвидетельствовать свое почтение. Я вышел из самадхи, и, когда закончил трактовку сутр, король Таиланда пригласил меня в свой дворец, чтобы я дал трактовку сутрам там. Он преподнес мне много подарков и уважительно попросил меня принять его в ученики. Образованные люди и простой народ сделались моими учениками. Их было несколько тысяч человек.

После этого самадхи обе мои ноги онемели и я с трудом мог ходить. Вскоре все мое тело потеряло чувствительность и, поскольку я не мог даже держать в руке палочки для еды, меня кормили другие. Буддисты вызвали китайских и западных врачей, но лекарства, иглоукалывание и прижигания не помогли. Когда я потерял зрение и слух, все врачи не знали что делать. Я, однако, был безразличен ко всему этому, находясь в отрешенном состоянии. Но оставалось нечто, от чего я не мог себе позволить отрешиться. Это был банковский чек, зашитый в воротник. Об этом никто не знал, и поскольку я не мог сообщить об этом ни устно, ни письменно, то в случае моей смерти и кремации вместе с этим чеком Трипитаку не удалось бы доставить на гору Петушина Ступня и зал для ее хранения не на что было бы строить. Какое тяжелое кармическое бремя я взвалил бы на себя в этом случае? Думая об этом, я плакал и молча молился, обращаясь за помощью к Махакашьяпе.

В то время учитель Мяо-юань, который в прошлом останавливался со мной на горе Чжуннань, случайно

оказался рядом. Он увидел, что я плачу и шевелю губами, и наклонился надо мной, внимательно прислушиваясь. Я попросил его дать мне немного чая, чтобы немного взбодриться и продолжить молитву, обращенную к Махакашьяпе. После чая мое сознание прояснилось и я уснул. Во сне я видел старика, похожего на Махакашьяпу, который сидел возле меня. Он сказал: «Бхикшу, ты должен всегда придерживаться заповеди относительно чаши и рясы. Не волнуйся о состоянии твоего тела. Пользуйся сложенной рясой и чашей в качестве подушки, и все будет хорошо». Услышав это, я немедленно соорудил себе подушку из сложенной рясы и чаши. Кладя ее под голову, я оглянулся, но почтенный старец исчез. У меня выступил по всему телу обильный пот, и я почувствовал себя неописуемо счастливым. Теперь я уже был в силах пробормотать несколько слов и послал Мяо-юаня просить рецепта лекарства перед образом Хуа То. Первый рецепт состоял исключительно из дерева мучжи и помета летучих мышей. Приняв его, я снова обрел способность видеть и говорить. Мяо-юань попросил второе лекарство. Оно состояло только из мелкой красной чечевицы, из которой следовало варить кашу и не принимать никакой другой пищи. Через два дня я уже мог немного двигать головой. Следующий рецепт по-прежнему состоял из мелкой красной чечевицы. С тех пор я ел только чечевицу, что позволило мне очистить организм. Мои экскременты были черными, как лаковое дерево. Постепенно пришли в норму органы чувств, и я смог вставать и ходить. Болезнь длилась более двадцати дней. Я был благодарен всем присутствующим за искреннюю заботу обо мне. Я был чрезвычайно тронут добрым отношением ко мне учителя Мяо-юаня, который ухаживал за мной день и ночь. После этого я воздал благодарность Хуа То и дал обет воздвиг-

гать его образ всякий раз, когда буду строить или восстанавливать монастыри. Неоднократное гадание предвещало мне удачу.

После выздоровления я продолжал толкование «Шастры пробуждения веры». Почти перед самым окончанием установленного для этой процедуры срока монастырь Цзилэ в Пинанге прислал учителей Шань-цина и Бао-юэ с просьбой снова вернуться туда. Король Таиланда в сопровождении своих придворных и высокопоставленных чиновников, а также соблюдавшие дхарму миряне, как мужчины, так и женщины, пришли меня проводить и принесли пожертвования. Сумма оказалась весьма значительной.

В благодарность за чтение мною сутр в королевском дворце король подарил мне 300 цингов (около 4450 акров) земли в Дунли. Я передал ее в свою очередь монастырю Цзилэ с условием, что настоятель Шань-цин построит на ней фабрику по производству каучука в качестве источника дохода для всей монашеской общины. Вместе с учителями Шань-цином и Бао-юэ я провел новгодний период на месте будущей фабрики.

Мой 69-й год (1908–1909)

Той весной вместе с учителем Шань-цином я отправился в храм Авалокитешвары, который он построил у Сэлангора. Оттуда – в Ипох и Пэрак, где посетил несколько святых мест, а затем продолжил путь к монастырю Цзилэ, где дал толкование «Шастры пробуждения веры» и «Кодекса поведения и обетов» Самантабхадры, которые являются приложением к «Аватамсака-сутре». Когда я проходил по малым и крупным городам, число людей, желающих стать моими учениками, было очень большим, и все свое время я проводил в беседах

с ними. После того как я закончил траковку сутр в монастыре Цзилэ, я уединился, на некоторое время прекратив толкование сутр и прием посетителей. В этом монастыре я провел новогодний период.

Мой 70-й год (1909–1910)

Доставку Трипитаки я начал в Пинанге. Когда я прибыл в Рангун, меня встретил упасака Гао Ваньбан. Он уговорил меня остаться в его доме на месяц. Потом он лично сопровождал меня до Мандалая. В Рангуне упасака Гао купил статую лежащего Будды, изготовленную из нефрита, которую он хотел поднести монастырю Чжушэн. Когда пароход прибыл в Синьцзе, я остановился в храме Авалокитешвары, а потом нанял вьючных лошадей для перевозки Трипитаки и нефритового Будды на гору Петушина Ступня. Более трехсот лошадей понадобилось для перевозки сутр, а статуя оказалась слишком тяжелой для перевозки на лошади. Поскольку не было никаких рабочих, способных оказать помощь, статую пока оставили в монастыре Авалокитешвары с тем, чтобы через несколько лет перевезти ее на вышеупомянутую гору. Упасака Гао провел там более сорока дней, следя за подготовкой конвоя. Он не щадил ни здоровья, ни денег для этой цели. Действительно, люди, подобные ему, редко встречаются. Конвой, насчитывающий около тысячи человек с тремя сотнями лошадей, прошел через Тэньюэ и Сягуань, приветствуемый народом в городах и торговых центрах. Хотя на дорогу ушло более трех дней, люди и лошади были в хорошей форме. От Сягуаня до уезда Дали дождя не было, но неожиданно раскатисто ударил гром и молнии избороздили облака. На озере Эрхай поднялись волны и появился туман, что представляло собой заме-

чательное зрелище. После прохода через внешние ворота монастыря караван был встречен церемонией приветствия Трипитаки. Когда ящики с сутрами были внесены в помещение в конце этого этапа путешествия, разразился проливной дождь. Потом небо прояснилось. Народ говорил, что старый дракон из озера Эрхай прилетал приветствовать императорское издание Трипитаки.

Губернатор провинций Юньнань и Гуйчжоу Ли Цзинси, которому император поручил послать своих людей в Дали для приветствия Трипитаки, прибыл с местными чиновниками и знатью и лично засвидетельствовал это чудо. Все они вознесли хвалу безграничности Дхармы Будды. Мы отдыхали в Дали в течение десяти дней. Двигаясь дальше через Сягуань и Чжаочжоу, караван прибыл в уезд Биньчуань, а оттуда направился прямо к монастырю Чжушэн. За все путешествие не случилось ничего плохого, и ни капли дождя не упало на ящики с сутрами. Тексты были помещены в монастырь. В последний день месяца были совершены воскурения. Вся общественность испытывала радость в связи с исключительно благополучным прибытием священных писаний, хотя путь был долгим. Это было добрым предзнаменованием. Прошение о Трипитаке, таким образом, завершилось благоприятным исходом.

Было еще одно событие, о котором стоит упомянуть. После того как я прибыл в монастырь Ваньшоу (Долгая жизнь) в Тэньюэ, во время разговора с Чжан Сунь-линем в зале корова, убежавшая от своего хозяина, вошла и встала на колени, проливая слезы. Вскоре появились хозяин Ян Шэнчан и другие. Я узнал, что Ян мясник, и сказал корове: «Если ты хочешь спастись бегством, тебе следует найти убежище в тройной драгоценности». Корова кивнула головой, и я тут же объяс-

нил животному формулу тройного прибежища. После этого я помог корове подняться, и она стала вести себя совершенно спокойно, как человек. Я предложил хозяину деньги, но тот отказался их взять. Он был глубоко растроган увиденным и, поклявшись изменить род занятий, попросил приобщить его к дхарме. Поскольку он также решил стать вегетарианцем, Чжан Сунь-линь, на которого преображение этого человека произвело глубокое впечатление, дал ему рекомендации для работы в одном магазине.

Мой 71-й год (1910–1911)

В результате имперского указа, запрещающего облагать налогами монастырскую собственность, а также прибытия Трипитаки в монастырь вся буддийская община провинции Юньнань обрела мирную жизнь. Губернатор провинции Юньнань Ли послал своего представителя в монастырь справиться обо мне, а также велел членам своей семьи стать моими учениками. Они привезли мне подарки губернатора, и я послал ему письмо с выражением благодарности. Я попросил учителя Цзе-чэня выйти из затворничества и посетить монастыри с целью побуждения их обитателей соблюдать дисциплинарные правила так, как это делаем мы. Я также просил его начать обучение молодых монахов, чтобы искоренить вредные привычки. С тех пор дхарма снова стала процветать на горе Петушина Ступня. Кроме того, я вел переговоры с начальником уезда Биньчуань об освобождении всех монахов, все еще находившихся в тюрьмах, и об освобождении всех других заключенных, совершивших мелкие правонарушения.

Летом я получил письмо от членов моей семьи, которое переслали мне из монастыря Гушань. Мыслен-

ным взором я окинул пятьдесят лет, прошедших с тех пор, как я покинул дом, и сочинил три стихотворения, в которых были такие строки:

Всего лишь чистая карма в этой жизни,
И нечему больше запечатлеться в душе.

* * *

Давно все мирское уже позабыто.
Не тащи бывшие привычки в заоблачный
край.

Когда упасака Чэнь Жунчан, первый секретарь государственной канцелярии, увидел мои стихи, он обнаружил их связь со следующими гатхами бхикшуни Мяо-цзин, начертанными на каменной плите.

Гатхи бхикшуни Мяо-цзинь

В миру бхикшуни Мяо-цзин носила фамилию Ван и была мачехой учителя Сюй-юня, который в монашеской среде был известен под именем Гу-янь, официальным именем Дэ-цин и прозвищем Сюй-юнь. Он был родом из Сянсяна и носил фамилию Сяо. Семья вела родословную от императора династии Лян У-ди. Его отец Сяо Юйтан был чиновником в округе Цюаньчжоу провинции Фуцзянь. Мать носила фамилию Янь. Ей уже было за сорок, когда она стала молиться бодхисаттве Авалоки-тешваре о ниспослании потомства, и забеременела. Однажды ночью ей и одновременно ее супругу приснился мужчина в голубой рясе, с длинной бородой, с образом бодхисаттвы на голове. Он явился верхом на тигре, который прыгнул прямо к ним на кровать, и мать, испугавшись, проснулась. Комната была наполнена необычным ароматом.

Учитель родился в виде плодного мешка. Мать, увидев это, была горько разочарована и, поддавшись чувству отчаяния, умерла. На следующий день в их дом зашел торговец целебными травами. Он вскрыл ножом мешок и извлек ребенка мужского пола, это и был будущий учитель Сюй-юнь. Растила и воспитывала его мачеха. Учитель Сюй-юнь неохотно ел мясную пищу. Подростком получил образование, но не любил конфуцианскую классику, предпочитая буддийские сутры. Отец огорчился и строго отчитывал его. В 17 лет он был объявлен также наследником своего дяди, и отец подобрал ему двух жен из семей Тянь и Тань. Учитель не хотел жениться и убежал из дома на гору Гушань в провинции Фуцзянь. Там он стал учеником настоятеля Мяоляня. В году с циклическими знаками *цзя-цзы* (1864–1865) после смерти отца мачеха вместе с двумя нареченными женами учителя ушла в буддийский женский монастырь, где они присоединились к буддийской сангхе в качестве бхикшуни. Тянь, болевшая прежде туберкулезом, через четыре года после рецидива болезни умерла. А что касается Тань, то она в то время еще была жива и пребывала на горе Гуань-инь в Сянсяне, известная как бхикшуни Цин-цзе. В своем письме она сообщила учителю о смерти его мачехи в году с циклическими знаками *цзи-ю* (1909–1910), которая перешла в мир иной, сидя скрестив ноги и произнося нараспев следующие гатхи:

Первая гатха

Что толку растить сыновей в этой жизни?

Оперившись, крылья расправят они и улетят.

Пока в утробе – жизнь на волоске,
С рождением – благодарят богов.

Без усталости их вскармливают, терпят их
вечно грязные пеленки,
И с ними носятся, как с драгоценным
шаром лев⁶²,
Они же подрастут, окрепнув, упорхнут,
Кто станет в старости родителям опорой?

Нет братьев у тебя, покинул мир отец,
И некому заботиться о мачехе твоей и
женах.
Кому расскажешь, каково растить дитя?
Чем больше думаешь, тем горше на душе.

Быть лучше тенью матери умершей, в
разлуке с сыном,
Перед глазами только гор заоблачных
стена.
Ты смог направить ум на размышление
о рождении и смерти,
Но не заметил, что Пан-юнь не покидал
родных⁶³.

Так ли отлична любовь к дхарме от мирского чувства?
Ведь ясно птицам гор, что на закате пора в гнездо.
И хоть нас также принял монастырь,
Мы день за днем с горы холодной лишь

⁶² Китайский лев-страж на скульптурных изображениях обычно придерживает лапой драгоценный шар, символизирующий власть, или свет мудрости.

⁶³ Упасака Пан-юнь достиг просветления, но не присоединился к сангхе. Эта строчка означает: «Почему ты не последовал его примеру и не остался дома, чтобы заботиться о своих родных?»

смываем мох⁶⁴.

Ты же еще был сыном Правителя Пустоты⁶⁵,

А Миром Почитаемый не отказал в спасенье тетке⁶⁶,

Сия юдоль скорбей мне ненавистна.

Сознание смиряю, чтобы вернуться в мир блаженства.

Еще одна гатха

Из-за привязанности к суете мирской
Утрачиваешь раз за разом истинное
«Я».

Восемь десятков с лишним лет в плену
иллюзий,

Пока не станет все ничем, не будет никого.

Обрывая сегодня узы всей прежней жизни,

Обрету в Царстве Лотоса иное чистейшее тело.

Те, кому с именем Будды суждено возвратиться на Запад,

Не должны утонуть в безбрежном море скорбей.

⁶⁴ «Холодная гора» здесь символизирует истинную природу человека, которая бесстрастна и равнодушна к мирскому. Тонкий слой мха указывает на мирские привычки. То есть бхикшуни только избавлялись от мирских страстей, но не совершали деяний бодхисаттвы, как это делал учитель.

⁶⁵ «Правитель Пустоты» – это Будда.

⁶⁶ «Почитаемый миром» указывает на Будду. Его тетя, в детстве заменившая ему умершую мать, стала с его позволения первой бхикшуни. До этого института монашества для женщин не существовало.

Письмо бхикшуни Цин-цзе

Приветствую вас издалека, достопочтенный господин. Я не переставала думать о вас с тех пор, как вы покинули наш дом, но через заоблачные высоты гор, разделивших нас, я не могла получить известий о вас. Полагаю, вы живете вдали, как пристало достойному великому монаху, в полной гармонии покоя и активности, а также в добром здравии, словами не выразить все, чего я желаю вам. Прошло более пятидесяти лет с той поры, как вы оставили нас, во сне и наяву я никогда не переставала думать о вас, но поскольку о местопребывании вашем ничего не было известно, то была лишена возможности быть рядом и прислуживать вам. В первом месяце этого года до меня дошли слухи, что вы находитесь где-то в провинции Фуцзянь. Узнав об этом, я испытала смешанное чувство печали и радости, так как мне оставалось лишь теряться в догадках относительно того, где именно вы находитесь. Чем больше я думаю о том, что вы не смогли вернуть моральный долг отцу и матери, и о том, что отбросили прочь все чувства в отношении своих жен, тем труднее мне понять, как вы смогли все это перенести.

К тому же и братьев у вас не было, а вы появились на свет, когда родители ваши уже были в преклонном возрасте, а нам не удалось продолжить род. Дома было некому заботиться о семье, оставшейся без наследника. Когда я обо всем этом думаю, не могу удержаться от слез. Конфуцианское учение подчеркивает важность пяти видов человеческих взаимоотношений и поведения детей по отношению к родителям⁶⁷. А ведь даже бес-

⁶⁷ Это отношения между: (1) государем и министром, (2) оцом и сыном, (3) мужем и женой, (4) старшими и младшими братьями, (5) друзьями.

смертный Хань-сян думал о спасении своего дяди и о жене последнего. Что касается самого Будды, то он относился одинаково к друзьям своим и врагам. Некогда он даровал спасение Дэвадатте (своему кузену и врагу) и собственной жене, Яшодхаре. Неужели на самом деле у нас нет никакого кармического родства? Если вас не беспокоит мысль о том, что мы уроженцы одного и того же района, то вам по крайней мере следует вспомнить о своем долге по отношению к родителям. Я чувствую себя обязанной немного рассказать вам о семейных проблемах.

После того как вы покинули дом, ваш отец послал людей, призванных вас найти, но – безрезультатно. Он был очень опечален и вследствие ухудшавшегося здоровья оставил службу и вернулся домой подлечиться. Через год с небольшим он отошел в мир иной – четвертого дня двенадцатого месяца года с циклическими знаками *цзя-цзы* (1864–1865). Когда его похоронили, ваша мачеха, Тянь и я ушли в женский монастырь и присоединились к сангхе под соответствующими дхармовыми именами Мяо-цзин (совершенная чистота), Чжэнь-цзе (истинная незапятнанность) и Цзин-цзэ (чистая непорочность). Право распоряжаться имуществом нашей семьи было передано вашему дяде и вашей тете. Основную часть этого имущества они роздали нищим. После четырех лет дхармы Тянь начала испытывать приступы рвоты с выделением крови и умерла. В год с циклическими знаками *и-хай* (1875–1876) умер ваш дядя в Вэньчжоу. Мой старший брат теперь начальник уезда Синин. Ваша кузина Юнго уехала в Японию с третьим братом Тянь. Ваш кузен Хунго стал вашим наследником, а что касается вашего кузена Фуго, то о нем нет никаких сведений с тех пор, как он ушел с вами.

Один древний мудрец сказал: «У святых нет потом-

ков». В своей прошлой жизни вы, должно быть, были монахом, который перевоплотился теперь, но вы несете ответственность за непродолжение рода двух семей. Хотя вы и бодхисаттва, стремящийся к освобождению всех живых существ, не могу не посетовать на то, что вы не сумели исполнить свой сыновний долг. Я тоже не преуспела в исполнении своего долга в отношении родителей, но я восхищаюсь подлинностью корней вашей духовности и вашей непоколебимой решимостью, подобной цветку лотоса, к которому не пристает грязь, из которой он вырос. Но почему вы, покинув свои родные места, забываете о своих семейных корнях? Желая напомнить об этом, я пишу вам это письмо.

Прошлой зимой, восьмого дня двенадцатого месяца (18 января 1910 г.) ваша мачеха бхикшуни Мяо-цзин отбыла в сторону Западного Рая. Она сидела, скрестив ноги, и пела свои гатхи перед этим, а «отошла» сразу после того, как закончила, при этом весь монастырь наполнился необычным благоуханием, аромат которого ощущался несколько дней, в течение которых ее тело в сидячем положении с прямой спиной казалось живым. Увы! Хотя этот мир подобен сну или обману зрения, даже будь ты из дерева, все равно не сдержать слез в подобном случае. Это письмо имеет целью ознакомить вас с тем, что происходит в вашей семье. Я очень надеюсь, что, получив его, вы немедленно вернетесь вместе с кузенком Фуго. Кроме того, святое учение здесь в упадке, и кому как не вам знать о том, что именно вы должны его оживить. Разве вы не можете последовать примеру Махакашьяпы и ниспослать нам золотой свет, чтобы я смогла стать вашей соратницей по дхарме! Я вся в слезах, и буду лелеять эту надежду до конца дней своих. Слова ничего не стоят, даже тысячи слов не могут передать все мои чувства, их не передать никакими словами.

Ты дикий гусь, покинувший гнездо,
В пути на юг один парящий в небе.
Как жаль оставшихся в родном гнезде,
Тяжелый долгий перелет им не под силу.

* * *

Раскалывает взгляд луну на горизонте,
Источник слез моих неиссякаем.
Так задержалась на реке Сянцзян —
Сливаются в пятно зарубки на бамбуке.

Тебе судьба быть совершенным в Дао
И мудростью сиять для нас, как солнце.
Но жили вместе мы в горящем этом до-
ме⁶⁸
И, значит, родственники в граде дхармы.

*С уважением, бхикшуни Цин-цзе, удрученная
печалью на горе Гуаньинь,
девятнадцатого дня второго лунного месяца
года со знаками гэн-сюй (29 марта 1910 г.)*

Примечание Цэнь Сюэлюя:

Когда учитель получил это письмо, у него были смешанные чувства: он был опечален, потому что не отплатил сыновний долг родителям, но также и обрадовался тому, что более чем через сорок лет дхармы душа бхикшуни Мяо-цзин не омрачается приближением смерти. Это следует из ее двух гатх, предсказывающих ее воплощение в Западном Раю.

Мой 72-й год (1911–1912)

Весной, вслед за наставлениями, началась 49-дневная чаньская медитация из семи семидневок, про-

⁶⁸ В «Лотосовой сутре» этот мир сравнивается с горящим домом, в котором нет ничего, кроме страданий.

должительность сидячей медитации во время которой измерялась сгоранием благовонных палочек. Была создана летняя база со своим распорядком и дисциплинарными правилами. На девятом месяце до провинции Юньнань дошли известия о том, что в Ухане вспыхнула революция, и начались беспорядки. Город Биньчуань был осажден, и все шло к большим бедствиям. Я выступал в роли миротворца, когда вследствие недоразумения командующий Ли Гэньюань послал войска с целью осады горы Петушина Ступня, но будучи удовлетворен моими разъяснениями, не только отозвал войска, но и принял доктрину тройной драгоценности (Будда, дхарма, сангха).

Примечание Цэнъ Сюэлюя:

Учитель продиктовал всего несколько строчек, но я читал полный отчет об этих событиях в архивах провинции Юньнань. Из них я кое-что процитирую. То, что учитель скромно умолчал о подробностях, лишь свидетельствует о его высоких моральных качествах.

Наряду с распространением дхармы и трудов во имя спасения живых существ в Юньнани учитель, благодаря его своевременному вмешательству, смог предотвратить следующие бедствия:

1. В конце правления династии Цин (1911) начальником уезда Биньчуань был некто по имени Чжан. Он был родом из Чанши и отличался крутым нравом. Район кишел бандитами, и хотя он арестовывал и расстреливал многих из них, их численность не уменьшалась. Они стали образовывать тайные общества. Ради своей собственной безопасности представители мелких помещиков вступали в сговор с ними, за что Чжан их жестоко наказывал. Он также арестовывал несколько десятков незаконно послушных монахов с горы Петушина Ступня. Но к учителю (Сюй-юню) он относился с

большим уважением. Когда разразилась революция, народ Биньчуаня присоединился к ней и окружил здание уездного правительства, которое, однако, прочно удерживал Чжан. Он не мог рассчитывать на подкрепление и поэтому находился в безнадежном положении. Когда учитель спустился с горы и отправился в здание правительства, мятежники сказали: «Учитель, пожалуйста, вымани Чжана из здания, чтобы мы смогли убить его в успокоение народного гнева». Учитель ответил уклончиво, но когда вожак мятежников потребовал того же, он сказал: «Было бы нетрудно убить Чжана. В этом пограничном районе ходит множество разных слухов, и положение все еще весьма неясное. Если вы осадили город для того, чтобы убить представителей власти, вас накажут, когда придет подкрепление».

Вожак спросил: «Что вы можете посоветовать?»

Учитель ответил: «До Дали можно добраться всего за два дня, а губернатор провинции Сычуань сейчас там проводит инспекцию. Если вы отправитесь туда сейчас и изложите свои претензии в отношении Чжана, последний будет приговорен к смертной казни, а вы в этом случае избежите наказания, предусмотренного для тех, кто своими руками вершит правосудие».

Вожак последовал совету учителя и вывел свое ополчение за пределы города. Когда учитель вошел в здание правительства, он увидел вооруженного Чжана, готового дать отпор мятежникам. Чжан пожал руку учителю и сказал: «Я исполняю свой долг и буду очень признателен, если вы подыщете место для моей могилы на горе Петушина Ступня, если я умру».

Учитель ответил: «В этом нет необходимости. Местные служилые возлагают большие надежды на некоего Чжан Цзинсяня. Пожалуйста, пошлите за ним». Цзинсянь действительно добился переми-

рия, и революционеры ушли. После этого отправили в Дали за подкреплением, и когда оно прибыло, осада города была снята. На тот момент, когда Чжан покидал город, Юньнань уже провозгласила свою независимость (от цинского императора). Генерал Цай Гай был назначен губернатором, а его старый школьный приятель, сын Чжана, стал министром иностранных дел. В благодарственном письме учителю Чжан писал: «Вы не только спасли мне жизнь, но также защитили префектуру Биньчуаня. Без вашего вмешательства меня могли бы убить, а мой сын теперь искал бы способ отомстить за меня.

2. После провозглашения республики «живые Будды» и почтенные ламы Тибета, воспользовавшись удаленностью от центра, проигнорировали приказ нового режима вывесить республиканский флаг⁶⁹. Центральное правительство приказало юньнаньским властям послать Инь Шухуана во главе двух дивизий с целью наказания строптивых, и первые отряды уже достигли Биньчуаня. Учитель считал, что в случае начала враждебных действий в пограничном районе бедам не будет конца. Он сопровождал эти отряды до округа Дали, где сказал командиру: «Тибетцы являются буддистами, и если вы пошлете к ним кого-нибудь хорошо знающего дхарму, то при помощи переговоров с ними

⁶⁹ Эта выдержка из архивов провинции Юньнань затрагивает старый вопрос о подчиненности Тибета Китаю. Чиновник, которому было поручено произвести архивные записи, принимал такую соподчиненность как должное. В прошлые века и Бирма, и Тибет номинально находились под контролем Китая. Мы настоятельно просим читателей не отождествлять политические идеи данного контекста с личными взглядами Сюй-юня. Учитель Сюй-юнь играл роль просто миротворца, который, очевидно, уделил некоторое внимание судьбе тибетского народа, как и всем прочим.

вопрос можно будет уладить, и не будет необходимости посылать туда войска». Инь прислушался к совету учителя и попросил его отправиться в Тибет с миротворческой миссией. Учитель сказал: «Я ханьский китаец и боюсь, что не смогу добиться успеха, но в Личуане живет лама Дун-бао, который за многие годы хорошо изучил дхарму. Он, будучи человеком весьма достойным, пользуется широкой известностью и уважением. Тибетцы почитают его и называют «правителем дхармы, получившим четыре драгоценности»⁷⁰. Если вы пошлете его, миссия будет успешной».

В связи с этим Инь попросил учителя передать ламе письмо, а также послал нескольких официальных лиц, призванных сопровождать учителя в Личуань. Сначала Дун-бао отказался принимать в этом участие, сославшись на преклонный возраст, но учитель сказал: «Тибетцы до сих пор с содроганием вспоминают предыдущую экспедицию, посланную в Тибет Чжао Эрфэном. Вы действительно хотите пощадить свои „три дюйма языка“ и, таким образом, пренебречь жизнью и имуществом тысяч людей?» После этого лама встал с сиденья и сказал: «Хорошо, я пойду, я пойду...» В сопровождении другого пожилого монаха по имени Фа-у он отправился в Тибет, получил подписанный документ о перемирии и возвратился назад. Подписание этого нового соглашения принесло мир на ближайшие тридцать лет.

3. Так как благодаря учителю Юньнань обрела Трипитаку, а также учение дхармы, способное духовно преобразить многих, он стал известным и снискал всеобщее уважение. Его все стали звать «Великим почтенным монахом Сюй-юнем». За революцией и отречением от престола императора

⁷⁰ «Четыре драгоценности» тибетского буддизма – лама (гуру), будда, дхарма и сангха.

последовало изгнание буддийских монахов и разрушение их храмов. Ли Гэньюань, командовавший войсками этой провинции, ненавидел монахов, нарушавших монашеский кодекс. Когда он собирался отправиться со своими солдатами в горы Юньнани, чтобы выгнать монахов и разрушить их храмы, он задавал себе вопрос, как мог учитель, всего лишь бедный монах, покорить сердца местного населения? Это настолько его заинтриговало, что он издал приказ об аресте учителя Сюй-юня.

Чувствуя неизбежность беды, почти все монахи покинули свои монастыри. Более ста человек осталось с учителем, но панические настроения их не покидали. Кто-то советовал учителю укрыться где-нибудь, но учитель сказал: «Если вы хотите уйти, уходите, но какая польза бежать от своей кармы? Я готов принять смерть ради Будды».

После этого община решила остаться с ним. Через несколько дней Ли Гэньюань привел свои войска в горы и расквартировал их в монастыре Ситань. Они сбросили бронзовую статую Махараджи (стража монастыря), что стояла на вершине горы Петушиная Ступня, и разрушили зал Будды и зал Небесных божеств. Понимая, что ситуация становится серьезной, Учитель спустился с горы и зашел к командующему, предъявив удостоверение личности охране у ворот. Те, кто его узнал, предупредили его, что ему грозит опасность быть опознанным, и отказались показать удостоверение своему старшему по званию начальнику.

Не обращая на них внимания, учитель прошел ворота. Командующий Ли был в главном зале и беседовал с Чжао-фанем, бывшим губернатором провинции Сычуань. Учитель подошел и поздоровался с командующим, который не обратил на него никакого внимания. Чжао-фань, знавший учителя, поинтересовался, как он здесь оказался, и учитель объяснил цель своего визита.

Покраснев от ярости, командующий закричал: «Какая польза от буддизма?»

Учитель ответил: «Это священное учение призвано оказывать благотворное влияние на грядущие поколения и спасти отчаявшихся. Оно проповедует добро и осуждает зло. С незапамятных времен политика и религия шли рука об руку. Первая сохраняет мир и порядок, а вторая превращает людей в добропорядочных граждан. Учение Будды подчеркивает важность контроля над сознанием, которое является корнем мириад явлений. Если корень здоров, то все остальное будет в порядке».

Ли уже больше не злился, но спросил: «Какая польза от этих глиняных и деревянных статуй? Разве это не пустая трата денег?»

Учитель ответил: «Будда говорил о дхарме и ее внешнем выражении. Дхарма раскрывается в образах, но без раскрывающих ее образов она не будет понятна и не вызовет чувства благоговения и почтения. А без этих чувств никакое зло не покажется отвратительным людям и они не остановятся ни перед каким злом, причиняя горе и творя беды. Использование глиняных и деревянных статуй в Китае и бронзовых в других странах служит пробуждению чувств благоговения и почитания, и влияние, производимое ими на массы, огромно. Однако, постигая дхарму на высшем уровне, видишь, что все образы не являются реальностью, и мир воспринимается как Татхагата».

Ли, казалось, был удовлетворен таким объяснением и приказал принести чаю с пирожными. Потом он спросил: «Почему же все-таки монахи, вместо того чтобы делать добро, ведут себя странно и становятся бесполезными для страны?»

Учитель ответил: «Монах – это просто общее обозначение, среди них встречаются и святые, и заурядные. Несправедливо обвинять всю сангху из-за одного или двух плохих монахов. Можем ли мы обвинять Конфуция за то, что существуют плохие конфуцианские ученые? Вы командуете войсками провинции, но вопреки военной дисциплине

наверняка окажется, что некоторые ваши солдаты не такие же умные и честные, как вы. Мы считаем океан великим потому, что у него нет необходимости отказывать в месте ни одной рыбе или креветке. Наша истинная природа подобна океану буддадхармы, ибо она может содержать в себе все. Обязанность сангхи сохранять учение Будды, охранять тройную драгоценность, скрытыми путями преображать других и направлять их на путь истинный. Ее влияние грандиозно. Не такая уж она бесполезная».

Командующий Ли был полностью удовлетворен таким объяснением. Он уговорил учителя остаться на вегетарианскую трапезу. Зажгли свечи, и разговор зашел о законе причины и следствия и о плодах кармы в этом мире, где все взаимосвязано и непрерывно. Во время беседы были также затронуты более глубокие вопросы. После этого Ли начал относиться к учителю с симпатией и уважением. В конечном итоге он, вздохнув, сказал: «Буддадхарма поистине велика и безгранична, но я убивал монахов и разрушал монастыри. Значит, у меня плохая карма. Что же мне делать?»

Учитель сказал: «Это все обусловлено преобладанием современных тенденций, так что это не только ваша вина. Я надеюсь, вы предпримете попытки защитить дхарму в будущем. Нет заслуги большей, чем это». Ли был очень обрадован и переехал в монастырь Чжушэн, где общался с монахами и питался вместе с ними вегетарианской пищей в течение нескольких дней. В один из дней неожиданно появился луч золотого света, соединившего вершину с подножием горы, и вся растительность приобрела желто-золотистый цвет. Говорят, что на этой горе наблюдается свет трех видов: свет Будды, серебристый свет и золотистый. Свет Будды виден каждый год, но после того, как были построены монастыри, серебристый и золо-

тистый видели всего несколько раз. Ли Гэньюань был поражен этим зрелищем и попросил учителя считать его своим учеником. Он также попросил его стать настоятелем всех монастырей горы Петушиная Ступня, после чего вывел все свои войска. Если бы не строгая аскеза учителя в Дао, разве удалось бы ему изменить настроения командующего за такой короткий срок?

*Конец заметок из архивов провинции
Юньнань*

Той зимой, в результате разногласий между Китайской буддийской ассоциацией и Великим молитвенным собранием в Шанхае, я получил телеграмму от первой с просьбой незамедлительно прибыть в Нанькин. Прибыв туда, я посетил учителей Пу-чана, Тай-сюя, Жэ-шаня и Ди-сяня и обсудил спорные вопросы с ними. Мы договорились о том, что будет учрежден Центр буддийской ассоциации при храме Цзинъань. Потом я отправился вместе с учителем Цзи-чанем в Пекин, где мы остановились в монастыре Фаюань. Через несколько дней учитель Цзи-чань неожиданно почувствовал недомогание и отошел в мир иной, сидя в медитации. Я занялся похоронами и доставил гроб с его телом в Шанхай. Центр буддийской ассоциации при храме Цзинань был официально учрежден, и там была совершена памятная служба в честь учителя Цзи-чаня. Я получил официальные документы, узаконившие образование филиалов ассоциации в провинциях Юньнань и Гуйчжоу и на граничащей с Юньнанью тибетской территории. Когда я намерился вернуться в Юньнань, упасака Ли Гэньюань вручил мне рекомендательные письма, адресованные губернатору Цай Сунпо и другим чиновникам провинции, с просьбой защитить буддийскую дхарму.

Мой 73-й год (1912–1913)

Вернувшись в Юньнань, я немедленно занялся организацией филиалов буддийской ассоциации и созвал общее собрание в храме Вэньчан. Там же я попросил учителя Ляо-чэня открыть еще один филиал в провинции Гуйчжоу. Прибыло большое число тибетских *хутукту*⁷¹ и лам из дальних регионов. Мы решили образовать группы с целью распространения дхармы и открытия буддийских школ, больниц и других благотворительных организаций. В том году произошло необычное событие: один сельчанин принес в буддийскую ассоциацию юньнаньско-тибетского региона ворона, чтобы выпустить на свободу. Он уже умел говорить и вначале еще ел мясо, но после того, как птицу познакомили с буддизмом и научили читать мантру с произнесением имени Будды, она отказалась есть мясо и стала ручной, оставаясь на свободе. Весь день напролет она неустанно взывала к Амитабхе и бодхисаттве Авалокитешваре. Однажды ее схватил орел и поднял в воздух, но и там она не переставала взывать к Будде. Будучи птицей, она не переставала думать о Будде в тяжелый момент. Так как же мы, люди, можем себе позволить быть хуже птицы?

Мой 74-й год (1913–1914)

После открытия буддийская ассоциация начала ра-

⁷¹ *Хутукту* — сино-монгольский термин, по значению более или менее приближающийся к тибетскому *тулку*, что значит высокопоставленный лама, который обычно считается перевоплощенным адептом, обладающим сверхъестественными силами. В монгольском ламаизме *хутукту* обычно является главой храмов целого региона.

ботать над описью монастырского имущества и новыми проектами, что требовало частых контактов с гражданскими властями. У нас были серьезные проблемы с Ло Жунсюанем, главой гражданской администрации провинции, который чинил нам препятствия. Постоянное вмешательство военного губернатора, заступавшегося за нас, оказалось недостаточно эффективным. Тибетские *хутукту* и Буддийская ассоциация попросили меня отправиться в столицу и обратиться напрямую к премьер-министру Сюн Силину, который был рьяным последователем буддизма. Он оказал всемерную помощь, и Ло Жунсюаня перевели в столицу, а вместо него гражданским губернатором был назначен Жэнь Кэчэн. По возвращении в Юньнань я обнаружил, что Жэнь настроен на служение дхарме и готов оказать любую посильную помощь.

Мой 75-й год (1914–1915)

Военный генерал-губернатор Юньнани Цай Сунпо уехал в Пекин, а на его место был назначен Тан Цзияо. Я намеревался вернуться на гору Петушина Ступня для отдыха и передал руководство Буддийской ассоциацией ее комитету. Вернувшись на гору, я немедленно начал заниматься ремонтом монастыря Синъюнь и храма Лоцюань в Сяяне. Как только я закончил составление планов этих ремонтных работ, настоятели монастырей горы Хэцин и ее окрестностей пригласили меня на гору Лунхуа с просьбой дать толкование сутрам.

Вслед за этим настоятель Чжэн-сю пригласил меня в монастырь Цзиньшань в Лицзяне с просьбой изложить учение, содержащееся в сутрах. Таким образом, мне представилась возможность совершить паломничество к пещере Тай-цзы на горе Сюэшань. Я посетил Вэйси,

Чжундянь и Адуьцзы, оказавшись в конце концов на границе с Тибетом, где посетил тринадцать великих монастырей. Затем я возвратился на гору Петушина Ступня, где провел новогодние дни.

Добавление:

В том году, в то время как я остановился на горе Лунхуа, давая толкование сутрам, во всех четырех уездах округа Дали неожиданно разразились землетрясения. Самые сильные случились в Дали, практически все здания рухнули, включая городские стены, за исключением пагоды Юйбао в монастыре, которая стояла, как прежде. Во время землетрясения образовалось множество трещин в земле, откуда извергались языки пламени, распространяющиеся повсюду. Горожане пытались спастись бегством, но земля раскалывалась у них под ногами, нередко ввергая их в расщелины. А когда они пытались выбраться наружу, края смыкалась, раздавливая тела, притом головы некоторых оставались над землей. Это мрачное зрелище напоминало огненный ад, упоминаемый в буддийских текстах. Видеть все это было просто невыносимо. В городе было несколько тысяч домов, и большая часть жителей пострадала, мало кто выжил.

В то время в городе была мастерская позолоты, принадлежащая Чжао по прозвищу Вань-чан и Яну по прозвищу Чжань-жань. Пожар утих перед их жилищем, и от землетрясения оно также не пострадало. В их семьях было более десяти человек, которые сохраняли спокойствие, словно ничего ужасного не происходило. Один человек, знакомый с этими семьями, сказал, что они чтили дхарму в течение многих поколений, соблюдая посты и молитвенно произнося имя Будды. Я был рад

услышать о них.

Мой 76-й год (1915–1916)

Весной после чтения заповедей произошло странное событие. В уезде Дэнчуань жил джентри по фамилии Дин, получивший степень на госэкзаменах при прошлой династии Цин. У него была только восемнадцатилетняя незамужняя дочь, которая однажды вдруг упала в обморок, и семья не знала, что делать. Очнувшись, она заговорила мужским голосом и, указывая на своего отца, обругала его и сказала: «Дин! Пользуясь своим влиянием, ты оклеветал меня как разбойника и из-за этого меня казнили. Я Дун Чжаньбяо из Сичуаня в округе Дали. Ты меня еще помнишь? Теперь я вынес тебе обвинительный приговор в присутствии Бога Смерти⁷² и собираюсь тебе отомстить за преступление, совершенное тобой восемь лет назад». После этого девушка схватила топор и погналась за отцом. Дин перепугался, спрятался где-то и не осмеливался вернуться домой. Всякий раз, когда дух являлся и вселялся в девушку, она переставала быть собой и доставляла домашним и соседям много хлопот.

В это время монастырь Петушина Ступня послал двух монахов, Су-циня и Су-чжи, в свое представительство в Дэнчуане и, проходя мимо дома Дина, они увидели большое количество людей, окруживших девушку, находившуюся в состоянии одержимости.

⁷² В Ведах говорится о том, что Богом Смерти изначально был Яма и что в его чертогах пребывают души усопших. В буддийской мифологии он считается царем мира теней и правителем ада и потому судит мертвых и определяет им меру наказания.

Один монах сказал: «Не надо тебе этого делать».

Девушка ответила: «Нечего монаху вмешиваться в чужие дела!»

Монах сказал: «Конечно, это меня никоим образом не касается, но мой учитель всегда говорил, что вражду не следует продолжать, а следует прекратить. Если этого не сделать, она только усилится и никогда не кончится».

Девушка подумала немного и спросила: «Кто твой учитель?»

Монах ответил: «Почтенный настоятель Сюй-юнь из монастыря Чжушэн».

Девушка сказала: «Я слышал о нем, но никогда не встречался с ним. Не согласится ли он дать мне наставления?»

Монах ответил: «Его сердце преисполнено сострадания, к тому же он дал обет спасти все живые существа. Почему же он должен отказать тебе?»

Монах также посоветовал девушке попросить Дина выделить деньги на коллективный молебен, призванный ее освободить, но девушка сказала: «Мне не нужны его деньги. Он убийца».

Монах сказал: «А что если жители этого города дадут тебе денег во имя обретения покоя?»

Девушка гневно сказала: «Если я не отомщу, то никогда не успокоюсь. С другой стороны, если будет продолжаться вражда, ей не будет конца. Я посоветуюсь с Богом Смерти. Пожалуйста, приди сюда завтра».

Когда злой дух покинул девушку, она встала и, заметив скопление народа вокруг, покраснела от растерянности и удалилась. На следующий день одержимая девушка предстала перед монахами и обвинила их в том, что они не выполнили обещанного. Монахи извинились, объясняя, что монастырские дела задержали их

в представительстве. Девушка сказала: «Я посоветовался с Богом Смерти. Он сказал, что монастырь Чжушэн – святое место и что я могу пойти туда при условии, что вы будете меня сопровождать».

Таким образом, монахи вернулись на гору вместе с девушкой и десятью другими людьми, рассказавшими детали предшествующих событий. На следующий день был сооружен алтарь для чтения сутр и наставлений девушке. После этого в доме Дина воцарился мир, а жители Дэнчуаня стали часто совершать паломничество в монастырь [Чжушэн].

Мой 77-й год (1916–1917)

Поскольку я намеревался привезти в Китай нефритового Будду, подаренного мне упасакой Гао несколько лет назад, я снова отправился к Южному морю [чтобы забрать его]. Узнав, что большинство народностей, с которыми мне предстояло встречаться по дороге, исповедуют буддизм, я проложил свой путь через их земли. Я снова посетил Рангун, где отдал дань почтения Великой Золотой Пагоде. Потом я навестил упасаку Гао, а также дал толкование сутрам в монастыре Лунхуа, откуда пароходом направился в Сингапур. По прибытии офицер полиции объявил пассажирам: «Наш друг, президент Китайской Республики, восстанавливает монархию на материке, и всех бунтовщиков арестовывают. Все пассажиры, являющиеся китайцами с материка и намеревающиеся остаться здесь, должны подвергнуться допросу прежде, чем им будет позволено сойти на берег».

Более пятиста пассажиров было доставлено в полицейский участок для допроса, но в конечном итоге их отпустили, за исключением нашей группы из шести мо-

нахов. Нас подозревали в принадлежности к левому крылу группировки Гоминьдан. Со всеми нами обращались как с заключенными. Нас связали и избили. Потом нас оставили на солнцепеке и запретили двигаться. Если мы двигались, нас снова начинали бить. Нам не давали ни воды, ни пищи, ни возможности справить нужду. Это продолжалось с шести утра до восьми часов вечера. Когда мой преданный ученик Хун Шэнсян и бизнесмен по фамилии Дун узнали о том, что нас задержали, они пришли в полицию и добились нашего освобождения под залог в пять тысяч долларов за каждого. У нас сняли отпечатки пальцев и выпустили. Потом наши заступники пригласили нас на товарный склад Шэнсяна, где предложили провести новогодние дни. Позже нам оказали помощь в перевозке нефритового Будды в Юньнань.

Мой 78-й год (1917–1918)

Весной началась перевозка нефритового Будды из павильона Гуаньинь. Было нанято восемь грузчиков с условием, что основную сумму денег они получают на горе Петушина Ступня. Конвою предстояло в течение нескольких недель неведомыми путями продвигаться по горной местности. Когда мы достигли горы Ежэнь, грузчики, подозревая, что внутри нефритового Будды могут находиться банкноты, золото и драгоценные камни, спустили его на землю, заявив, что он слишком тяжелый и дальше они его не понесут. Поскольку они запросили сумму, в несколько раз превышающую договорную, я делал все, чтобы их успокоить, но они стали вести себя шумно и агрессивно. Я понял, что бесполезно пытаться их урезонить. Увидев большой валун у дороги, весивший несколько сот цзиней, я улыбнулся и спросил:

«Что тяжелее, валун или статуя?»

Они хором отвечали: «Валун в два или три раза тяжелее статуи».

Тогда я двумя руками поднял валун на высоту фута от земли.

Раскрыв рты от удивления, они перестали шуметь и сказали: «Старик-учитель, ты, наверное, живой Будда!» После этого они перестали спорить, и когда мы достигли горы Петушина Ступня, я выдал им щедрое вознаграждение. Сам бы я никогда не поднял тот валун, это с божественной помощью.

Позже я отправился в Тэнчун дать толкование сутрам в местном монастыре.

Мой 79-й год (1918–1919)

Губернатор Тан Цзияо приказал магистрату Биньчуаня организовать сопровождение своему личному представителю в пути на нашу гору с письмом, в котором меня приглашали в Куньмин. Я отказался от предлагаемого мне паланкина и военного эскорта и пошел пешком в столицу вместе со своим учеником Сю-юанем. В Чусюне какие-то бандиты стали меня обыскивать. Они нашли письмо губернатора и начали меня бить.

Я сказал им: «Нет нужды меня бить. Я хочу видеть вашего главаря».

Они привели меня к Ян Тяньфу и У Сюэсяню. Увидев меня, У закричал: «Кто ты?»

«Я настоятель монастыря на горе Петушина Ступня», – ответил я.

«Как тебя зовут?» – спросил Ву.

«Сюй-юнь», – сказал я.

«Зачем ты идешь в столицу провинции?» – поинтересовался У.

«Для совершения буддийского ритуала», – ответил я.

«Зачем нужны буддийские ритуалы?» – спросил У.

«Чтобы молиться о благе народа», – сказал я.

У сказал: «Губернатор Тан Цзияо бандит. Почему ты хочешь ему помочь? Он плохой человек, а раз ты его друг, значит, и ты плохой человек».

Я сказал: «Трудно сказать о ком-то, хороший он человек или нет».

«Почему?» – спросил У.

Я ответил: «Если говорить о доброй природе человека, то тогда все люди хорошие. Если говорить о дурной природе человека, то тогда все люди плохие».

«Что ты имеешь в виду?» – спросил У.

Я ответил: «Если бы вы и Тан трудились вместе на благо страны и народа и если бы ваши подчиненные делали то же самое, разве вас не считали бы хорошими людьми? Но если вы и Тан называете друг друга недобряками и в силу предрассудков воюете друг с другом и приносите страдания людям, то разве можно вас назвать хорошими людьми? Невинные люди будут вынуждены следовать либо за вами, либо за Таном, и все станут бандитами, и тогда все будут самыми несчастными людьми».

Услышав это, оба бандита рассмеялись, и У сказал: «Все, что ты сказал, верно, но что же мне делать?»

Я ответил: «По моему мнению, вам следует прекратить вражду и заключить мир».

У сказал: «Ты хочешь, чтобы я сдался?»

Я сказал: «Нет, я не имею этого в виду. Призвав к миру, я имею в виду, что все добрые люди вроде вас должны жить в мире в этой стране. Я просто призываю вас оставить свои предрассудки и работать на благо страны и народа. Разве это не хорошо?»

У спросил: «С чего начать?»

«С Тана», – ответил я.

«С Тана? – сказал он. – Нет, он убил и посадил в тюрьму многих наших людей. За это нужно отомстить. Как мы можем сдаться?»

Я сказал: «Пожалуйста, поймите меня правильно. Я имею в виду следующее: поскольку Тан – чиновник центрального правительства, он в силах установить мир, и вы бы тоже тогда стали чиновником, назначенным Пекином. Что касается ваших людей, которые были убиты, то и они не будут забыты, так как я отправляюсь в Куньмин, где совершу буддийский обряд во спасение душ всех павших на поле сражения. В отношении заключенных я попрошу Тана объявить амнистию, которая коснется и их. Если вы не прислушаетесь к моему совету, вражда будет продолжаться и чем она кончится для вас, неизвестно. И вы, и Тан обладаете силой, но ваша сила ограничена и не может сравниться с его огромными людскими ресурсами, финансами и мощной поддержкой центрального правительства. Я не прошу вас сдаваться. Я здесь оказался не зря, и внутренний голос мне подсказывает, хотя я немощный монах, использовать свой язык для того, чтобы призвать к прекращению вражды и помочь стране и народу».

Ян и У были глубоко тронуты и попросили меня действовать от их имени. Я сказал: «Я не подхожу на эту роль, но если вы изложите свои условия, я передам их Тану». Тогда они тщательно подумали и выдвинули шесть условий:

(1) освободить всех их людей, содержащихся в тюрьмах, (2) не расформировывать их войска, (3) не понижать в чине, (4) дать возможность командовать своими собственными войсками, (5) не производить расследования их прошлой деятельности, (6) одинаково обращаться с обеими армиями.

Я сказал: «Может быть, Тан согласится. После того как я обсужу вопрос с ним, официальный ответ будет дан его представителями, которые обсудят все в целом с вами».

У сказал: «Я сожалею о том, что побеспокоил почтенного старого учителя. Если вопрос будет решен удовлетворительно, мы будем очень вам признательны».

Я сказал: «Не стоит благодарности. Все, что я делаю, это так, между прочим. Ведь я все равно бы прошел через эти места».

Ян и У оказали мне всякие почести, и вечером у нас состоялась дружеская беседа. Они предлагали мне остаться на несколько дней, но поскольку мне нельзя было терять время, я простился с ними на следующее утро. После завтрака они дали мне денег на дорогу, еды и повозку, приказав своим людям меня сопровождать. Я отказался от всего за исключением небольшого количества еды в дорогу. Примерно через половину ли от их штаб-квартиры я увидел нескольких человек, которые, стоя на коленях, в поклонах касались головой земли в знак уважения. Я узнал в них бандитов, которые били меня днем раньше. Они умоляюще спрашивали: «Простит ли нас бодхисаттва?» Я утешил их, призывая совершать добро и воздерживаться от дурных поступков. Они, заплакав, удалились.

В Куньмине меня встретили чиновники провинции, посланные губернатором Таном. Я остановился в храме Юаньтун. Вечером пришел Тан и сказал: «Я не встречался с почтенным учителем в течение нескольких лет. За это время одного за другим я потерял своих близких: бабушку, отца, жену и брата. Я в глубокой скорби. Кроме всего этого, в провинции повсюду орудуют бандиты. Они мешают людям жить. А между тем души убитых

ими офицеров и солдат нуждаются в упокоении. Поэтому я хочу сделать три вещи: (1) совершить буддийский ритуальный обряд, с молитвенной просьбой к Будде защитить нас от бед и с молитвой об упокоении душ умерших, (2) превратить храм Юаньтун в большой монастырь во имя распространения буддадхармы и (3) основать университет для обучения молодежи.

Мои люди могут присмотреть за университетом, но, кроме почтенного старого учителя, никто не может помочь мне решить две другие задачи».

Я сказал: «Вы дали великий и редкий по нынешним временам и для нашего края обет. Он исходит из сознания бодхисаттвы. Я не справлюсь со всем, но есть много добропорядочных монахов, которые могут помочь вам в строительстве монастыря, только Юаньтун очень маленький храм и не сможет дать приют больше чем сотне людей. Пожалуйста, подумайте об этом. Что касается буддийских ритуальных обрядов, то они не потребуют много времени, и я буду рад совершить их для вас».

Тан сказал: «Вы правы, из Юаньтуна не получится большого монастыря. Мы сможем обсудить этот вопрос позже. Теперь о ритуале. В какой форме мы его совершим?»

Я сказал: «Сознание и Будда – единое целое. Поскольку вы решили совершить буддийский ритуал во благо страны и народа и облагодетельствовать как живых, так и мертвых, я предлагаю сделать три вещи: (1) запретить забой животных для еды на время совершения обряда, (2) объявить амнистию и (3) облегчить страдания бедствующих».

Тан сказал: «Первое и последнее может быть осуществлено, но второе является компетенцией министерства юстиции и мне не подвластно».

Я сказал: «Сейчас накопилось столько проблем в стране, что центральное правительство неспособно справиться со всеми. Если вы договоритесь с департаментом юстиции провинции, вы сможете объявить амнистию и снискать божественное благословение для своей страны». Тан кивнул в знак согласия, и тогда я повел речь о двух бандитских главарях, Яне и У, с которыми встречался по пути в Куньмин, и предложил отпустить с миром их людей, все еще содержащихся в плену, с целью умиротворения всех мятежников. Тан был доволен моим предложением и сразу стал обсуждать вопрос об объявлении амнистии.

Год приближался к концу. Когда упасаки Оуян, Цзинъю и Люй Цюи прибыли в Куньмин для сбора средств на строительство Китайского центра по изучению Дхармы в Шанхае, они также остановились в храме Юаньтун. Я предложил им выступить с толкованием «Махаяна-сампариграха шастры»⁷³. Новогодние дни я провел в Куньмине.

Мой 80-й год (1919–1920)

Весной была организована *бодхимандала*⁷⁴ в

⁷³ Собрание шастр махаяны, приписываемых Асанге. Три из них были переведены на китайский язык Парамартхой в 563 г.

⁷⁴ Хотя термин «бодхимандала» часто используется в значении «храм» или «священное место» вообще, он имеет специфический контекст в данном случае. «Ритуал Земли и Воды», совершенный Суй-юнем, включает изготовление табличек, предметов культа и т. п. в форме защищающей мандалы, принесения в дар пищи и символических жертвоприношений, считающихся эквивалентными тантрическому обряду, способному указать мертвым путь к нирване или к благоприятному перевоплощению. Инициатором этого обряда был лянский император

храме Павших героев, где начались ритуальные буддийские церемонии в упокоение душ умерших на земле и в воде. В то же время была объявлена амнистия, и убиение животных в пищу было запрещено. Тогда же губернатор Тан послал чиновников на мирные переговоры с Яном и У, с обсуждением вопроса об их назначении военными командирами. После того эти два мятежника стали лояльными к властям провинции.

Примечательным было то, что после начала буддийских ритуальных церемоний пламя свечей в различных святых местах принимало форму цветов, походивших на распутившийся лотос, в удивительном разнообразии. Участники церемонии толпами приходили посмотреть на это необычное явление. К концу сорок девятого дня и на протяжении молитв о благосостоянии усыпанные драгоценными камнями хоругви появились в облаках над головой. Увидев это, толпа опустилась на колени в благоговейной молитве.

После окончания церемонии губернатор Тан пригласил меня в свой дом с просьбой прочесть сутры в упокой души умерших членов его семьи. Когда он снова увидел знамения, то преисполнился твердой веры в дхарму, и все члены его семьи стали буддистами. Я остался в Куньмине на зиму.

Мой 81-й год (1920–1921)

Весной губернатор Тан попросил меня устроить еще одну бодхимандалу и совершить буддийские обряды в упокоение душ умерших на земле и в воде, после чего я

У-ди (464–549), который провел его на горе Цзиньшань в Чжэньцзяне, увидев во сне некоего бхикшу, посоветовавшего ему совершать подобные церемонии в упокой умерших.

давал толкование сутрам.

Монастырь Хуатин на западе Куньмина представлял собой древнюю святыню в окружении красивейших пейзажей, но монахи не могли поддерживать его в надлежащем состоянии и с каждым днем он ветшал все сильнее. Потом было решено продать его европейцам, намеревающимся построить на его месте клуб, на что было получено разрешение у местных властей. Я был опечален этим и поговорил с губернатором Таном, призывая его сохранить это святое место. Он выслушал меня и провел тайное совещание с местной знатью, среди которой были Ван Цзюлин и Чжан Чжосянь. После этого последний пригласил меня на вегетарианский обед, во время которого я получил официальное предложение, написанное на красной бумаге, занять должность настоятеля монастырского храма, что позволило бы им тогда восстановить святыню. Они трижды повторили свою просьбу устно, и я в конце концов согласился.

В том году упасака Чжан Чжосянь принес пару гусей в монастырь Юньси и выпустил их там на свободу. Меня попросили объяснить им монастырские правила, и обе птицы склонили свои головы как бы в знак согласия следовать им. После этого они подняли головы и казались очень счастливыми. Потом они стали ходить вместе с монахами в главный зал и глядеть на читающих сутры монахов. В течение трех лет они ходили следом за монахами даже тогда, когда те совершали ритуальное шествие вокруг статуй Будды и бодхисаттвы. Все служители храма любили их.

Однажды гусыня из этой пары подошла к дверям главного зала и замерла на какое-то время, потом прошла по кругу три раза, подняла голову и, взглянув на статуи, испустила дух. Ее перья оставались глянцевы-

ми, когда ее клали в деревянный ящик-гроб. Гусак беспрестанно кричал, будто не мог перенести разлуки со своей подругой. Через несколько дней он отказался от пищи и перестал плавать, а затем появился в главном зале и стал смотреть на статуи Будды. Расправив крылья, он умер. Его также положили в небольшой деревянный ящик и похоронили рядом с его подругой.

Примечание Цэнь Сюэлюя:

Осенью того года Гу Пиньчжэнь, командующий армией Юньнани, задумал свергнуть губернатора Тана, который пользовался поддержкой двадцати полков. Так как Тан уважал учителя Сюй-юня, он пришел к нему однажды ночью за советом. Учитель сказал: «Хотя вы завоевали сердца людей, но этого нельзя сказать в отношении армии. Если разразится конфликт, ни одна сторона не одержит победы, а наши соседи воспользуются случаем и вторгнутся в Юньнань. Вам лучше всего уехать и ждать до тех пор, пока не настанет время вернуться». Тан прислушался к его совету и отпросился в отпуск, передав пост губернатора Гу Пиньчжэню, а сам отправился в Аннам⁷⁵ и затем в Гонконг. Об этом учитель рассказал мне десятью годами раньше.

Мой 82-й год (1921–1922)

Весной того года губернатором провинции Юньнань стал Гу Пиньчжэнь. Со второго по седьмой месяц непрерывно шли дожди, и по улицам столицы провинции можно было плавать на лодке. Каждый день с башни над городскими воротами из крупных орудий стреляли по облакам, но рассеять их не удавалось. Начиная с

⁷⁵ Бывшее название части Вьетнама.

седьмого месяца установилась длительная засуха, так что к зиме с высохшего русла реки начала подниматься пыль. Такого никогда не было в Юньнани. Осенью вспыхнула эпидемия дифтерии, жертвами которой стали несколько тысяч человек. В это время мы с учителем Цзюй-сином жили в храме Хуатин, где из-за бедствий прекратилась всякая деятельность. Однажды мы пошли в город и, возвращаясь обратно к полудню, решили передохнуть под деревом. Там мы нашли сверток с золотыми и нефритовыми браслетами, золотыми заколками, серьгами и часами, а также с восьмью тысячами юньнаньских юаней и более чем с десятью тысячами французских денег. Мы ждали возвращения владельца, но перед закатом, поняв, что нам еще долго добираться до храма, я взял сверток, и мы отправились в путь с намерением вернуться в город на следующий день и попытаться отыскать владельца через объявление в газете.

Как только мы достигли подножия горы и собрались переправиться через озеро, у меня перед глазами мелькнула фигура девушки, прыгнувшей в воду. Я поспешил к ней на помощь, поскольку она начала тонуть. Я прыгнул за ней в воду. Она сопротивлялась, не желая принять помощь, и я был вынужден силой доставить ее на берег. Поскольку она намеревалась покончить с собой, мы вынудили ее пойти с нами в храм. Было уже темно, когда мы добрались до места. Мы дали ей сухую одежду и предложили поесть, но она отказалась от еды. Мы пытались ее утешить. После долгого молчания она наконец рассказала, что родом из Чанша и ее фамилия Чжу. Она родилась в Юньнани примерно восемнадцать лет назад, будучи единственным ребенком лавочника, торговавшего лекарствами в их городе на улице Фучунь. Затем она рассказала о том, что с ней произошло. Однажды к ним в дом зашел командующий дивизией по имени Сунь. Он выдал себя за холостяка и попросил у

ее родителей руки их дочери. Родители поверили ему, но после свадьбы она обнаружила, что у Суня была еще одна жена. Таким образом, она была обманута, и было слишком поздно что-либо предпринимать. Первая жена, жестокая женщина, ее часто била. Родня мужа пробовала за нее заступиться, но все было напрасно. Ее собственные родители боялись влиятельного военного. Она сказала: «Я потеряла всякую надежду и, собрав кое-что из своих вещей, собралась бежать на гору Петушиная Ступня, чтобы стать монахиней и ученицей учителя Сюй-юня».

Не зная дороги, она шла два дня и, опасаясь преследования людьми мужа, пустилась в бегство и потеряла свой сверток. Тогда она почувствовала, что ей осталось только одно – самоубийство.

Я спросил, какие вещи она потеряла, и обнаружил, что именно они были в свертке, который мы нашли. Я утешил ее и попросил своего собрата объяснить ей правила монашеской жизни. На следующий день я пригласил семьи Чжу и Сунь, насчитывающие вместе человек тридцать или более того, к нам в храм для обсуждения вопроса. Я также объяснил им значение дхармы. После этого командир Сунь и его первая жена опустились на колени перед священным алтарем, раскаялись в своих прошлых грехах и стали, заливаясь слезами, обнимать друг друга. Собравшиеся были глубоко тронуты и остались в храме на три дня. В связи с этим тридцать человек или более того – мужчин, женщин, молодых и старых членов этих двух семей – сделали приверженцами дхармы и получили наставления перед уходом.

Мой 83-й год (1922–1923)

В том году храм Хуатин (также называемый Юньси, или Пристанище Облаков) был перестроен. К западу от

озера Куньмин возвышалась гора Бицзи (Изумрудный Феникс). Когда второй сын индийского царя Ашоки посещал ее, он увидел стаю изумрудных фениксов и решил остаться там с целью практики самореализации и постижения Пути. Его называли «Духом изумрудного феникса», а потом его именем была названа эта гора. Ее ширмообразные вершины в более поздние времена стали местом возведения храма Хуатин. Чаньский учитель Сюань-фэн, живший во времена династии Юань (1280–1367), изучавший и познавший дхарму под руководством своего замечательного наставника Чжун-фэна (1263–1323), построил храм Юаньцзюэ (Полное Просветление), который позже был назван Хуатин (Цветочная Беседка) в честь горы, изобилующей цветами. Два года назад, когда это святое место собирались продать иностранцам, проживавшим в Юньнани, я вмешался, и губернатор Тан, купив этот монастырь, попросил меня стать его настоятелем. В процессе реконструкции выкопали древнюю каменную плиту. Она не была датирована, но содержала надпись из двух иероглифов «Юнь Си» (Пристанище Облаков). Позже ее прикрепили к верхней части ступы Хайхуй, в которой покоился прах учеников.

[Проявляя щедрость], академик Чэнь Сяофу обменял свой собственный цветочный сад на этот участок земли, некогда принадлежавший храму Шэнинь и находившийся тогда в собственности местной сельскохозяйственной школы. Таким образом, мы смогли восстановить храм Юньси, с его главным залом и усыпальницами. У подножия горы мы построили новый храм и назвали его Чжаоти. Такое же название получила ближняя деревня. Вырубая деревья в окрестных лесных чащах, мы однажды нашли сверток с золотыми и серебряными монетами на сумму, превышающую 200 000 юаней. Я

предложил передать эти ценности правительству для учреждения фонда помощи нуждающимся. Когда присутствующие стали настаивать на том, чтобы находку оставить у себя для решения финансовых проблем монастыря, я сказал: «Согласно буддийским заповедям, монаху запрещено пользоваться деньгами, потерянными другими людьми. Мы и так нарушили заповеди, подобрав этот сверток, и было бы непростительно оставить его на свои нужды. Можно личные богатства раздавать на всеобщее благо для устройства общинных полей или для монахов, когда у них нет пропитания, но я не смею оставить потерянное кем-то имущество в храме». Мое предложение было одобрено, и монеты были переданы правительству на помощь нуждающимся.

Провинция Юньнань очень сильно пострадала от длительной засухи, начавшейся в предыдущем году, и было трудно подсчитать количество жертв дифтерии. Все население, от армейских офицеров до человека с улицы, стало вспоминать бывшего добропорядочного губернатора Тана и приветствовало его возвращение на должность губернатора провинции. Вернувшись на этот пост, он пришел к нам в храм и попросил меня помолиться о дожде. Тогда я соорудил для этой цели алтарь, и через три дня хлынул проливной дождь. К тому времени дождя уже не было в течение пяти месяцев. Поскольку дифтерия все еще продолжала свирепствовать, Тан сказал: «Я слышал, что снегопад может остановить эпидемию дифтерии, но сейчас лишь только конец весны. Как мы можем заполучить снег?»

Я сказал: «Я сооружу алтарь с этой целью, и вы со своей стороны, пожалуйста, от всего сердца молитесь, чтобы выпал снег».

Тан стал соблюдать правила праведной жизни и

молиться о снеге. На следующий день выпало около фута снега. Эпидемия внезапно прекратилась, и все воздали хвалу непостижимой буддадхарме.

Мой 84-й год (1923–1924)

Тот год был свидетелем возведения ступы для упокоения праха семи рангов верующих⁷⁶. Во время землеройных работ при закладке фундамента был обнаружен гроб на глубине более 10 футов с надписью: «Госпожа Ли из Фаньяна, год четвертый правления под девизом *цзя-цзин* (1525–1526)». Ее лицо было свежим, будто она еще была жива, и когда ее тело кремировали, языки огня приняли форму цветков лотоса. Пепел был помещен в отделение, предназначенное упасикам. Все могилы справа от храма – они находились в неблагоприятном месте – были перенесены по просьбе собрания верующих и после кремации пепел покойных был также помещен в ступу.

На одном из надгробий была каменная стела с биографическими сведениями о бхикшу Дао-мине, родившемся во времена правления под девизом *Дао-гуан* (1821–1850) и впоследствии отданном родителями в храм, где он присоединился к сангхе. После посвящения в духовный сан он руководил культовыми церемо-

⁷⁶ Семь рангов верующих: (1) бхикшу, или полностью посвященные в духовный сан монахи, (2) бхикшуни, или полностью посвященные в духовный сан монахини, (3) шиксаманы, или новички, соблюдающие шесть заповедей, (4) шраманы, или новички-монахи, соблюдающие второстепенные заповеди, (5) шраманки, или новички-монахини, соблюдающие второстепенные заповеди, (6) упасаки, или миряне-мужчины, соблюдающие первые пять заповедей, и (7) упасики, или миряне-женщины, соблюдающие пять первых заповедей.

ниями и был сосредоточен на повторении имени бодхисаттвы Авалокитешвары. Однажды ему приснилось, что бодхисаттва велела ему помыться и вода уже была приготовлена. Он вымылся и Гуаньинь исчезла, а он почувствовал очень сильный прилив энергии к ногам. На следующее утро, поднявшись с постели, он обнаружил, что может ходить так же, как все (чего раньше не мог). С этого момента пробудилась его природная мудрость, и поэтому он неустанно взывал к бодхисаттве до конца дней своих. Крышка его гроба была изъедена муравьями таким образом, что образовались отчетливые контуры небольшой семиуровневой ступы, ориентированной по сторонам света, что свидетельствовало о духовных достижениях этого монаха.

Мой 85-й год (1924–1925)

В том году мы восстановили все ступы, включая ступу Семи Будд древности на нашей горе, и все статуи Будд (всего 16 мест), а также все Пятьсот архатов в нашем монастыре. В храме Шэн-инь были отлиты три бронзовые статуи для главного зала и вылеплены три глиняные для святыни Западного Рая. Чаньский бхикшу Цзюй-син умер весной, завершив исполнение дисциплинарного кодекса. Я записал историю его жизни в следующих словах.

История жизни чаньского бхикшу Цзюй-сина

Бхикшу Жи-бянь, известный также под прозвищем Цзюй-син, был родом из Хуйли и в детстве осиротел. Мужчина по фамилии Цэн стал заботиться о нем и позже отдал ему в жены свою дочь. Они имели двух сыновей, но были очень бедны. Когда я появился на горе

Петушина Ступня, вся семья из восьми человек работала при монастыре. В первый год правления под девизом *Сюань-тун* (1909) после моего возвращения на гору с конвоем, доставившим Трипитаку, я передал ему основы учения. Тогда ему было 20 лет. Когда ему исполнился 21 год, все эти восемь человек изъявили желание присоединиться к сангхе.

Он был тугоух, неграмотен и некрасив, днем в поте лица трудился, выращивая овощи, а по вечерам молился бодхисаттве Гуаньинь. Он также практиковал медитацию и иногда изучал сутры, но никогда не обращался за наставлениями к другим. Он усердно трудился и в 1915 г. попросился в отпуск, чтобы посетить ученых наставников в других краях страны. В 1920 г., когда я был в храме Юнь-си, он вернулся и снова стал работать на огороде. Потом он начал декламировать сутры в главном зале, а в свободное время занимался изготовлением одежды и предметов из бамбука для общины. Он раздавал все избытки овощей, заслуживая благоприятную карму, и не хранил ничего, превышающего жизненные потребности, и никогда не говорил без надобности.

Когда я был в храме Шэн-инь, я отметил его работу в огороде наряду с его духовной практикой как редкую и достойную подражания. В том году, когда я разъяснял дисциплинарные правила в разных монастырях на нашей горе, он пришел ко мне и попросил полного посвящения, после которого попросил отпустить его в монастырь Шэн-инь.

Двадцать девятого дня третьего месяца после полуденной медитации он пришел во двор за главным залом. Там он надел свою рясу, собрал несколько пучков соломы и сел на нее, скрестив ноги, лицом на запад, и стал произносить имя Будды. Затем он поджег под собой солому и стал одной рукой звонить в колокольчик, а

другой отбивать ритм в деревянное било в форме рыбы. В храме находилось много людей, но никто поначалу не ведал о том, что случилось. Монахи вне храма, заметившие пламя, войдя в храм, не обнаружили там этого бхикшу. Когда они вышли во двор, то увидели его неподвижно сидящим со скрещенными ногами на пепле. Его одежда осталась нетронутой огнем, хотя рыба-било и рукоятка колокольчика превратились в пепел.

Мне сказали о его смерти, но поскольку я готовился к церемонии зачитывания заповедей бодхисаттвы в восьмой день следующего месяца, я не мог спуститься с горы. Я написал письмо Ван Чжуцуню, заведующему финансовым управлением, и Чжан Цзюэсиню, начальнику ирригационного отдела, с просьбой присутствовать на его похоронах от моего имени. Увидев это чудо, они доложили губернатору Тану, который пришел со всей семьей, чтобы его засвидетельствовать. Когда колокольчик извлекли из руки бхикшу, его тело, остававшееся до тех пор в прямом сидячем положении, рассыпалось, превратившись в кучу пепла. Присутствующие с благоговейным трепетом отнеслись к увиденному и укрепились в вере в *буддадхарму*. Губернатор Тан приказал местным властям провести трехдневную памятную службу, которую посетило несколько тысяч человек. После этого он описал этот случай для хранения в библиотеке провинции.

Мой 86-й год (1925–1926)

В том году после чтения заповедей я занимался толкованием сутр, и провел недельную чаньскую медитацию. Поскольку монастырские владения на горе составляли земельные угодья, большая часть которых нуждалась в вырубке леса, я пригласил сельчан на по-

мощь общине. Они были счастливы, поскольку получили половину вырубленного леса. В том году должность губернатора провинции была упразднена и заменена административным комитетом. Таким образом, губернатор Тан ушел в отставку, но часто навещал нас, останавливаясь на нашей горе.

Мой 87-й год (1926–1927)

В том году в провинции Юньнань была тревожная жизнь. Солдаты были расквартированы по частным домам, и никто не знал покоя и не осмеливался пойти в поля для сбора урожая. Я отправился в штаб армии и обсудил ситуацию с командующим. Он издал указ, запрещающий его подчиненным задерживать крестьян, отправляющихся на поля в сопровождении монахов. В результате этого несколько тысяч крестьян пришли в монастырь, где монахи делились с ними сначала рисом, потом рисовой размазней, затем отрубями, когда кончились запасы риса, и, наконец, простой водой, чтобы облегчить муки голода. Они были глубоко тронуты и плакали, видя, что монахи страдают так же, как они. Только с улучшением положения крестьяне вернулись в свои дома, и с тех пор всегда при необходимости, добровольно, по зову сердца, шли защищать монастырь.

Став настоятелем монастыря Юньси, каждый год я читал заповеди, давал толкование сутрам и проводил недели чаньской медитации. В том году, когда я читал заповеди, на нескольких высохших деревьях сливы мэйхуа во дворе перед главным залом неожиданно распустилось 10 белых лотосов, а на капусте в огороде распустились синие лотосы, в сердцевинах которых были образы стоящего Будды. Упасака Чжан Чжосянь отметил это необычное явление гатхой, текст которой был вырезан на камне.

Мой 88-й год (1927–1928)

В том году я, как обычно, излагал основы учения, давал толкование сутрам и проводил недели чаньской медитации. Были выстроены новые залы священных реликвий и спальные помещения, а также реконструирована колокольня.

Мой 89-й год (1928–1929)

Я отправился вместе с упасакой Ван Цзюлином в Гонконг для сбора средств на изготовление очередных статуй Будды. Губернатор Гуандуна, генерал Чэнь Чжэньжу, послал представителя сопровождать меня в Гуанчжоу, где я остановился в доме престарелых Ияньюане. Мы вместе отправились в храм Нэнжэнь на горе Байюнь, где я вынужден был отказаться от сделанного им предложения вступить в должность настоятеля монастыря Наньхуа в Цаоси. Потом я продолжил свой путь через Амой и Фучжоу, возвращаясь в Гушань, где дал толкование сутрам. После этого я посетил монастырь царя Ашоки в Нинбо и поклонился останкам Будды, а оттуда отправился на остров Путо, где встретил учителя Вэнь-чжи. Он сопровождал меня до Шанхая, где я потом остановился в приюте Сяншань храма Лунгуан. К концу той осени преставился настоятель Дагун из монастыря Гу-шань, и монастырская община прислала за мной своего представителя в Шанхай. Год близился к концу, и я встретил в Шанхае Новый год.

Мой 90-й год (1929–1930)

В первом месяце я покинул Шанхай и вернулся на

гору Гушань. Там я получил предложение стать настоятелем монастыря Гушань. Оно исходило от министра военно-морского флота Ян Шучжуана, административного главы провинции Фуцзянь, и от Фан Шэнтао, бывшего главы, которые пришли в сопровождении местной знати и чиновников. Я вспомнил место, где мне впервые обрили голову при вступлении в сангху, и о моем высокодобродетельном покойном учителе, и не нашел оправдания, позволявшего отказаться от этой должности. В общем, я принял предложение.

Мой 91-й год (1930–1931)

В прошлом году на горе Гушань мне удалось улучшить жизнь монастыря в организационном отношении. Весной я попросил учителя Вэнь-чжи стать моим помощником в качестве управляющего (кармадана) на время чтения мною заповедей. В первом месяце того года я читал лекции о «Брахмаджала сутре» всему собранию. Во дворе монастыря росли два «железных» дерева с листьями, похожими на хвост феникса, посаженных, по преданию, около десяти столетий назад, во времена династии Тан, одно – принцем государства Минь (современная провинция Фуцзянь), а другое – настоятелем Шэн-цзянем. Эти деревья растут медленно и живут очень долго, распуская только один или два листка в год. В наше время они оба были высотой в десять футов, но никогда не цвели. Говорили, что они расцветут не раньше чем через тысячу лет. Но во время чтения заповедей они расцвели в полную силу. Люди, местные и приехавшие издалека, толпами собирались в монастыре, чтобы взглянуть на них. По этому случаю учитель Вэнь-чжи сделал соответствующую надпись.

Мой 92-й год (1931–1932)

Я продолжал служить настоятелем монастыря Гушань, где читал заповеди, давал толкование сутрам, основал школу практики винаи и построил храмы Пинчу, Силинь и Юньо.

Мой 93-й год (1932–1933)

Весной во время чтения заповедей пришел седовласый бородатый старик с необычным лицом и сразу направился в комнату настоятеля, где, встав на колени, стал просить меня обучить его правилам практики *винаи*. Я спросил, кто он такой. Он ответил, что его фамилия Ян и что он родом из Наньтая. Монах по имени Мяо-цзун, в то время слушающий заповеди, также был родом из Наньтая. Он сказал мне, что никогда прежде не встречал этого старика. Старик бесследно исчез после слушания заповедей бодхисаттвы и раздачи удостоверений о принятии пострига.

Когда Мяо-цзун вернулся в Наньтай, он обнаружил в храме Лунван (Правитель драконов) статую, не только сильно походившую на того старика, но и державшую в руках удостоверение о принятии пострига. Новость о том, что Правитель драконов получил наставления, распространилась по всему Наньтаю. В то же время в храм пришел с целью получить полное посвящение в духовный сан упасака из Гуандуна по имени Чжан Ютао, бывший академиком во времена предыдущей династии Цин. Ему дали дхармовое имя Гуань-бэнь (Созерцающий корень) и поручили составить каталог сутр в библиотеке монастыря Гушань. После церемонии я попросил учителя Цы-чжоу дать толкование четырех разделов винаи в зале дхармы, а учителей дхармы Синь-дао и Инь-шунь – заняться обучением новичков в школе винаи.

Мой 94-й год (1933–1934)

В ту весну я попросил учителя дхармы Инь-цы дать толкование «Брахмаджала сутры» в период чтения заповедей. В первом месяце года японская армия заняла шанхайское укрепление и создала напряженность во всей стране. Поскольку Девятнадцатая действующая армия объявила чрезвычайное положение, все храмы провинции отказывались принимать гостей в лице монахов за исключением монастыря Гушань, который все еще принимал монахов, прибывавших морем. Собралось порядка пятнадцати или шестнадцати сотен монахов в нашем монастыре, но, несмотря на наши скудные запасы продуктов, на кашу по утрам и рис на обед хватило. На шестом месяце была завершена подготовка к открытию парка-заповедника для животных. В стае гусей, присланных упасакой Чжэн Циньцяо для заповедника, был один необычный гусак, весивший около шестнадцати *цзиней*. Заслышав стук монастырского деревянного била, он расправлял крылья и вытягивал шею. В главном зале он весь день глазел на будда-рупу. Месяцем позже он умер, стоя перед изображением Будды, но не упал на пол. Упасака Чжэн удивился такому необычному явлению и попросил кремировать птицу по всем буддийским правилам. На седьмой день во время кремации не чувствовалось никакого запаха разложения. Была вырыта общая могила для пепла всех умерших и кремированных птиц.

Мой 95-й год (1934–1935)

Весной, в качестве следующего шага в направлении улучшения работы школы винаи, я попросил учителя дхармы Цы-чжоу стать ее директором. На втором меся-

це, во время вечерней медитации, находясь в состоянии между сном и бодрствованием, я увидел шестого патриарха⁷⁷, который подошел ко мне и сказал: «Пора тебе возвращаться».

На следующее утро я сказал своему ученику Гуань-бэню: «Прошлой ночью я видел во сне шестого патриарха, который призывал меня вернуться назад. Может быть, моя обусловленная законом причины и следствия жизнь (в этом мире) подходит к концу?» Мы побеседовали с Гуань-бэнем ко взаимному утешению. На четвертом месяце мне опять приснился шестой патриарх, трижды побуждающий меня вернуться назад. Я был очень удивлен этим, но вскоре после этого получил несколько телеграмм от администрации провинции в Гуандуне с приглашением принять и реставрировать храм шестого патриарха. Я вспомнил об этом святом месте шестого патриарха (Хуй-нэна). Оно остро нуждалось в ремонте, который не производился со времен последней реставрации учителем Хань-шанем (1546–1623), так что я отправился в Линнань (древнее название провинции Гуандун).

Генерал Ли Ханьхунь, командовавший армией в се-

⁷⁷ Хуй-нэн (638–713) – знаменитый шестой патриарх чаньской школы, после которого доктрина только сознания понастоящему начала процветать в Китае. В древности монастырь Наньхуа носил название Баолинъ (Драгоценный Лес) в честь индийского адепта Трипитаки Джнянабхайсаджьи, китайское имя Чжи-яо которого может быть переведено как «Сведущий в снадобьях», посетившего это место в начале шестого столетия и настоявшего на том, чтобы здесь был построен монастырь. Он также предсказал, что примерно через 170 лет после постройки монастыря там появится бодхисаттва во плоти. До сих пор, телесно присутствуя, он и шестой патриарх сидят в безмятежной позе в Наньхуа.

верной части Гуандуна, в свое время отмечал, что монастырь Наньхуа находится в полуразрушенном состоянии, и произвел кое-какие мелкие ремонтные работы, которые начались в ноябре 1933 г. и закончились в октябре 1934-го.

В ту зиму буддийские законники попросили меня дать наставления. Так как некоторые залы и здания монастыря Наньхуа пришли в негодность и спальни были разрушены, мы построили бамбуковые помещения, крытые соломой, чтобы разместить несколько сот гостей. Чиновники и знать Гуандуна прибыли со своими семьями в большом количестве, чтобы получить наставления и стать моими учениками. Вечером семнадцатого дня одиннадцатого месяца во время чтения заповедей бодхисаттвы пришел тигр, будто хотел получить наставления, и напугал всех присутствующих. Но после моих наставлений о правилах отшельнической жизни тигр спокойно ушел.

Прибытие учителя в Цаоси

В 1934 г., второго дня восьмой луны, учитель Сюй-юнь прибыл из Гушаня и в сопровождении местных чиновников, образованных людей и простого люда, направился в Цаоси. Случилось так, что этот день совпал с днем местного народного празднования очередной годовщины дня рождения патриарха, и около десяти тысяч человек устремились в монастырь для совершения воскурений.

У ворот Цаоси

Приблизившись к воротам, учитель указал на них посохом и продекламировал:

Сон невозможный сбылся в Цаоси⁷⁸,
Вернулся бедный путник издалече⁷⁹,
Пока отложим то, что есть иль нет,
Ведь даже ясным зеркалом назвать –
ошибка⁸⁰.

С той передачи рясы и чаши в Хуанмэ
в полночь⁸¹

Струится древний свет чрез поколения.
Кто из вступивших в дом продолжит че-
реду,
Чтобы светильник за светильником яв-
лял величье духа?⁸²

У ворот монастыря Баолинъ⁸³

Учитель указал посохом на ворота и продекламиро-
вал:

Ясно видна дорога к Цаоси.
Распахнуты ворота Баолиня.
Последователи чань всех десяти сторон
Сюда заходят в странствиях своих.

Достигнута граница с запредельным,
Мирской пыли нет места в чистой пусто-

⁷⁸ То есть сон в Гушане стал явью в Цаоси.

⁷⁹ Буквально: из-за горизонта, т. е. из далекого Гушаня. Монах называет себя «бедным» потому, что у него действительно нет ни гроша.

⁸⁰ Имеется в виду, что сознание неопишимо словами.

⁸¹ Передача (истины) от пятого патриарха шестому патриарху.

⁸² Светильники, передаваемые патриархами друг другу, раскрывающие суть учения.

⁸³ Баолинъ – букв. «Лес драгоценностей».

те⁸⁴.

У царства Дхармы нет ни центра, ни границ⁸⁵ —

Одни врата вмещают тайны многих школ⁸⁶.

В зале Майтреи

Учитель продекламировал:

Живот огромный сотрясает раскат смеха⁸⁷,

Дождь аромата лотоса проливается в бесчисленных мирах⁸⁸.

Не расстающийся с сумой холщовой велик как все сущее⁸⁹.

⁸⁴ Сущностная природа в основе своей чиста и не подвержена загрязнению.

⁸⁵ Царство Дхармы (санскр. Дхармадхату) – всеединая духовная фундаментальная реальность, являющаяся основой, или причиной, всех вещей, абсолютом как источник творения. Это царство ни внутри, ни вовне, ни между ними (с позиций дуализма).

⁸⁶ Одни врата символизируют путь от смерти к нирване, т. е. чаньскую школу, которая вбирает в себя все лучшее, присущее другим школам.

⁸⁷ Майтрея представлен в Китае статуей смеющегося Будды с огромным животом, символизирующим безграничное добросердечие.

⁸⁸ Белый лотос – символ Чистой Земли всех будд. Когда осознана внутренняя природа, каждый из шести миров существования преобразуется в Чистую Землю.

⁸⁹ При династии Лян (907–921) жил монах, носивший с собой холщовый мешок повсюду, куда бы он ни шел. Его прозвали «холщово-мешочным монахом». Перед самой смертью он сел

В Саду Цветка Дракона он станет преемником Будды⁹⁰.

После этого учитель простерся ниц перед статуей Майтреи.

В зале Вэйто⁹¹

Учитель продекламировал:

На помощь пострадавшим отроком приходишь,

А перед демоном будешь грозным богом.

Эй! Еще звучит та проповедь в ушах, с горы Стервятника Вершины,

О доблестный и пылкий генерал!

О подлинный Защитник Дхармы!

После этого учитель простерся ниц перед статуей Вэйто.

на скалу и нараспев продекламировал гатху, свидетельствующую о том, что он был воплощением Майтреи. После смерти он появлялся в различных местах также с холщовым мешком за спиной. Майтрея обладал способностью появляться повсюду, потому что его духовное тело неизмеримо, как пространство.

⁹⁰ Майтрея – это буддийский мессия, или будда будущего, находящийся в настоящее время на небесах Тушита. Его пришествие ожидается через пять тысяч лет после нирваны Шакьямуни Будды. Он достигнет просветления под деревом Бодхи, называемым «Деревом Цветка Дракона», и освободит все живые существа.

⁹¹ Вэйто (*кит.*), или Сканда (*санскр.*), поклялся защищать дхарму Будды в восточных, западных и южных мирах, т. е. *пурвавидэху*, *апарагоданью* и *джамбудвипу* (нашу землю) соответственно.

В зале Пятого патриарха

Учитель продекламировал:

То семя Истины высокой, посаженное в
грунт Земли Восточной,
Взошло цветком из лепестков пяти⁹².
От Сю на севере, от Нэн на юге⁹³
И листьев, и ветвей теперь везде нема-
ло.

После этого учитель простерся ниц перед пятым патриархом.

В зале Шестого патриарха

Держа в руке благовонные палочки, учитель продекламировал:

Каждый год в восьмой день второго и во
второй день восьмого⁹⁴
Птичьи стаи рисуют узоры на небесах⁹⁵.
Она никогда ведь не скрыта нигде во

⁹² Бодхидхарма пришел на Восток и передал свою рясу первому из пяти китайских патриархов. Отсюда пять лепестков.

⁹³ Шэнь-сю и Хуй-нэн (шестой патриарх) проповедовали чаньскую дхарму на Севере и на Юге соответственно и передали ее своим сменяющим друг друга последователям, распространившим ее по всей стране.

⁹⁴ День рождения патриарха выпал на второй день восьмой луны. Учитель поменял местами день и месяц, чтобы стереть все следы времени, которому нет места в абсолютной мудрости.

⁹⁵ Птица не оставляет следа в небе. Таким образом, странство также устраняется.

Вселенной⁹⁶,
Но даже Ли Лоу ее не отыскать⁹⁷.

Закончив воскурения, учитель продолжал:

Сегодня ясно все, как никогда!⁹⁸

Перед ракой Учителя Хань-Шаня

Держа благовонные палочки, учитель продекламировал:

В своих краях соперника не знал он⁹⁹.
Теперь он есть. Зовут его Гу-шань¹⁰⁰.
Порой воспоминание принуждает
Раскаяться за суетливый ум¹⁰¹.
А что же суетливость есть такое?

Позвав учеников, учитель продолжил:

⁹⁶ Сущностная природа вездесуща, но непостижима для заблуждающихся. Ее невозможно определить, и слово «она» здесь указывает на невыразимое.

⁹⁷ Ли Лоу, живший при легендарном Желтом императоре, упоминается в «Мэн-цзы». Он был способен увидеть даже волосок за сто шагов.

⁹⁸ Сегодня благодаря патриарху сущностная природа может быть постигнута по его методу.

⁹⁹ У Хань-шаня не было соперников на почетном поприще восстановления монастыря Шестого патриарха в 1602 г.

¹⁰⁰ Теперь учитель Сюй-юнь также удостоился чести восстанавливать тот же монастырь. Отсюда и «соперничество» с Хань-шанем.

¹⁰¹ Воспоминание о беспокойстве ума, вызванном заблуждением.

Два глиняных вола дерутся за право
шагнуть в море¹⁰².

Совершая воскуренья, я всякий раз опечален сердцем¹⁰³.

После совершения воскурения учитель продолжил:

Теперь это Дэ-цин¹⁰⁴,
И был Дэ-цином прежде¹⁰⁵.
При встрече настоящего с былым мы
видим изменение формы¹⁰⁶.
Упадок дхармы и ее расцвет от доли зла
или добра зависят,
Но вот она в лесах и травах – была и
есть, и будет, как всегда.

После этого учитель простерся ниц перед Хань-шанем.

¹⁰² Учитель призвал своих последователей искоренить дуалистические взгляды – причину заблуждения. Два глиняных вола – это дуализм, расщепляющий нашу целостную внутреннюю природу на «эго» (я) и «других» (не я). Следует отбросить иллюзорные дуалистические воззрения, чтобы осознать свою неделимую природу.

¹⁰³ Всякий раз, когда я преподношу благовонные палочки Будде, я думаю с сердцем, преисполненным печали, о заблуждающихся живых существах, отворачивающихся от верной *дхармы*.

¹⁰⁴ В молодости учитель Сюй-юнь использовал имя Дэ-цин.

¹⁰⁵ Дэ-цином также называл себя Хань-шань, пока он не назвал себя «Хань-шанем», «Глупая Гора».

¹⁰⁶ Таким образом, Дэ-цин древний и Дэ-цин современный встречаются в том же монастыре, переданном обоим в одинаково ужасном состоянии, который они оба восстанавливали, хотя и в разное время. Хань-шань перешел в *нирвану*, тогда как Сюй-юнь еще пребывал в человеческой форме.

В главном зале

Держа благовонные палочки, учитель продекламировал:

О Господин, Учитель Сахи!¹⁰⁷

Дхарма нерожденного, которой ты учил,

—

самая глубокая и чудесная.

Но кто есть Будда, и кто – обычное существо?¹⁰⁸

После этого учитель простерся ниц перед Буддой.

В комнате настоятеля

Учитель вошел в комнату настоятеля и продекламировал:

В комнату Достойного вхожу

И сажусь на место старого патриарха¹⁰⁹.

И, крепко Вертикальный Меч держа¹¹⁰,

¹⁰⁷ «Саха», санскритское слово, означает наш мир. Будда был учителем этого мира.

¹⁰⁸ Будда и обычные существа – одной и той же природы. В чем разница? Познание сущностной природы приведет, согласно чаньской школе, к обретению буддовости.

¹⁰⁹ Цитата из «Лотосовой сутры». Комната, или дом, место, или трон, представляют собой соответственно Дом Татхагаты, или Сострадание, и Трон Татхагаты в абсолютной пустоте, т. е. неизменность.

¹¹⁰ Неразрушимый меч мудрости нужно держать вертикально, чтобы поставить преграду проникновению ложного – т. е. ложному мышлению.

Передаю верное высочайшее повеление¹¹¹.

Именно здесь Патриарх и все Предки
Учили Дхарме ради блага людей.

Сегодня этот недостойный человек пришел сюда.

Что он делает?

Учитель щелкнул пальцами трижды и продолжил¹¹²:

Эти щелчки открывают 80 000 дверей
дхармы,

Указуя непосредственно на сознание
Татхагаты.

Затем Учитель простерся ниц перед статуей Будды.

В зале дхармы

Указывая посохом на место проповедника дхармы,
учитель продекламировал:

Величественное драгоценное место
Переходило от патриарха к патриарху.
Ничему нет преград,
Дхармы все глубоки.
На свету проявляясь,
Теснятся и отступают.
Железные глаза с медными зрачками
Не видят то, что даже прямо перед ни-

¹¹¹ Чаньский термин, означающий правильную команду, или приказ, Высшего Проводника, уподобленный безоговорочному приказу главнокомандующего.

¹¹² Обнаружить само Сознание, которое фактически дало команду щелкнуть пальцами «трижды», значит выявить присутствие тройного тела (Трикая) в одном.

ми¹¹³.

То, что монах спустился с гор,

Не так уж необычно.

Если хочешь взором окинуть тысячу *ли*
вокруг,

Поднимись еще выше¹¹⁴.

Учитель указал посохом вновь на это место и продолжил:

Поднимусь!

Поднявшись туда с зажженными благовонными палочками в руках, он продекламировал:

Эти благовонные палочки

Не ниспосланы небом.

Но разве они земные?

Они дымятся в курильнице

Как приношение нашему Учителю Шакьямуни,

Всем буддам и бодхисаттвам,

Всем мудрецам и патриархам Индии и
этой Восточной Земли,

Арье Джнянабхайсаджье, построившему
этот монастырь¹¹⁵,

Великому Учителю – Шестому Патриарху

¹¹³ Сознание, даже отвлеченное от органов чувств, информационного потока и ума, даже уподобившееся железным глазам с медными зрачками, которые нечувствительны к всему внешнему, все еще неспособно постичь сущностную природу. Такое состояние человек испытывает, достигнув верха «стофутового столба». (См. «Песню несущего доску» из автобиографии Хань-шаня.)

¹¹⁴ С верха «стофутового столба» человеку необходимо шагнуть вперед, чтобы его сущностная природа полностью обнажилась.

¹¹⁵ См. «Алтарную сутру» шестого патриарха.

И всем Учителям, радевшим за успехи
этой школы,
Пусть ярче светит солнце Будды,
Пусть Колесо Закона вращается всегда!

Затем Учитель поправил рясу и сел, после чего
старший монах декламировал

Все слоны и драконы¹¹⁶, собравшиеся
здесь на пиршество дхармы,
Должны найти Высшее Значение¹¹⁷.

Держа в руке посох, учитель сказал:

Ясно, что это великое событие¹¹⁸ обусловлено не
какой-то одной из множества дхарм¹¹⁹. Причин осново-
полагающих и второстепенных много, и им еще не по-
ложен конец. После ухода Хань-шаня сюда пришел я.
Восстановление этого древнего монастыря зависит от
многих причин. Монастырь был основан в 502 г. индий-
ским монахом Чжи-яо Сань-цзаном (Джнянабхайсаджь-
ей), предсказавшим, что примерно через 170 лет вели-

¹¹⁶ «Драконы и слоны» – уважительное обращение ко всем присутствующим, ищущим просветления. «Пиршество дхармы» – проповедь, утоляющая голод искателей истины.

¹¹⁷ Высшее Значение. В обучающей школе этот термин означает Высшую Реальность. В чаньском зале он означает: «Пожалуйста, всмотритесь в свое сознание для достижения просветления». Это предложение всегда читается нараспев руководителем собрания перед проповедью учителя.

¹¹⁸ Раскрытие сознания для постижения сущностной природы и достижения состояния будды.

¹¹⁹ Сущностная природа в основе своей чиста, и не требуется никакой дхармы для ее постижения. Достаточно положить конец ложному мышлению, обратившись к сущностному сознанию.

кий совершенномудрый¹²⁰ придет сюда проповедовать дхарму ради освобождения людей и что достигших того же самого последователей будет так много, как деревьев в лесу. Отсюда и название «Драгоценный Лес». Со времен шестого патриарха, пришедшего сюда учить и обращать людей в веру, прошло более тысячи с лишним лет, и бесчисленное множество живых существ достигло освобождения. Периоды процветания чередовались с периодами упадка. Во времена династии Мин патриарх Хань-шань восстановил монастырь и оживил эту школу. С тех пор прошло более трех столетий, и за это время без достойного преемника монастырь пришел в непотребное состояние.

Когда я был в Гушане, мне приснился шестой патриарх, трижды призвавший меня вернуться сюда. В то же время высокопоставленные чиновники и упасаки, спонсирующие восстановление монастыря, послали своих представителей ко мне в Гушань с просьбой стать его настоятелем. Их преданность делу была велика, и я был вынужден уступить их просьбам, и вот теперь занимаю это место, испытывая стыд из-за своей недостаточной добродетели и мудрости и отсутствия административных талантов. Поэтому я нуждаюсь в вашей помощи, чтобы увядающая ветвь оросилась амритой¹²¹ и над домом в огне¹²² пролились дождевые облака сострадания. Вместе мы сделаем все, что в наших силах, дабы сохранить монастырь Шестого патриарха.

Что касается стараний сохранить его,
Что же я делаю сейчас?

¹²⁰ Шестой патриарх.

¹²¹ Божественный напиток.

¹²² Дом в огне – это самсара, наш мир. Цитата из «Лотосовой сутры».

Соединив ладони вместе, учитель повернулся сначала направо, а потом налево в знак приветствия и сказал:

Под складкой моей рясы скрываются четыре царственных бога¹²³.

После этого Учитель сошел с места проповедника дхармы.

Мой 96-й год (1935–1936)

В ту весну генерала Ли Ханьхуня перевели в восточную часть Гуандуна. Мы лишились ценной поддержки, которую он нам оказывал, и начали испытывать все большие и большие трудности в реставрации монастыря. После чтения наставлений я был приглашен сетью больниц Дунхуа в Гонконге совершить обряды в упокоение душ людей, умерших на земле и в воде. Для этой цели были возведены алтари в храмах Дунлянь и Цзюэюань. После совершения обрядов я вернулся в монастырь Гушань и подал в отставку с поста настоятеля. Я попросил управляющего монастырем, старого учителя Шэн-хуя, занять освободившийся пост. Затем вернулся в монастырь Наньхуа, где реставрировал Зал шестого патриарха и построил раку Авалокитешвары, а также спальные помещения. В ту зиму три кедра за монастырем, посаженные во времена династии Сун (960–1279) и увядавшие на протяжении последних несколь-

¹²³ Я с уверенностью могу положиться также на четырех царей-дэвов, чьи высокие статуи стоят у входа в монастырь и которые также появились, когда Патриарх расстелил свою нисидану, или кусок ткани для сидения. (См. вступление Фахая к «Алтарной сутре Шестого Патриарха».)

ких столетий, неожиданно распустили листву. Учитель Гуань-бэнь, руководитель собрания, засвидетельствовал это редкое событие в песне, текст которой был высечен упасакой Цэнь Сюэлюем на каменной плитке в монастыре.

Мой 97-й год (1936–1937)

После чтения наставлений весной реставрация монастыря Наньхуа постепенно завершилась. Господин Линь Сэнь, президент республики, а также министр Чу Чжэн и генерал Чан Кайши прибыли в монастырь один за другим. Президент Линь и министр Чу учредили фонд, финансирующий перестройку главного зала, а генерал Чан Кайши в качестве своего вклада поставил рабочую силу, так что нам удалось изменить направление течения потока Цаоси, протекавшего мимо монастыря. Однако изменение направления течения этого потока в конечном итоге не потребовало рабочей силы, а стало возможным благодаря помощи духовных стражей дхармы.

Примечание упасаки Цэнь Сюэлюя:

Первоначально поток Цаоси протекал в 1400 чжанах от монастыря. Поскольку его долгое время не чистили, то, будучи переполненным камнями и илом, он изменил направление течения на северное и направился прямо к монастырю. Чтобы вернуть его назад в прежнее русло, потребовалось бы 3000 рабочих и стоило бы очень дорого. Когда началась подготовка к работе, вечером двадцатого дня седьмого месяца, неожиданно разразилась сильная гроза, продлившаяся всю ночь. На следующее утро сильные водяные потоки разрушили берега Цаоси, образовав новое русло именно там, где мы его планировали. Прежнее русло было пе-

реполнено песком и камнями, которые возвышались на несколько футов над прежними берегами. Казалось, будто божественные стражи монастыря помогли нам скорректировать течение этого ручья.

Мой 98-й год (1937–1938)

Весной, после чтения наставлений, я был приглашен Гуандунской буддийской ассоциацией в Гуанчжоу, где дал толкование сутрам и принял тибетских лам и их последователей. Преданные ученики из соседнего города Фушаня попросили меня провести церемонию открытия ступы, возведенной в храме Жэньшоу. Затем я вернулся в монастырь Наньхуа, где руководил ремонтом храмовых зданий.

Мой 99-й год (1938–1939)

Весной, после чтения наставлений, я отправился в Гуанчжоу, где дал толкование сутрам, после чего прибыл в Гонконг для совершения обряда Махакаруны¹²⁴ в храмах Дунлянь и Цзюэюань. После этого я вернулся в монастырь Наньхуа.

Мой 100-й год (1939–1940)

Во время чтения наставлений весной в монастырь за ними пришло огромное количество людей вследствие разразившейся на севере вражды. Я предложил, в

¹²⁴ Этот обряд обычно включает чтение Дхарани Великого Сострадания (Махакаруны) Авалокитешвары, или бодхисаттвы Гуаньинь. Иногда возводится специальный алтарь с мандалой Гарбхадхату и проводится долгая литургия, цель которой передача концентрированной духовной энергии больным, умирающим или умершим.

связи с большим количеством жертв как среди солдат, так и среди гражданского населения, всем ученикам Будды каждый день посвящать два часа раскаянию, молитвам в упокоение душ умерших и о скорейшем прекращении всякой вражды. Я также призвал всех экономить деньги на еде для создания фонда помощи нуждающимся. Мои предложения были одобрены и приняты к исполнению.

Мой 101-й год (1940–1941)

Той весной, как обычно, я давал наставления. Японская армия вскоре заняла Кантон, и все гражданские и военные департаменты были эвакуированы в Цюйцзян. Там собралось огромное число монахов со всех частей провинции. Я произвел ремонт храма Дацзянь (Большое Зеркало) и использовал его как часть монастыря Наньхуа, пригодную для приема посетителей. С той же целью я также отремонтировал монастырь Юэхуа (Лунный Цветок).

Мой 102-й год (1941–1942)

Весной, после чтения наставлений, я передал правительству провинции сумму в 200 000 юаней, собранную моими учениками и другими преданными буддизму людьми за предыдущие два года на нужды жертв голода в районе Цюйцзяна.

Той осенью Гуандунская Буддийская ассоциация переехала в Цюйцзян и выбрала меня президентом, а упасака Чжан Цзылянь стал вице-президентом.

Мой 103-й год (1942–1943)

Во время чтения наставлений в ту весну некий дух, живший на монастырском дереве, явился за наставле-

ниями. Учитель Гуань-бэнь, настоятель храма, засвидетельствовал это необычное явление:

Во время чтения наставлений явился какой-то монах и попросил дать наставления ему, бхикшу. Он сказал, что его зовут Чжан и что он родом из Цюйцзяна, ему 34 года, но до сих пор он не нашел никого, кто обрил бы ему голову. Его спросили, есть ли у него с собой церемониальная ряса и предметы, необходимые для такого случая. Он ответил, что у него их нет. Поскольку он был откровенен и искренен, ему дали все необходимое и присвоили дхармовое имя. Ожидая своей очереди, он усердно трудился, занимаясь уборкой храма. Он вел себя сдержанно и не разговаривал с другими монахами, когда его пускали в Зал винаи. Он безукоризненно соблюдал все правила, но, прослушав заповеди бодхисаттвы, куда-то исчез, оставив свою рясу и удостоверение о принятии пострига в Зале винаи. Об этом инциденте вскоре все позабыли. В следующем году перед чтением наставлений учителю Сюй-юню приснился сон, будто этот монах пришел и попросил свидетельство. На вопрос, где он был после получения наставлений, он ответил, что никуда не уходил, так как жил у бога земли... Его свидетельство было потом сожжено в виде жертвоприношения и таким образом вернулось к нему.

Летом и осенью мы ремонтировали женский монастырь Уцзинь, для приема всех монахинь, прибывающих в Цюйцзян. Храм Дацзянь был только что перестроен, но ремонт монастыря Наньхуа не был еще завершен. Время от времени я получал консультации из монастыря Гушань по различным вопросам. Таким образом, я был постоянно занят работой. Кроме всего прочего, японские бомбардировщики каждый день беспокоили нас, пролетая над монастырем на свои задания.

Примечание Цэнь Сюэлюя:

После оккупации японцами Гуанчжоу во время войны столицей провинции стал Цюйцзян, и высокопоставленные военные чины часто заходили в монастырь Наньхуа. Японская разведка узнала, что монастырь используется в качестве места встречи китайских чиновников. На седьмом месяце, когда там собралось большое количество народа, прилетели восемь вражеских бомбардировщиков и стали кружить над монастырем. Учитель знал о намерениях японцев и приказал монахам возвратиться в свои спальные помещения. После того как все гости укрылись в Зале шестого патриарха, учитель пошел в главный зал, где, совершив воскурения, погрузился в медитацию. Один самолет спикировал и бросил большую бомбу, которая упала в роще на берегу реки за пределами монастыря, не причинив вреда последнему. Бомбардировщики вернулись и снова стали кружить над монастырем. Вдруг два из них столкнулись и рухнули на землю в Маба, десятью милями западнее. Оба самолета разбились вместе с пилотами и стрелками. После этого вражеские самолеты больше не осмеливались приближаться к монастырю и старались больше не пролетать над ним по пути к своим целям в тылу.

Той зимой, одиннадцатого месяца, президент Линь Сэнь и правительство поручили упасакам Цюй Ингуану и Чжан Цзыляню посетить наш монастырь и пригласить меня в столицу военного времени Чунцин для организации молитвенного собрания во благо страны. Я покинул Наньхуа шестого дня одиннадцатого месяца и по прибытии на священную гору Хэншань в провинции Хунань совершил воскурения в тамошнем монастыре. Потом я встретился с упасакон Сюй Гочжу, посланным маршалом Ли Цзишэнем, который приглашал меня в

Гуйлинь. По прибытии туда я остановился на горе Юэя, где монахи, монахини и ученики-миряне обоих полов захотели стать моими последователями. Потом, добравшись до Гуйчжоу, я остановился в монастыре Цяньмин, где настоятель Гуан-мяо попросил меня прочесть лекцию о Дхарме. Когда я снова прибыл в Чунцин, меня встретили правительственные чиновники и представители монастырей. После встречи с президентом Линьшэнем и упасакой Даем, ведущим молитвенного собрания, мы решили провести два дхарма-собрания в храмах Цыюнь и Хуаянь.

Мой 104-й год (1943–1944)

В первом месяце я совершил ритуальные церемонии во благо страны, которые закончились на двадцать шестой день. Президент Линь Сэнь, генерал Чан Кайши, министр Дай, генерал Хо и другие сановники один за другим приглашали меня на вегетарианский обед. Генерал Чан Кайши интересовался Дхармой во всех подробностях, выслушивая различные доводы, касающиеся материализма и идеализма и христианской доктрины в том числе. Я ответил на все его вопросы в письме¹²⁵. Потом читал лекции о Дхарме в храмах Цыюнь и Хуаянь. Эти лекции были записаны моим помощником Вэй-инем.

На третьем месяце я возвратился в монастырь Наньхуа и приступил к возведению ступы для упокоения праха умерших учеников. Когда был выкопан фундамент, мы обнаружили четыре пустых гроба, каждый в 1 *чжан* 6 *чи* длиной, а также черные плитки в 8 квадрат-

¹²⁵ Это письмо было опубликовано в английском переводе в *World Buddhism Wesak Annual*, 1965.

ных *цуней* с изображением птиц и животных наряду с астрологическими символами. Плитки не были датированы.

На шестом месяце мы открыли школу винаи для новичков и бесплатную школу для бедных детей этого района. Строительство ступы было завершено зимой.

Мой 105-й год (1944–1945)

В 1940 г., после того как монастырь Шестого патриарха был полностью восстановлен, я и бхикшу Фу-го отправились в Цюйян на поиски древнего монастыря Линшу, но нам не удалось найти его¹²⁶. Добравшись до горы Юньмэнь, мы обнаружили в лесной чаще полуразрушенный старый храм, в котором покоились останки основателя юньмэньской школы¹²⁷.

Увидев это святое место в таком жутком состоянии, я был настолько опечален, что не мог сдержать слез. К счастью, там в одиночестве жил с 1938 г. монах по имени Мин-кун и, несмотря на трудности, продолжал чтить основателя школы. Он поведал мне о своих трудностях и сказал, что если монастырь не перестроить, то он скоро превратится в развалины и будет предан забвению. После этого я вернулся в монастырь Наньхуа.

Однажды маршал Ли Цзишэнь и председатель Ли Ханьхунь прибыли навестить меня, и я рассказал им о том, что видел в Юньмэнь. Позже, во время инспекци-

¹²⁶ Монастырь Линшу был храмом учителя Лин-шу (ум. 918), где учитель Юнь-мэнь изучал Дхарму, прежде чем основал свой собственный храм.

¹²⁷ Учитель Вэнь-янь Юнь-мэнь (ум. 949) был основателем юньмэньской школы. Его монастырь находился к западу от Цюйцзяна, в древности Шаочжоу, на вершине горы Юньмэнь.

онного тура, председатель Ли, минуя гору Жуюань, увидел развалины монастыря Дацзюэ (Великое Просветление) на вершине горы Юньмэнь. Он был в таком же полуразрушенном состоянии, в каком был монастырь Наньхуа до реконструкции. Он созвал сангху и влиятельных людей на собрание, на котором ко мне обратились с просьбой взять руководство ремонтными работами на себя. Опасаясь приближения военных действий к Наньхуа, я тайно вывез тела шестого патриарха и учителя Хань-шаня в Юньмэнь.

Прибыв в Юньмэнь я увидел, что большинство храмовых строений было разрушено, за исключением зала учителя Юнь-мэня, над которым также нависла угроза неизбежного разрушения. Я устроился в жалкой комнатухе за залом бодхисаттвы Гуань-инь, где начал общую реставрационную планировку. Зимой я вернулся в Наньхуа для совершения церемоний упокоения душ людей, умерших на земле и в воде.

Мой 106-й год (1945–1946)

В период конца весны и начала лета японские армии вторглись в Северный Гуандун и оккупировали все районы, включая Жуюань. Большинство беженцев устремилось в монастырь Юньмэнь, где поделило с общиной сначала рисовую трапезу, потом жидкую рисовую и, наконец, из ямсовой муки, когда запасы продовольствия истощились. Среди беженцев были плотники, кирпичники и кладчики, составившие группу примерно из ста квалифицированных рабочих, которые предложили свои услуги бесплатно, внося, таким образом, большой вклад в дело реконструкции храмовых зданий.

Летом, когда китайские войска перешли на другую линию обороны, местные бандиты подумали, что они

отступают, напали на них и захватили значительную часть армейского провианта. Вскоре после этого прибыли подкрепления и планировали нанести удар бандитам более чем в сорока деревнях. Около тысячи деревенских жителей, включая мужчин и женщин преклонного возраста, сбежало со своими пожитками и скотом в горы, населенные местными народностями. Деревенские старики пришли в монастырь и попросили меня заступиться за них. Я обсудил этот вопрос с армейским командованием, и через три дня все награбленное было возвращено армии. Потом было подписано соглашение, и положение нормализовалось. С тех пор деревенские жители стали относиться ко мне как к сострадательному заступнику, как к матери, и хотя японцы оккупировали города, они не появились в Юньмэне, избегая, таким образом, столкновений с враждебно настроенным населением региона.

Мой 107-й год (1946–1947)

Вторая мировая война закончилась, и все правительственные учреждения возобновили работу на своих прежних местах. Весной я давал наставления и читал сутры, как обычно. Осенью правительство приказало всем монастырям страны провести молитвенные собрания с чтением сутр в упокоение душ людей, погибших на войне. Чиновники и знатные люди пригласили меня в Гуанчжоу в ноябре для проведения аналогичного молитвенного собрания в храме Цзинхуй (известном также под названием Люжун, или Шесть баньянов) в упокой душ погибших. В храме были персиковые деревья, и во время церемонии они неожиданно пышно расцвели. Храм посетили более 100 000 человек. Все были свидетелями этого несезонного цветения, которое было поис-

тине удивительным. По этому случаю упасака Цзэн Бишань сделал вышивку древнего Будды с персиковыми цветами, а упасака Ху Ишэн нарисовал эти знаменательные цветы.

После собрания я был приглашен чиновниками и знатными людьми областей Чаочжоу и Шаньтоу провести беседы о буддадхарме в монастыре Кайюань в Чаочжоу, где собралось большое число последователей, желавших получить наставления. В ту зиму умер мой старший ученик Гуань-бэнь.

Мой 108-й год (1947–1948)

Весной я отправился в монастырь Наньхуа, где читал сутры и давал наставления. Сеть больниц Дунхуа в Гонконге пригласила меня с просьбой организовать молитвенное собрание. Я отправился туда и остановился в Чунланьской школе, где упасака Цзэн Бишань помогал мне во всем во время проведения собрания, на котором несколько тысяч приверженцев Дхармы стали моими учениками.

После этого мои ученики пригласили меня в Макао (Аомэнь) с просьбой дать толкование сутрам и провести медитационную неделю. Несколько тысяч человек после этого стали моими учениками. Упасака Ма Шичуань пригласил меня на гору Чжуншань, где я провел собрание Махакаруны, на котором еще несколько тысяч человек стали моими учениками. После этого вернулся в монастырь Юньмэнь с желанием ускорить его восстановление.

Мой 109-й год (1948–1949)

Весной, после чтения наставлений в монастыре Наньхуа, я отправился в Гуанчжоу на открытие буддий-

ской больницы Чжидэ, где прочел лекцию о Дхарме. Затем – в Гонконг, где давал толкование сутрам в храме Цыхан Цзинъюань в Шатяне. Я провел там недельную медитацию по правилам школы Чистой Земли и знакомил собравшихся с уставом отшельнической жизни и пятью заповедями в храме Чжилинь. Я также провел собрание, посвященное раскаянию и преображению в храме Дунлянь Цзююань (Сад Просветления Восточного Лотоса). После этого вернулся в монастырь Юньмэнь. На пятом месяце в Юньнани преставился учитель дхармы Цзе-чэнь. Осенью приехала американская леди, Ананда Дженнингз, и получила наставления. После недели чаньской медитации она уехала очень довольная.

Примечание Цэнь Сюэлюя:

В том году Ананда Дженнингз, услышавшая об эрудиции и святости учителя, выразила желание посетить Китай и навестить его. Учитель был уведомлен об этом через китайские и американские консульские службы и ответил, что будет рад ее принять. Когда она прибыла в Гонконг, учитель находился в Гуанчжоу. Она направилась туда для встречи с ним. Она сказала, что хочет изучить Дхарму, что ее отец доктор богословия и что сама она изучала сравнительное религиоведение в течение двадцати лет. Раньше она совершала путешествия в поисках ответа на вопросы, связанные с учением Будды. Она побывала в Индии и вела там отшельническую жизнь, потом практиковала Дхарму в уединении на Западе. После трехлетних попыток помочь делу мира во всем мире в Лиге Наций она поняла, что мир может быть достигнут только на более глубоком духовном уровне. Этот поиск привел ее в конечном итоге к высочайшей буддадхарме, которая единственно способна освободить сознание от постоянного возвращения к проблеме войны, в своем стремлении избавиться

от нее. Она процитировала: «Когда сознание в покое, все ложные воззрения исчезают сами собой».

Учитель взял Ананду Дженнингз с собой в монастырь Наньхуа. Там они почтили шестого патриарха. После совершения ритуального обряда посвящения в монахи ей дали дхармовое имя Куаньхун (Великий Простор). По этому случаю была проведена неделя чаньской медитации и было много гостей отовсюду. Когда чаньская неделя началась, учитель вошел в зал и сказал собравшимся: «Если говорить об этом, то оно по сути своей совершенно – в окружении совершенномудрых не прибавляется, а в окружении мирском не убавляется. Когда Татхагата проходит через 6 сфер воплощений, в каждой сфере слышат о нем, и когда Гуаньинь (букв. «Слышащая Звуки», т. е. винмающая всем страданиям мира) проходит через десять видов живых существ, каждый из них находится в состоянии «естественности». Если все обстоит «таким образом», чего вы ищете и почему вы ищете «это»? Один патриарх сказал: «Только когда появляется различие, сознание теряется в путанице». Даже до того как ваша лодка пришвартовалась, вы уже заслуживали несколько ударов моего посоха¹²⁸. Какая жалость! Вместо того чтобы открыть свою собственную сокровищницу, вы идете в соломенную хижину, чтобы принести ничего не стоящей соломы. Все это из-за отсутствия ясности в одной мысли. Поскольку ваше бешеное сознание не останавливается, вы уподобляетесь человеку, ищущему другую голову, держась за собственную

¹²⁸ Это значит: уже до того, как вы покинули свою лодку, чтобы прийти ко мне за наставлениями, вы уже были не правы, потому что пренебрегли природой будды, которая изначально присутствует в вас, и стали искать чего-то снаружи. За такую беззаботность мне следовало бы выдать вам по тридцати ударов палкой.

обеими руками. Вы говорите, что испытываете жажду, но ведь вода перед вами. Обладающие высокой добродетелью (обращение к буддийским монахам), зачем вам утруждаться и приходить сюда? Зачем? Но раз уж вам не жалко было потратиться на тростниковые сандалии, то и я не побоюсь открыть свой грязный рот». Затем учитель издал чаньский крик «хэ» и сказал: «Великий Старец Шакья пришел. *Цань!*»¹²⁹ Присутствующие пожилые монахи из других монастырей также выступали на этом собрании.

Ниже приводится чаньский диалог (кит. *вэнь-да*, яп. *мондо*) между Анандой Дженнингз и последователем учителя Сюй-юня по имени Ци-ши (дословно «Нищенствующий»).

Ци-ши: Вы пересекли океан с тем, чтобы прийти сюда, не убоявшись трудностей далекого путешествия. Какова цель вашего визита?

Ананда Дженнингз: Изучение буддадхармы.

Ц.: Нужно разобраться с рождением и смертью, когда изучаешь дхарму. Каково ваше мнение о «рождении и смерти»?

А.Д.: Поскольку изначально не существует ни рождения, ни смерти, какая польза от рассуждений о том, что по отдельности представляют собой «рождение и смерть»?

Ц.: Если не существует ни рождения, ни смерти, какова польза от изучения буддизма?

А. Д.: Изначально нет никакого буддизма, а изучающий – это и есть будда.

Ц.: У Будды было 32 признака и когда пальцы его ног касались земли, являлся свет «морского отражения»¹³⁰. Вы можете это сделать?

А. Д.: Как способность сделать это, так и не-

¹²⁹ *Цань* – чаньский термин, «исследуй» или «загляни в свое сознание».

¹³⁰ Одна из форм транса Будды.

способность – не более чем бесполезная софистика.

Ц.: Хотя ваша интерпретация глубока и то, что вы говорите, верно, но простой разговор о еде не удовлетворит голода. Это просто фраза, так что же?

А. Д.: Это даже не фраза, и у речи нет оснований. Если не вдаваться в сложности и не разводить сумбура разночтений, то просветленная природа вне всяких размышлений, и она мать всего сущего.

Ц.: Обо всем уже сказано в деталях и каждое ваше слово согласуется с тем, что имеет в виду Патриарх. Но слово «знание» – врата множества бед. Поскольку вы углубились в вопрос посредством правильных интерпретаций, могу ли я спросить вас: «Без помощи слов и речи, каков подлинный облик?»

А. Д.: «Алмазная сутра» гласит: «Анuttара-самьяк-самбодхи это не анuttара-самьяк-самбодхи»¹³¹.

Ц.: Кажется, это так, но корень жизни не отсекается в общем и в целом из-за знания и восприятия? Надеюсь на намек от вас.

А. Д.: Мои возможности читать сутры были ограничены. После четырехлетнего затворничества, когда я стала разговаривать с людьми, все они ска-

¹³¹ Анuttара-самьяк-самбодхи означает «непревзойденное совершенное просветление». В «Ваджраччхедике» Будда сказал, что «непревзойденное совершенное просветление» дается для того, чтобы осознать «непостижимость» трансцендентальной природы. Если есть «постигающий» и «объект» постижения, то чем это отличается от мира рождения и смерти? Таким образом, открытие анuttара-самьяк-самбодхи означает осознание пустоты (шуньяты) всех обусловленных вещей и пребывание за пределами «достижения» и «потери». В связи с этим это уместно называть анuttара-самьяк-самбодхи.

зали, что мои слова соответствовали буддадхарме. По-моему, понимание, которое не вытекает из простого прочтения сутр, вероятно, не принадлежит всецело человеческому знанию и восприятию.

Ц.: То, что не вытекает из чтения сутр и шастр, что обретается в медитации, – это чань, которое проявляет природную мудрость, которая также является знанием и восприятием.

А. Д.: Буддадхарма придает важность истинному подтверждению, а не полагается на знание и восприятие. Так что же?

Ц.: Можно не погружаться в трясину сутр и шастр и не цепляться за внутреннюю природу и внешние образы, Дао повсюду, и истина везде. Поэтому можно произвольно назвать ее и «этим».

После этого Ананда Дженнингз сопровождала учителя в монастырь Юньмэнь, где они отдали дань почтения останкам учителя Юнь-мэня, и осталась там почти на две недели. Она сказала, что будет распространять буддадхарму в Америке, когда туда вернется.

Мой 110-й год (1949–1950)

После чтения наставлений в монастыре Наньхуа я возвратился в Юньмэнь, где следил за выполнением работ по позолоте более восьмидесяти статуй и сооружению постаментов для них. На это ушло больше года. К тому времени весь монастырь был уже на девяносто процентов реставрирован. Упасака Фан Янцю пригласил меня в Гонконг на церемонию открытия буддийского храма. Я также дал толкование сутрам там, в Праздник вихаре. После месячного пребывания в Гонконге я вернулся в Юньмэнь. В тот год я попросил упасаку Цэнь Сюэлюя издать «Анналы монастыря Юньмэнь».

Примечание Цэнь Сюэлюя:

Учитель отправился в Гонконг по приглашению упасаки Фан Янцю. Однажды я спросил учителя: «Мир быстро меняется. Куда мне идти (чтобы продолжать свою практику)?»

Учитель ответил: «К изучению Дао. Его дом весь мир, и если отбросишь все, тогда место, где ты есть, станет бодхимандалой (местом постижения истины). Пожалуйста успокой свое сознание».

Я спросил: «На монастыри окажет сильное влияние происходящее на материке. Почему бы вам не остаться здесь на время и не заняться истолкованием Дхармы во благо все живых существ?»

Он ответил: «Есть другие, кто может здесь истолковать дхарму. Мне кажется, я несу особую ответственность (за храмы на материке). Что касается меня, мое сознание за пределами вопросов „уехать или остаться“, но неизвестно, что ждет храмы и монастыри на материке. Если я останусь здесь, кто позаботится о десятках тысяч монахов и монахинь, чье положение ухудшается? Могу ли я сохранять спокойствие (если останусь здесь)? Вот почему я должен вернуться на материк».

Мой 111-й год (1950–1951)

Весной я отправился в монастырь Наньхуа, где дал наставления и провел неделю чаньской медитации, после которой некоторые участники духовно пробудились. Вернувшись в монастырь Юньмэнь, я начал приводить все свои рукописи в порядок, необходимый для их издания. Это было непросто, так как большинство моих трудов было написано несколько десятилетий назад.

Мой 112-й год (1951–1952)

Во время чтения наставлений весной в монастыре Юньмэнь случилась беда.

Примечание Цэнь Сюэлюя:

Учитель диктует историю своей жизни вплоть до своего 112 года, после чего его помощники регистрировали происходившие далее события вплоть до времени смерти учителя.

[В то время произошла коммунистическая революция, и первые потрясения идеологических перемен стали ощутимы.] Той весной огромное количество монахов, монахинь, учеников-мирян – мужчин и женщин – собралось для получения наставлений в монастыре Юньмэнь, община которого состояла тогда из более 120 монахов. В двадцать четвертый день второго месяца банда из более ста головорезов окружила монастырь, не позволяя никому входить и выходить. Сначала они силой заставили учителя оставаться в комнате настоятеля, оставив несколько человек присматривать за ним. Потом, согнав всех монахов в залы дхармы и медитации, стали обыскивать храмовые здания от черепичных крыш до кирпичных полов, включая статуи будд и патриархов, священные культовые предметы и ящики, в которых хранилась Трипитака.

Хотя более сотни людей производило обыск в течение двух дней, они не нашли ничего незаконного. В конечном итоге они забрали с собой бхикшу Мин-дуна – управляющего храмом, а также Вэй-синя, У-хуйя, Чжэнь-куна и Вэй-чжана – старших монахов. Они также засунули в оружейные мешки – которые потом унесли – реестры, документы, корреспонденцию и все рукописи учителя, содержащие разъяснения и комментарии к сутрам, наряду с его записанными высказываниями за столетний период. Потом они обвинили общину в совершении всевозможных преступлений. В действительности же они полагались на необоснованные слухи о том, что в монастыре якобы хранились оружие, амуни-

ция, радиопередатчики, золотые и серебряные слитки. Именно это они и искали.

В общем были арестованы и жестоко избиты двадцать шесть монахов в попытке добиться от них признания относительно предполагаемого местонахождения оружия и денег. Все они заявили, что им ни о чем подобном не известно. Бхикшу Мяо-юня забили до смерти, а бхикшу У-юнь и Ти-чжи были так безжалостно избиты, что у них оказались переломанными руки. Несколько других монахов пропали без вести. Поскольку головорезы ничего не обнаружили после десяти дней бесплодных поисков, они излили свою злость на учителя.

В первый день третьего месяца его перевели в другую комнату, двери и окна которой опечатали. Ему не давали ни есть, ни пить и даже не позволяли выходить, чтобы справить нужду. Комната, тускло освещенная маленькой лампой, напоминала ад. На третий день около десяти крепких мужчин бесцеремонно вошли и приказали учителю сдать золото, серебро и оружие. Он сказал, что у него ничего подобного нет. Они начали его бить. Сначала дубинками, а потом – железными прутьями до тех пор, пока не переломали учителю ребра. Кровь заливала его голову и лицо.

При избиении его допрашивали, но он сидел в медитативной позе, чтобы войти в состояние дхьяны. Поскольку удары безжалостно градом сыпались на него, он закрыл глаза и рот, по-видимому, перейдя в состояние самадхи. В тот день они четыре раза зверски его избивали и в конце концов бросили на пол. Увидев, что ему нанесены серьезные ранения, они подумали, что он умер, и покинули комнату. Вскоре после этого охранники также ушли. Учителя донесли до кровати и помогли ему принять медитативную позу.

На десятый день, рано поутру, он медленно наклонился вправо (положение, сходное с позой Будды в *паринирване*). Поскольку учитель оставался неподвижным в течение целого дня и ночи, ухаживающий за ним монах поднес близко к его ноздрям фитиль от горящей лампы. Он не обнаруживал следов дыхания и казался мертвым. Однако его лицо выглядело свежим, как всегда, а тело было все еще теплым. Ухаживающие за ним Фа-юнь и Куань-шань дежурили у его постели.

Рано утром одиннадцатого дня учитель издал слабый стон. Ему помогли принять прямую сидячую позу и рассказали, как долго он сидел в дхьяне и лежал на кровати. Учитель медленно произнес: «Я думал, это длилось несколько минут». Потом он сказал Фа-юню: «Возьми ручку и запиши то, что я продиктую, но не показывай посторонним, чтобы люди не возводили напраслину».

Потом он медленно сказал: «Мне приснилось, будто я вошел во внутренние покои будды Майтреи на небесах Тушита. Они превосходят по красоте и величию все, что есть на земле. Майтрея, восседая на троне, проповедовал Дхарму большому собранию, на котором присутствовало около десяти моих покойных знакомых. Среди них были: настоятель Чжи-шань из монастыря Хайхуй в Цзянси, учитель дхармы Жун-цзин с горы Тяньтай, учитель Хуань-чжи с горы Цишань, настоятель Бао-у из монастыря Байсуйгун, настоятель Шэн-синь с горы Баохуа, учитель винаи Ду-ти, настоятель Гуань-синь с горы Цзиньшань, а также учитель Цзы-бай.

Я соединил ладони в знак приветствия, и они указали на третье свободное место в первом ряду на восточной стороне, приглашая меня сесть. Арья Ананда был *кармаданой* (помощник настоятеля, ведавший бытом монахов) и сидел рядом со мной. Майтрея давал на-

ставления по медитации в традиции читтаматры (*вэй синь*, „только сознание“), но прервал объяснение и обратился ко мне: „Тебе следует вернуться (в свой монастырь)“.

Я сказал: „Мое кармическое бремя слишком велико, я не хочу возвращаться“.

Он сказал: „Твоя кармическая связь с миром еще не закончена, и ты должен вернуться туда сейчас, дабы вернуться сюда позже“.

Затем он прочел нараспев следующую гатху:

Чем знание от мудрости отлично?
Волна с водою разве не одно?
Какая разница в кувшине или чаше,
Когда в них то же золото?

Возможности природы – в „трижды
три“¹³².

Пеньки прожилка, рог улитки
Казаться луком могут,
Но с заблуждением болезнь уйдет.

Людское тело – это замок снов,
Иллюзии, в которых нет просвета.
Постигнув иллюзорность, их отбросишь.
Отбросив, достигаешь просветленья¹³³.

Сияет совершенство просветленья,
Мир отражений держит крепкой хваткой.
Зря тратится и мирское и святое,
Сосуществуют здесь порок и благо.

В горе желая переправиться на другой
берег жизни

¹³² Буквально «Три, умноженное на три, равно «деяти мирам бытия».

¹³³ Цитата из «Сутры полного просветления».

Через сотворенное в состоянии иллюзии,

Перед лицом кармы кальп
Будь бдителен и все осознающим.

По морю скорби в лодке сострадания
Плыви, не поворачивая вспять.
Из грязи ила лотос расцветает,
И Будда в сердцевине восседает...

Было много других стихов, которые я не помню. Он также дал мне совет, о котором я не буду говорить».

В этом глубоком состоянии дхьяна-самадхи учитель был вне всякого рода переживаний страдания и счастья. В прошлом, когда монахов арестовывали, били и пытали, учителя Хань-шань (1546–1623) и Цзы-бай (1543–1604) погружались в то же самое состояние самадхи, которое недоступно тем, кто не реализовал Дхарму.

Головорезы, избивавшие и мучившие учителя и позднее ставшие свидетелями его чудодейственной выносливости, шептались друг с другом и начали испытывать страх. Человек, по-видимому, бывший их начальником, спросил одного монаха: «Почему тот старый монах не пострадал от побоев?»

Монах ответил: «Старый учитель принимает страдание во благо всех живых существ, а также и во имя вашего спасения. Позже вы узнаете, почему он не пострадал от побоев».

Человек этот испытал нервную дрожь, после чего никогда не пытался мучить учителя.

Не найдя того, что искали, головорезы испугались, что известие о пытках просочится наружу, и остались в монастыре, присматривая за монахами и запрещая им говорить друг с другом и покидать свои места. Даже

пища и питье монахов стали предметом самого серьезного внимания оккупантов. Все это длилось более месяца. В результате избиения и пыток учитель Суй-юнь испытывал страшные боли и находился в жутком состоянии. Он потерял зрение и слух. Опасаясь, что он может умереть, его ученики побудили его диктовать историю своей жизни. Отсюда его автобиография.

На четвертый месяц известия о событиях в монастыре Юньмэнь дошли до Шаочжоу, где монахи храма Дацзянь в Цюйцзяне рассказали о произошедшем последователям учителя в Пекине и китайской буддийской общине, которая после этого объединила усилия по спасению учителя. В результате этого правительство Пекина послало телеграмму властям провинции Гуандун с требованием провести расследование по этому делу. Головорезы постепенно ослабили свой контроль над монастырем, но общинная одежда и продовольствие, тем не менее, были ими конфискованы и вывезены.

После избиения учитель не мог есть даже жидкую рисовую кашу, а пил только воду. Узнав, что вся провизия конфискована, он сказал монахам: «Мне жаль, что все вы вовлечены в мою тяжелую карму. Раз уж так сложились обстоятельства, вам следует покинуть монастырь и зарабатывать себе на жизнь где-нибудь в другом месте». Ученики отказались его покинуть. Тогда он побудил их отправиться на холмы за монастырем и заняться заготовкой дров, которые можно было продать на ближайших рынках, чтобы купить на вырученные деньги рис для общины. Таким образом, они питались жидкой рисовой кашей и продолжали читать сутры, проводить утренние и вечерние медитации и совершать воскурения.

В первой декаде пятого лунного месяца правитель-

ство прислало из Пекина несколько официальных представителей в провинцию Гуандун. Двадцать второго дня они отправились в уезд Жуюань и прибыли в монастырь Юньмэнь на следующий день (28 июня по григорианскому календарю). Их сопровождал технический персонал с магнитофонами и фотоаппаратами, призванный произвести расследование на месте. Прежде всего они поинтересовались здоровьем учителя, который был очень серьезно болен и находился в постели. Он едва видел и слышал и не понимал, что из Пекина прибыла официальная делегация. Оpozнав местных чиновников и полицейских, он отказался говорить. Его спросили, не обращались ли с ним дурно и не нанесен ли ущерб монастырю. Он дал отрицательный ответ. Когда посетители предъявили свои полномочия, учитель попросил их лишь об одном – провести тщательное расследование и доложить о результатах в Пекин.

После многократных утешительных заверений в адрес учителя приехавшие приказали местным властям освободить всех арестованных монахов. Таким образом, невзгоды, выпавшие на долю монастыря Юньмэнь в двадцать четвертый день второго лунного месяца, кончились на двадцать третий день пятого месяца.

Осенью и зимой учитель отдыхал в монастыре и набирался сил, тогда как община, состоящая примерно из ста монахов, зарабатывала себе на жизнь продажей дров, земледелием и ремеслами. Когда люди с окрестных ста или более того деревень слышали о том, что головорезы ушли из монастыря, они пришли навестить учителя. Его ученики из Пекина и из других мест писали ему утешительные письма, настаивая на том, чтобы он покинул Юньмэнь. Они также писали письма местным властям с просьбой защитить учителя.

Биография Сюй-юня с 113-го по 120-й годы жизни

113-й год Сюй-юня (1952–1953)

Весной учитель почувствовал себя немного лучше, каждый день он руководил общиной на пути чань, пытаясь исправить тяжелое положение. В течение первых трех месяцев того года учитель получил четыре правительственные телеграммы с настоятельной просьбой приехать в Пекин. Когда прибыли официальные представители с Севера, чтобы сопровождать его в столицу, вся община советовала ему не торопиться и подождать, но он сказал: «Настало время. Сангха во всей стране находится в состоянии разобщенности, как рассыпанный из чаши песок, ей не хватает общего руководства. Если не будет сильной организации, защищающей наши интересы, беды не ограничатся Юньмэнем. Мой долг отправиться на Север во имя защиты Дхармы». Учитель выбрал несколько пожилых монахов в качестве руководителей монастыря и после утешительных слов, адресованных общине, начал готовиться к отъезду. Перед отъездом он написал на паре свитков пергамента следующее:

Сменились пять императоров и четыре
правления¹³⁴,
И больше уже не трогают перемены.
Исчерпав превратности и испытанья,
Постигаешь непостоянство этого мира.

¹³⁴ Пять правлений – это царствования под девизами Даогуан, Сянь-фэн, Тун-чжи, Гуан-сюй и Сюань-тун. Четыре династии – это маньчжурская династия Цин, Китайская республика, марионеточный режим Ван Цзинвэя во время японской оккупации и теперешнее коммунистическое правительство в Пекине.

Четвертого дня четвертого месяца учитель покинул монастырь Юньмэнь и отправился на Север с ухаживающими за ним помощниками Фо-юанем, Цзюэ-минем, Куань-ду, Фа-юнем и чиновниками, посланными его сопровождать. Несколько сот деревенских жителей пришли проститься с учителем. Когда он прибыл в Шаочжоу (Цюцзян), более тысячи приверженцев пришли приветствовать его. В храме Дацзянь, где он остановился, каждый день толпы людей приходили выразить свое почтение, что свидетельствовало о том, что они по-прежнему продолжали верить в него, несмотря на изменившиеся социальные условия.

На десятый день учитель сел на поезд железной дороги, связывающей Кантон и Ханькоу, и поехал в Учан, куда прибыл на следующий день. Там он остановился в Храме трех будд. Из-за перенапряжения, связанного с переездом, его раны заявили о себе с новой силой. Упасака Чэнь Чжэнь-жу позаботился об оказании ему медицинской помощи, а настоятель Инь-цинъ ухаживал за ним. Когда учитель почувствовал себя немного лучше, настоятель пригласил его провести семидневку практических занятий, включающих чтение мантры бодхисаттвы Гуаньинь. Более двух тысяч приверженцев были посвящены в монахи и стали последователями учителя. После этого буддийского собрания учитель отправился в Пекин, несмотря на плохое здоровье. Перед его отбытием монахи из храма сделали фотопортрет учителя, на котором он написал следующие стихи:

Ветер кармы занес меня в город Учан,
Груз болезней моих лег на многие плечи.

В Храме трех будд уж три месяца я,
Стыдно за собственные беды.

Одному нет желанья стоять на вершине,
Совместно хочу вознестись в Земли
Будды,
Все думаю, как Гуань Юй с горы Юйцю-
ань¹³⁵,
Постиг неизменную реальность с полу-
слова.

Двадцать восьмого дня седьмого лунного месяца в сопровождении обслуживающих его монахов и других последователей учитель отправился поездом в Пекин. На вокзале его радостно встретили настоятели и предводители различных буддийских общин. Упасаки Ли Жэньчао, Е Сяань и Чэнь Чжэньжу отвезли учителя в монастырь Гуанхуа, который вскоре не смог вместить огромные толпы приверженцев, пришедших выразить свое почтение учителю. После этого учитель переехал в монастырь Гуанцзи. Он связался с чиновниками, некоторые из которых были уроженцами провинции Хунань, как и он сам. Другие были его старыми знакомыми по Юньнани, оказывавшими ему поддержку в защите Дхармы.

Собралось более сотни представителей от буддийских организаций со всей страны, и было принято решение создать Китайскую буддийскую ассоциацию. Учителя попросили стать ее президентом, но он отказался по причине преклонного возраста и плохого здо-

¹³⁵ Гуань Юй, или Гуань-гун, – знаменитый генерал периода Троецарствия, который навещал учителя Чжи-и (Чжи-чжэ) тяньтайской школы и обращался к нему за советами, а впоследствии дал обет защищать дхарму. Он до сих пор считается законником в китайской буддийской среде, и к нему иногда обращаются в случае бед, требующих его влиятельного заступничества.

ровья. Тогда президентом был избран учитель Юань-ин, а Шераб Гьяцо и Чжао Бучу – вице-президентами. После созыва планового комитета учитель послал петицию правительству об издании закона о свободе религии и о заботе государства о сохранении и поддержке буддийских храмов и монастырей по всей стране. Более того, он настаивал на запрете дальнейшего сноса храмов и монастырей и разрушения их статуй и библиотек. Он также выступил против принуждения монахов и монахинь вернуться к мирскому образу жизни. Он просил возвратить монастырям земли, необходимые для обеспечения общин самым необходимым. Петиция была одобрена, и сангха, таким образом, получила своего рода защиту. Кроме того, была достигнута договоренность о выделении средств на ремонт храмов, монастырей и святых мест во всех провинциях.

В тринадцатый день восьмого месяца учитель приветствовал делегацию цейлонских буддистов в монастыре Гуанцзи от имени Китайской буддийской ассоциации. Делегацию возглавлял бхикшу Дхаммаратна, который привез с собой три ритуальные драгоценности: мощи Будды, сутры на пальмовых листьях и дерево бодхи. На приеме присутствовали более двух тысяч приверженцев Дхармы.

На девятом месяце года настоятели и руководители буддийских общин предложили учителю стать настоятелем монастыря Гуанцзи, но он отказался, сославшись на преклонный возраст и плохое здоровье.

В десятый месяц буддисты Шанхая пригласили учителя провести молитвенное собрание, посвященное миру во всем мире. Учитель прибыл в Шанхай в двадцать пятый лунный день. Собрание началось на следующий день и продлилось на семь семидневок. К концу было собрано более 300 000 000 китайских юаней

(или более 70 000 гонконгских долларов) в качестве взносов и пожертвований учителю от его последователей, но он отказался, однако, оставить их себе. С его одобрения деньги были распределены между четырьмя знаменитыми горами (Путо в Чжэцзяне, Утай в Шаньси, Цзюхуа в Аньхое и Эмэй в Сычуани) и между восьмью крупными монастырями (Тяньтун, Аюван, Гуаньцзун и Цита в Нинбо, Гаоминь в Янчжоу, Линянь в Сучжоу, а также Гушань и Дицзан в Фучжоу), а кроме того, между двумястами пятьюдесятью другими крупными и небольшими храмами по всей стране.

**Проповедь учителя Сюй-юня на молитвенном собрании в Шанхае, посвященном миру
17 декабря 1952 г.**

Это молитвенное собрание, посвященное миру, начавшееся несколько дней назад, поистине уникально. Учитель дхармы Вэй-фан, настоятель Мяо-чжэнь и упасаки Чжао Бучу, Ли Сыхао и Фан Цзыфань сегодня попросили меня выступить с проповедью Дхармы. Я воспользуюсь такой возможностью и расскажу о взаимосвязи между школами чань и Чистой Земли, чтобы начинающие могли понять цели обеих. Сегодня первый день, отведенный практике школы Чистой Земли, состоящей из молитвенного повторения имени будды. Было решено, что настоятель Мяо-чжэнь выступит с речью, но мой почтенный друг настолько скромнен, что попросил меня занять его место.

Мы живем в нашем мире (*сах*), как в море скорби, которой мы все хотим избежать. Но чтобы сделать это, мы должны полагаться на буддадхарму. Но, строго говоря, об истине в соответствии с буддадхармой нельзя говорить, так как ее нельзя передать посредством язы-

ка. Поэтому «Шурангама сутра» гласит: «Но язык, на котором мы говорим, не имеет реального значения».

Однако чтобы справиться с огромным разнообразием устремлений, которые свойственны живым существам, были придуманы бесчисленные приемы направления их на путь истинный. В Китае буддадхарма разделилась на следующие направления: школу чань, школу шастр, школу сутр, школу винаи, школу Чистой Земли и школу йогачары. Для опытных и образованных людей такое разделение условно, так как они уже имеют представление о природе дхармы, в которой нет никаких различий. Но у начинающих множество мнений, так плодятся школы, учения; восхваляя одно, они нападают на другое, мешая таким образом обращению в буддизм людей.

Следует понимать, что техника *хуатоу*¹³⁶ или повторение имени будды – это просто удобные приемы, которые не обладают собственной ценностью, они бесполезны для тех, кто в ходе практики уже достиг цели. Почему это так? Потому что в абсолютном состоянии движение и покой едины, подобно луне, отражение которой сияет в тысячах рек, ярко и без помех. Помехи подобны проплывающим по небу облакам или речному илу (мыслей, порожденных заблуждением). Если есть помехи, луна, хоть и продолжает оставаться столь же яркой, не видна, и вода, хоть и остается чистой, не отражает луну.

¹³⁶ Хуатоу – это сознание в состоянии, предшествующем появлению мысли. Эта техника была изобретена просветленными учителями, учившими своих последователей сосредоточивать внимание на уме с целью остановить все мысли, чтобы добиться сфокусированности ума для постижения внутренней природы.

Если мы, практикующие дхарму, понимаем эту истину, понимаем, что сознание подобно яркой осенней луне, то не будем блуждать вовне в поисках внешнего, но, направив свой свет внутрь и не порождая ни единой мысли, постигнем, что нечего обретать, разве остается тогда место для разных имен и терминов? Только лишь из-за того, что мы на протяжении бесчисленных кальп цеплялись за ложные понятия, и вследствие нашей неоторимой силы привычек за 49 лет великий просветленный Будда провел более трехсот собраний, толкуя учение. Но главная цель всех техник – излечить все самые разные живые существа от застарелых болезней, вызванных жадностью, гневом, глупостью и заторможенностью. Если способен быть вне всего этого, ты и есть будда, и какие тогда различия между живыми существами останутся? По этому поводу древние говорили:

«Для удобства есть много врат, в истоке нет двух дорог»¹³⁷

Самые популярные методы, используемые сегодня, это чань и Чистая Земля. Но, к сожалению, многие члены сангхи несерьезно относятся к дисциплинарным правилам, не зная, что буддадхарма основана на дисциплине (*шила*), медитации (*дхьяна*) и мудрости (*праджня*). Они подобны треножнику, который упадет без любой одной опоры. Это настолько важно, что никто из изучающих буддадхарму не должен этим пренебрегать.

Передача учения чань началась, когда на собрании на Горе Коршуна Почитаемый миром перед всеми поднял в руке цветок и Махакашьяпа улыбнулся в ответ.

¹³⁷ Цитируется из «Длинной гатхи» Манджушри в «Шурангама сутре».

Это называется «запечатлением сознания в сознании», представляет собой прямую передачу истины и является основой всей буддадхармы. Повторение имени Амитабхи, чтение сутр и сосредоточение на мантрах – это техники, имеющие целью помочь избежать рождения и смерти. Некоторые говорят, что чань – мгновенный метод, тогда как Чистая Земля и мантраяна – постепенные. Это так, но различие касается только названий и терминов, а на самом деле все методы ведут к одной и той же цели. По этому поводу Шестой Патриарх сказал: «Дхарма ни мгновенна, ни постепенна, но пробуждение у человека может быть медленным или быстрым»⁵.

Я считаю, что все техники хороши для практики, и если вы нашли подходящую вам, практикуйте ее. Но не следует, фанатично восхваляя одну технику, ругать другие. Самое важное – это *шила* (дисциплина), которую следует строго соблюдать. В наше время появились такие монахи, которые не только игнорируют дисциплинарные правила, но даже называют их соблюдение фанатизмом. Подобные измышления чрезвычайно опасны.

Чаньская школа сознания передавалась Махакашьяпой и его последователями в Индии и достигла Китая, где она в конечном итоге была передана учителю Хуйнэну, ее шестому (китайскому) патриарху. Это было передачей истинной дхармы, которая потом процветала (во всем Китае).

Школа винаи началась с Упали, который принял ее от великого просветленного Будды, велевшего сделать своим учителем шилу всем живым существам, посвятившим остаток своей жизни дхарме. После Упагупты¹³⁸

¹³⁸ Четвертый патриарх школы чань в Индии.

она разделилась на пять школ. В Китае Дао-сюань¹³⁹ с горы Наньшань изучал дхармагупту, написал комментарий к ней и учредил школу винаи, став ее китайским патриархом¹⁴⁰. Старец времен династии Северная Ци (Хуй-вэнь), читая «Муламадхьямака-карику» («О среднем видении») Нагарджуны, открыл сердце-основу. Старец Ду-шунь (557–640) главной считал «Аватамсака-сутру», и так была основана школа Хуаянь. Хуй-юань (ум. 416) основал школу Чистой Земли, доктрина которой передавалась ее девятью патриархами. Ее шестой патриарх Юн-мин (ум. 975) и три следующих были просветленными чаньскими учителями, проповедовавшими доктрину Чистой Земли, и две школы (чань и Чистая Земля) смешались естественно, как молоко с водой. Несмотря на разделение буддадхармы на две разные школы, они не уклоняются от своей основы, воплощенной в жесте Будды, поднявшего цветок в руке. Таким образом, мы понимаем, что школы чань и Чистой Земли тесно связаны и что древние трудились усердно, обучая буддадхарме.

Школа йогачары (*ми-цзун*) была введена в Китае Ваджрабодхи (который прибыл туда в 619 г.). Ее пропагандировал Амогха (ум. 774), потом она процветала благодаря стараниям чаньского учителя И-сина (672–717).

Но все эти методы обучения буддадхарме взаимно дополняют друг друга и никогда не должны рассматриваться в качестве категорий, отличных друг от друга в определениях, противоположных и враждебных друг другу, так как это противоречило бы намерениям будд и

¹³⁹ Знаменитый монах времен династии Тан.

¹⁴⁰ Известный также как Фа-цзан (643–712). Он был плодовитым комментатором школы хуаянь.

патриархов. Древние гооврили, что они подобны листьям, которые дают малым детям, чтобы те не плакали.

Люди, не понимающие истинного смысла таких высказываний, как, например, высказывание Чао-чжоу (778–897?) «Мне противно слово „Будда“», или «Произнося имя Будды один раз, надо полоскать рот в течение трех дней», не догадываются о том сердечном сострадании, которое испытывал он, уча своих последователей отрешению от иллюзорных «Будд». Они также приводят его слова, якобы очерняющие метод Чистой Земли, сравнивающие его с озабоченностью невежественных старух. Опять же, некоторые считают чаньскую практику занятием истеричных искателей пустоты. Короче говоря, они выдают свои мнения за единственно верные, а чужие – за принципиально ложные.

Эти бесконечные споры не просто противоречат добрым намерениям Будды и патриархов выработать подходящие методы обучения дхарме, но и снабжают противников вескими критическими аргументами, препятствующими ее распространению. Поскольку последствия слишком серьезны, я особо подчеркиваю этот печальный факт, доводя его до внимания как опытных последователей, так и новичков с тем, чтобы они смогли положить этому конец. Если всему этому позволить продолжаться, буддадхарма окажется на пути, ведущем к смерти. Следует понимать, что все дороги разных методов ведут к одной и той же цели. Изучающим буддизм надо читать и перечитывать труды, подобные трактатам чаньского учителя Юн-мина «Записи обозрения школ» (*Цзун цзин лу*) и «Сборник о возвращении к единому мириад благих проявлений» (*Вань шан тун гуй цзи*)¹⁴¹. Последователям школы Чистой Земли нужно

¹⁴¹ Обе работы выявляют взаимосвязь всех методов практики и общность их цели, т. е. достижение бодхи, несмотря на классификационное разделение на две школы.

прочесть и правильно понять главу о путях совершенства махастхамы в «Шурангама сутре»⁷, и осознать, таким образом, Чистую Землю в своей внутренней природе посредством устранения иллюзий и обращения к внутренней реальности без блужданий в поисках внешнего.

Если мы осознали эту истину, мы можем, не уклоняясь от нее, говорить и в терминах чань, и в терминах Чистой Земли, в терминах Востока и в терминах Запада, в терминах наличия и в терминах отсутствия. Это состояние, в котором и «форма», и «запах» всего лишь Срединное Дао, исчерпывающее любые значения, Ами-табха нашей внутренней природы и Чистая Земля, которая есть не что иное, как сознание. Все это так и есть, если не запутаться в лианах (многообразии различий, которые уподобляются «лианам», скрывающим ствол дерева, и на которые не следует полагаться в поисках самого ствола, или сущностной природы). В «Шурангама сутре» говорится: «Просто исчерпать мирское сознание, без каких бы то ни было святых рассуждений». Если мы способны сделать это и таким образом отсечь все ложные мысли, привязанности и привычки, мы станем бодхисаттвами, патриархами и буддами. В противном случае останемся лишь обычными живыми существами.

Повторяющие имя будды также не должны считать это единственной опорой, так как это может стать губительным ядом. Сегодня мы произносим имя будды, потому что наши привычки коренятся в далеком прошлом, а мысли трудно остановить, поэтому мы используем это имя в качестве подпорки в наших попытках отрешиться от всех возникающих мыслей. По мере практики они исчезают и появляется Чистая Земля. Так зачем искать другого?

Речь учителя Сюй-юня от 21 декабря 1952 г., посвященная двенадцатой годовщине смерти учителя дхармы Инь-гуана, святого Чистой Земли

Сегодня мы отмечаем двенадцатую годовщину смерти учителя дхармы Инь-гуана, возродившегося в Западном Раю (Амитабхи). Все вы, его последователи, собрались в этом зале по этому случаю. Подобно пьющим воду и думающим о ее источнике, вы сегодня, с почтением отмечая эту дату, вспоминаете о пестовавшем вас учителе-отце.

В буддизме учитель – это отец вашей дхармакаи, так что отмечать день смерти своего учителя значит испытывать сыновние чувства к нему. Этот сыновний пие-тет гораздо глубже чувства, испытываемого нами по отношению к своим родителям. Я все еще помню, как встретил учителя с острова Путо в двадцатый год правления под девизом Гуан-сюй (1894). Настоятель Хуавэнь попросил его дать толкование «Сутры Амитабхи» в храме Цяньсы. Учитель остался там более чем на двадцать лет для чтения Трипитаки. Он уединился и стал практиковать метод Чистой Земли. Хотя он считался авторитетом по буддийским сутрам, он пользовался только одним словом «Амитабха», которое произносил в течение всего дня. Он никогда не претендовал на то, что его глубокое знание сутр может заменить ему простую практику школы Чистой Земли.

Все методы, которым учил Будда, хороши для излечения мирских болезней, и повторение имени будды – агада (лекарство), излечивающее все болезни. Однако каждый из этих методов требует твердой веры, несгибаемой решимости и длительной практики. В этом случае он даст хорошие результаты. Если ваша вера сильна, вы достигнете одного и того же совершенства – со-

средоточиваетесь ли вы на мантрах, практикуете ли чань, или повторяете имя будды. Если же корни вашей веры не прочны, и вы полагаетесь лишь на свои крошечные корни благости, поверхностные знания и неустойчивый ум, или если вы запомнили несколько буддийских терминов, несколько гунъаней и беспрестанно ведете бесцельные разговоры, хваля одних и осуждая других, вы только усиливаете воспроизводящие карму привычки. После смерти вы последуете за своей кармой и снова воплотитесь в самсаре. Очень жаль, не правда ли?

Здесь все ученики учителя Инь-гуана. Отмечая дату смерти учителя, следует отмечать его истинную практику и соблюдение дхармы. Он был непреклонен в своей практике и шел в ногу с древними. Он понимал средство совершенствования бодхисаттвы Махастхамы, состоящее в концентрации всех мыслей на будде. Он сделал это предметом своей ежедневной практики и достиг состояния самадхи, явившегося результатом сосредоточения на Амитабхе. Потом он стал распространять дхарму Чистой Земли на благо всех живых существ, неуклонно и неустанно на протяжении нескольких десятилетий. Сегодня таких людей, как он, не найти.

Истинный практик никогда не проводит грани различия между собой и другими, но опирается только на имя будды, мысль о котором удерживает и утром и вечером, и сидя и при ходьбе, не прерываясь ни на мгновение и в конце концов достигая совершенства в практике, открывающей путь в Чистую Землю Амитабхи, благо которой невозможно передать другому. Чтобы достичь этого, ум должен быть преисполнен прочной веры и неуклонно направлен на будду Амитабху. Если ум будет колебаться, ничего нельзя достичь.

Если же кидаться от одного к другому, и услышав от

кого-то, что чань лучше, начинать практиковать чань и прекращать повторять имя будды, а услышав, что лучше школа сутр, бросать чань и переключаться на изучение сутр, потерпев же неудачу в изучении последних, заняться мантрами, – практикуя буддадхарму таким образом, только запутаешься, не достигнув никакого результата. А если еще вместо того чтобы обвинять себя самого в неэффективности своей практики, обвинить Будду в том, что он вводит в заблуждение живые существа, то, клеветая на Будду и очерняя дхарму, вы будете беспрестанно создавать этим самым дьявольскую карму (*авиччи*). Поэтому я призываю всех вас верить в практику школы Чистой Земли и следовать примеру вашего учителя, чьим девизом было «Только искреннее повторение имени будды», для того чтобы развить непоколебимую решимость, сильный ум и почитать Чистую Землю единственной целью своей жизни.

Начинающим чань и Чистая Земля кажутся совершенно разными методами, но для опытных практикующих это одно и то же. Техника *хуатоу* в чаньской медитации, которая останавливает поток рождения и смерти, также требует твердой веры для достижения результатов. Если точно не придерживаться *хуатоу*, чаньская практика не будет успешной. Если сознание преисполнено веры и упорства, а *хуатоу* практикуется абсолютно точно, до того, что не замечаешь даже, как пьешь чай или ешь, тогда результат не заставит себя ждать. Когда органы чувств отделены от мирской пыли, проявится великая эффективность; при освоении практики произнесения имени будды открывается Чистая Земля. И в том и в другом состоянии ноумен и феномен сливаются, сознание и будда не суть два, но как и будда, так и все живое это подобно одному, а не двум. Так в чем же тогда разница?

Поскольку все вы последователи школы Чистой Земли, я надеюсь, что имя будды станет для вас опорой в жизни и что вы будете искренне и преданно произносить его непрерывно.

114-й Год Сюй-юня (1953–1954)

В конце молитвенного собрания, когда учитель собирался покинуть Шанхай, монахи и приверженцы пригласили его провести неделю чаньской медитации, чтобы оживить чаньскую традицию в Храме Нефритового Будды (Монастырь Юйфо) с его большим залом для медитации. К учителю пришла делегация во главе с настоятелем Вэй-фаном, состоящая из упасак Цзянь Юйцзе, Ли Сыхао и других знаменитых приверженцев буддизма. Учитель принял приглашение. Медитация началась 22 февраля 1953 г., и когда закончилась, они попросили продлить ее еще на одну неделю. На обоих собраниях учитель читал проповеди, которые были тщательным образом записаны.

Ежедневные наставления на сдвоенной чаньской семидневке в монастыре Нефритового Будды в Шанхае в 1953 г.

Первая семидневка

Первый день

Почтенный Вэй-фан, настоятель этого монастыря, поистине сострадателен, а старшие монахи очень усердны в распространении дхармы. Кроме этого, все миряне (упасаки), присутствующие здесь, усердно стремятся постичь истину и пришли принять участие в

неделе чаньской медитации. Все просили меня руководить семидневной медитацией, и это можно назвать велением судьбы. Правда, последние несколько лет я болел и поэтому не могу много говорить.

Почитаемый миром провел около сорока лет, разъясняя дхарму, экзотерически и эзотерически, и учение его находится в двенадцати разделах канона махаяны в Трипитаке. И лучшее, что я могу сделать, это обратиться к словам, уже сказанным Буддой и учителями.

Что касается дхармы нашей школы, то когда Будда поднялся на свое место для сидения в последний раз, он поднял вверх золотистый цветок сандалового дерева и показал его собравшимся. Этот цветок был подарен ему царем восемнадцати брахмалок (Махабрахмой Дэвараджей). Все присутствовавшие люди и боги (дэвы) не поняли, что Будда имел в виду. Только Махакашьяпа выразил свое понимание широкой улыбкой. После этого Почитаемый всем миром провозгласил: «У меня есть зеница ока правильной дхармы, чудесное сознание нирваны и реальность без формы, я передаю это тебе». Такова передача вне учения, без слов и писаний, представляющая собой непревзойденный путь прямого постижения дхармы. Позже люди обобщили это в чань (*дхьяна* на санскрите и *дзэн* на японском). В «Махапараджняпарамита сутре» упоминается более 20 видов чань, но ни один из них не является высшим.

Чань нашей школы не различает ступеней и определяется как высшее в прямом постижении сущностной природы и достижении совершенства Будды. Это не имеет ничего общего с сидением или не сидением в медитации во время чаньской семидневки. Однако в силу того что живые существа имеют слабые корни и вынашивают свои многочисленные ложные мысли, древние учителя изобрели разного рода методические

уловки для наставления их на путь истинный. Со времен Махакашьяпы вплоть до наших дней сменилось около семидесяти поколений. Во времена династий Сун и Тан (619–1278) чаньская школа распространялась во всех частях страны, и как она тогда процветала! В настоящее время она в крайнем упадке, и только такие монастыри, как Цзиньшань, Гаоминь и Баогуан, все еще могут как-то держаться. Именно поэтому люди выдающихся способностей теперь встречаются так редко, и чаньские семидневки чаще всего не соответствуют своему названию. Когда седьмой патриарх¹⁴² Син-сы с горы Цинъюань спросил шестого патриарха: «Что нужно делать, чтобы не впасть в заблуждение о ступенях продвижения?»¹⁴³, патриарх спросил: «Что ты в последнее время практиковал?» Син-сы ответил: «Я не практиковал даже благородных истин»¹⁴⁴. Патриарх спросил его: «Тогда как ты можешь впасть в заблуждение о ступенях?» Син-сы ответил: «Если не практикуются даже благородные истины, то где тогда ступени продвижения?» Шестой патриарх высоко оценил это.

Вследствие слабых корней наших великие учителя были вынуждены использовать методические уловки и побуждать своих последователей исследовать фразу *хуатоу*. Так как среди буддистов школы Чистой Земли

¹⁴² Син-сы унаследовал дхарму от шестого патриарха. Его называли седьмым патриархом, так как два его преемника дхармы Дун-шань и Цао-шань основали школу цаодун, одну из пяти чаньских школ в Китае.

¹⁴³ О методе постепенного просветления, который требовал много калып для достижения стадии будды.

¹⁴⁴ Четыре благородные истины: существует страдание; существует причина страдания – желание; существует прекращение страдания – нирвана; существует путь, ведущий к прекращению страдания, – восьмеричный путь.

многие занимались повторением имени будды, великие учителя давали указания исследовать *хуатоу*: «Кто повторяет имя будды?» В наше время эта методическая уловка применяется в чаньской практике по всей стране. Однако многие не имеют четкого представления о том, что она означает, и просто непрерывно повторяют слова: «Кто повторяет имя будды?» Таким образом, они превращаются в просто повторяющих *хуатоу* и не исследуют его значение. Исследовать – значит углубляться внутрь в своем вопросе. По этой причине четыре китайских иероглифа *чжаогу хуатоу* (буквально «заботиться о начале фразы») всегда написаны на видном месте во всех чаньских залах. *Чжао* указывает на направление света вовнутрь, а *гу* означает «наблюдать». Вместе они означают «направить свет внимания внутрь, на собственную природу». Это также значит направить внутрь ум, склонный выскакивать наружу и блуждать по сторонам, и это все называется исследованием *хуатоу*. Фраза звучит так: «Кто повторяет имя будды?» Прежде чем эта фраза произносится, она называется *хуатоу* (дословно «голова фразы»). Как только произнесена, она становится хвостом фразы (*хуавэй*). Исследуя *хуатоу*, нам следует исследовать слово «кто»: что это до своего появления? Например, я повторяю имя будды в зале. Неожиданно кто-то меня спрашивает: «Кто повторяет имя будды?» Я отвечаю: «Это я». Он снова задает мне вопрос: «Если это ты повторяешь имя будды, ты повторяешь вслух или в уме? Если вслух, то почему ты не повторяешь его заснув? Если в уме, то почему ты не повторяешь его умерев?» Мы подвергаем сомнению этот вопрос, и углубляться следует именно в это сомнение. Нам следует попытаться узнать, откуда появилась эта фраза, и увидеть, какова она, исследовать ее, обратив всю силу внимания внутрь, что также

называется «обращением слуха внутрь, чтобы услышать внутреннюю природу».

При совершении воскурений шея соприкасается с воротником рясы, ноги ступают след в след за ногами идущего впереди, сознание в полном покое, не следует смотреть по сторонам, сознание должно быть занято только *хуатоу* (*чжаогу хуатоу*). В сидячей медитации грудь не следует слишком сильно выпрямлять, а энергию *ци* не следует ни поднимать вверх, ни опускать вниз. Пусть она остается в естественном состоянии, но шесть органов чувств должны быть под контролем, а все мысли остановлены. Вас должно заботить только *хуатоу*, о нем нельзя забывать. Удерживание внимания на *хуатоу* не должно быть слишком слабым, иначе когда оно «всплывет», его не удержишь. Оно не должно быть и слишком напряженным, иначе станет расплывчатым и падет в пустоту. В обоих случаях не будет достигнуто никакого результата.

Если заботиться о *хуатоу* должным образом, практика сама собой станет легкой и привычной, а все прежние привычки сами собой отпадут. Начинающему покажется это трудным, но не следует бояться или беспокоиться, тем более не следует ни предвкушать пробуждение мудрости, ни стремиться ее обрести, так как цель его участия в чаньской семидневке уже заранее определена как пробуждение и достижение мудрости. Настраивать ум в поисках этой цели – значит ставить еще одну голову поверх своей собственной¹⁴⁵.

Теперь мы знаем, что должны заниматься только своим *хуатоу* и тогда все получится. Если в начале практики это не получается, не переживайте, когда воз-

¹⁴⁵ Чаньский термин, означающий нежелательную вещь, мешающую самореализации.

никают мысли, не гоните их прочь, просто занимайтесь *хуатоу* и они сами уйдут, оставленные без внимания. Вот почему говорят: «Следует беспокоиться не столько по поводу возникающих мыслей, сколько по поводу того, что поздно их заметили». Если мысли возникают, пусть их осознание пригвоздит к ним *хуатоу*. А когда *хуатоу* ускользает, мы должны снова заняться им. Первые медитации с воскурением благовоний походят на сражение с возникающими мыслями. Со временем *хуатоу* будет хорошо освоено, и не составит особого труда удерживать его непрерывно на протяжении всего времени горения благовонной палочки¹⁴⁶. Мы можем ожидать хороших результатов в том случае, если будем его надежно удерживать.

Все сказанное лишь пустые слова. Давайте же займемся практикой, не щадя усилий.

Второй день

Чаньская семидневная медитация – лучший метод, дающий возможность постижения истины через непосредственный опыт в ограниченных временных рамках. В древние времена этим методом не пользовались, так как древние имели крепкие корни. Он постепенно стал входить в употребление со времен династии Сун (пала в 1278 г.). Во времена династии Цин (1622–1910) она вошла в моду, император Юнчжэн (прав. 1722–1735) часто проводил чаньские семидневки в своем императорском дворце. Он испытывал большое уважение к этой школе, и качество его чаньского самадхи было превосходным. Более десяти человек постигли истину

¹⁴⁶ Обычно один час. Более длинные палочки горят полтора часа.

под руководством императора, и учитель Тянь-хуй-чэ из монастыря Гаоминь в Янчжоу достиг просветления во время таких встреч во дворце. Император также пересмотрел и усовершенствовал некоторые дисциплинарные правила этой школы, которая процветала и давала стране столь многих незаурядных людей. Строгое соблюдение правил имеет, таким образом, первостепенное значение.

Этот метод постижения истины на собственном опыте в ограниченных временных рамках похож на конфуцианские экзамены, когда пишут сочинения на заданную тему в заданный период времени. А тема нашей чаньской семидневки – чаньская медитация. По этой причине этот зал называется чаньским. Чань – это дхьяна на санскрите и означает «мышление в покое»¹⁴⁷. Существует несколько видов чань, таких как махаянский и хинаянский, материальный и нематериальный, чань шраваков и других школ. Чань нашей школы называется высшим чань. Если кому-то в этом зале удастся проникнуть сквозь свои сомнения и, сидя в медитации, разрубить корень жизни¹⁴⁸, он уподобится Татхагате.

По этой причине чаньский зал называют также местом избрания будды. Его называют залом праджни. Дхарма, которой обучают в этом зале, – дхарма недеяния¹⁴⁹. «Недеяние» (*у вэй*) означает «отсутствие деяний». Другими словами, достигнуть [буддовости] невозможно никаким способом, никаким действием. Если бу-

¹⁴⁷ То есть «нет мышления».

¹⁴⁸ Корень жизни заблуждения.

¹⁴⁹ Увэй (санскр. асамскрта) – не подверженное причинности, обусловленности или зависимости, вневременное, запредельное, недвижимое.

дет делание (*самскрta*)¹⁵⁰, то будет рождение и смерть. Если же можно достичь, то можно и потерять. По этому поводу в сутре сказано: «Есть только слова и выражения, но у них нет никакого реального значения». Чтение сутр и проведение ритуалов и богослужений относятся к деланию (*самскрте*) и представляют собой лишь уловки, используемые в обучающей школе. В нашей школе учение сводится к прямому самопознанию без множества слов и выражений. Когда-то к старому учителю Нань-цюаню пришел ученик и спросил: «Что такое Дао?» Нань-цюань ответил: «Обычное сознание – это Дао». Каждый день мы надеваем рясу и едим рис, мы выходим работать и возвращаемся отдыхать. Все это происходит не где-то, а в Дао. Лишь из-за того, что обуславливаем себя любой ситуацией, мы не понимаем, что наше собственное сознание есть будда.

Когда чаньский учитель Фа-чан с горы Дамэй впервые пришел к Ма-цзу, он спросил последнего: «Что такое будда?» Ма-цзу ответил: «Сознание и есть будда». Это привело Да-мэя¹⁵¹ к полному просветлению. Покинув Ма-цзу, он отправился в район Сымин и поселился в хижине отшельника, где раньше жил Мэй Цзычжэнь (Мэй Фу, династия Хань).

При династии Тан (785–804) в годы Чжэнь-юань один монах, который был учеником Янь-гуаня, заблудился в горах и оказался около хижины. Он спросил Да-мэя: «Как долго ты здесь находишься?» Да-мэй ответил: «Я вижу только, как горы вокруг зеленеют и снова

¹⁵⁰ Ювэй (санскр. самскрta) – активное, творческое, производящее, функционирующее, причинное, феноменальное, истекающее из законов кармы.

¹⁵¹ Да-мэй. Учителя звали по имени горы, на которой он жил.

желтеют». Монах спросил: «Как мне выбраться отсюда?» Да-мэй ответил: «Следуй потоку». Вернувшись, монах рассказал о том, что он видел в горах, Янь-гуаню.

Янь-гуань сказал: «Однажды я видел одного монаха в провинции Цзянси и с тех пор больше ничего о нем не слышал. Это, случайно, не тот монах?» Затем Янь-гуань послал этого монаха в горы, чтобы пригласить Да-мэя к нему.

В ответ Да-мэй прислал следующее стихотворение:

Сухому сломанному дереву в лесу холод-
ном хорошо,
Весну встречая за весной, оно не жаж-
дет перемен.
И даже дровосеку оно не пригодится,
Зачем же мастеру за ним гоняться?
В пруду цветущих лотосов не счесть на-
рядов разных,
И шишек с сосен – всех не переест.
Прибежище мое нашли миряне —
Придется хижину перенести подальше в
горы.

Ма-цзу услышал о том, что Да-мэй живет в горах, и послал к нему монаха с вопросом: «Что ты получил, когда навещал великого учителя Ма-цзу, и что тебя заставило остаться здесь?» Да-мэй ответил: «Великий учитель сказал мне, что сознание – это будда. Именно поэтому я решил остаться здесь». Монах сказал: «У великого учителя теперь другая буддадхарма». Да-мэй спросил: «Ну и какова же она теперь?» Монах ответил: «Он говорит, что это ни сознание, ни будда». Да-мэй сказал: «Старик вносит смятение в умы людей, и конца всему этому не будет. Пусть говорит, что это ни сознание, ни будда. А я считаю, что сознание – это будда». Когда монах вернулся и изложил приведенный выше

диалог, Ма-цзу сказал: «Слива (*мэй-цзы*) теперь созрела»¹⁵².

Это показывает, насколько древние были компетентны и лаконичны. Лишь из-за наших слабых корней и извращенного мышления учителя учили нас удерживать *хуатоу* в уме, им просто приходилось это делать. Учитель Юн-цзя сказал: «После устранения эго и дхармы достижение реальности разрушит ад *авичи* в момент (*кшана*). Если я лгу и обманываю живые существа, я согласен провалиться в ад, где выдирают язык (в качестве наказания за то, что согрешил словом)»¹⁵³.

Учитель Юань-мяо из Гаофэна сказал: «Чаньская практика походит на бросание в глубокий пруд черепка, который погружается на самое дно. Рассматривая *хуатоу*, следует рассматривать его до самого конца, до его полного разрушения». Учитель Юань-мяо также поклялся: «Если кто-то, удерживая *хуатоу* и не давая возможности появиться другим мыслям, не постигнет Дао в течение семи дней, я готов буду провалиться в ад, где вырывают язык». Единственная причина, по которой мы не достигаем нужных результатов в практике, это недостаток нашей веры в *хуатоу*, а также то, что мы не можем положить конец нашему неправильному мышлению. Если мы твердо решили избежать круговерти рождений и смертей, *хуатоу* не ускользнет. Учитель Гуй-шань сказал: «Если сможешь никогда не от-

¹⁵² «Да-мэй» значит «большая слива». Ма-цзы подтвердил, что учитель Да-мэй созрел, т. е. достиг просветления.

¹⁵³ Цитата из «Песни просветления», написанной Юн-цзя. Авичи – это последний и самый глубокий из восьми огненных адов, где грешники беспрерывно страдают, умирают и мгновенно рождаются для новых страданий. Кшана – это наименьшая единица времени, тогда как кальпа – наибольшая.

ступаться, можно надеяться на достижение состояния будды».

Все новички склонны поддаваться всякого рода отвлекающим мыслям. И ноги у них болят, и как практику проводить они не знают. На самом деле необходимо просто быть твердым в своем решении избежать рождений и смертей, удерживать хуатоу независимо от того, идешь ли, стоишь, сидишь или лежишь. С утра до вечера следует углубляться в слово «кто», пока оно не станет таким же ясным «как луна, отражающаяся в прозрачном пруду». При условии ясного и глубокого проникновения в суть, без впадения в забытие и неустойчивость, к чему тогда печалиться о недостижимости состояния будды?

Если наступает забытие, можно широко открыть глаза и выпрямить спину, тогда дух воспрянет. В это время хуатоу не следует удерживать слишком слабо или слишком сильно, слишком сильное удерживание легко вызывает впадение в пустоту и забытие. В пустоте воспринимается только полный покой, что очень приятно, но именно в этот момент нельзя отвлекаться от *хуатоу*, и только тогда получится шагнуть дальше «верха шеста»¹⁵⁴, не впадая в пустоту и ничего не достигая¹⁵⁵. А если удерживать слишком слабо, то легко отвлечься, а когда вами овладеют посторонние мысли, их уже трудно подавить. Поэтому в это время в рас-

¹⁵⁴ Тот момент, когда человек ощущает только покой и испытывает удовольствие в связи с этим, в чаньской практике называется «достижением верха шеста высотой в сто чи». Настоящие учителя советовали своим ученикам не останавливаться на этой стадии.

¹⁵⁵ Достижение «чего-то», определяемое как «пустота», «истина», «абсолютное» и как угодно еще, – это все еще определяемое, а значит, не подлинное, не абсолютное.

слабленности должна быть усиленность, а в усиленности – расслабленность, лишь тогда практика будет успешной, а движение и покой сольются в единстве.

В былые времена я бывал на медитациях ходьбы в Цзиньшане и других монастырях, и когда кармадана¹⁵⁶ получал благовонные палочки, его ноги словно летели¹⁵⁷, и монахи, следующие за ним, тоже почти бежали, но по одному слову замирали на месте, неподвижные, как мертвецы. Разве такие могут отвлечься или впасть в забытие? В настоящее время, хотя мы тоже ходим в медитации, какая большая разница между теми временами и нашими!

В сидячей медитации не следует поднимать *хуатоу* вверх, так как это еще скорее приведет к впадению в забытие. И не следует держать в груди, так как это вызовет в ней боль. Также не нужно опускать его вниз, потому что от этого раздуется живот, и вы опуститесь в царство пяти скандх и будете страдать от всяческих болезней. Требуется только обычное сознание и настрой на покой, чтобы проявлять о слове «кто» ту же заботу, с которой курица сидит на яйце или кошка набрасывается на мышь. Когда *хуатоу* занимаешься правильно, корень жизни отсекается сам собой.

Этот метод, очевидно, не прост для начинающих, но вы должны постоянно и неустанно стараться. Сейчас я приведу вам еще пример. Самореализацию можно сравнить с добыванием огня при помощи куска кремня. Надо знать метод добывания огня, иначе мы никогда не разведем огонь, даже если разобьем кремень на куски.

¹⁵⁶ Кармадана – управляющий, второе лицо в монастырской иерархии.

¹⁵⁷ После медитации монахи обычно быстро ходили по кругу, чтобы размять ноги. Первым шел кармадана, а за ним настоятель и вслед за ним остальные монахи.

Метод состоит в использовании кусочка трута и стали. Трут помещают под кремнем, а сталью ударяют по верхней части кремня так, чтобы направить искры на трут. Это всего лишь метод разведения огня при помощи кремня.

Хотя нам хорошо известно, что наше сознание – это будда, мы все еще неспособны принять это как факт. По этой причине используется предложение *хуатоу* в качестве кусочка стали для высечения огня. Все происходило таким же образом, когда в древние времена Почитаемый миром достиг совершенного просветления, глядя ночью на звезды. Мы не имеем ясного представления о внутренней природе, потому что не знаем, как добыть огонь. Наша сокровенная сущностная природа и будда не отличаются друг от друга. Просто из-за своего извращенного мышления мы еще не достигли освобождения. Таким образом, будда все еще «Будда», а мы все еще «мы». Теперь, когда мы знаем метод, если сможем вникнуть в суть вопроса, это явится высшим собранием по велению судьбы! Я надеюсь, что каждый, здесь присутствующий, приложит все усилия, чтобы «шагнуть еще выше верха шеста длиной сто чи», и станет избранником будды в этом зале, сможет воздать будде за его милость на небесах и освободит живые существа здесь на земле. Если в буддадхарме не появляются способные люди, то это только потому, что никто не хочет напрячь все силы. Об этом больно говорить. Если наша вера в клятвенные слова учителей Юн-цзя и Юань-мяо действительно глубока, мы непременно также постигнем истину. Теперь пора приступить к делу!

Третий день

Время проходит поистине быстро. Кажется, мы только что открывали чаньскую семидневку, а сегодня

идет уже третий день. Те, кто должным образом занимался *хуатоу*, получили возможность уgomонить свои страсти и ложные мысли. Им можно уже сейчас сразу идти домой¹⁵⁸. По этому поводу один древний учитель сказал:

Нет в совершенствовании ничего иного,
Кроме как – знание пути.
Стоит только найти путь,
Отпадут и рождение, и смерть.

Путь состоит из освобождения от ноши¹⁵⁹, тогда как наш дом совсем близок. Шестой патриарх сказал: «Когда в предыдущей мысли не рождается, это сознание. Когда в следующей мысли не пропадает, это будда».

В основе своей наши четыре элемента пусты, а пять совокупностей (*скандх*) не существуют. Только вследствие настойчивости ложных мыслей мы привязаны к иллюзии непостоянного мира и потому в рабстве. Поэтому мы не в состоянии постичь пустоту четырех элементов и осознать, что рождения и смерти не существует. Но если возникает одна-единственная мысль непорождения¹⁶⁰, то отпадет необходимость в тех вратах дхармы, о которых говорил Будда Шакьямуни. Так разве не прекратятся рождение и смерть? По этой причине дхарма нашей школы действительно освещает беско-

¹⁵⁸ «Сразу идти домой» – чаньская идиома, означающая возвращение к своей сущностной природе, т. е. постижение реальности. «Дом» – это будда нашей сущностной природы.

¹⁵⁹ Ноша – «мое» тело, «мой» ум и все, к чему есть привязанность.

¹⁶⁰ То есть постижение, что нет «порождаемого», отличного от истинной природы. Истинная природа – единственно существующее.

нечные просторы пространства в десяти направлениях.

Учитель Дэ-шань был уроженцем города Цзяньчжоу в Сычуани, в миру носил фамилию Чжоу. Он покинул дом в возрасте 20 лет. После полного посвящения в духовный сан изучал *Виная-питаку*¹⁶¹, суть которой постиг в совершенстве. Он часто публично давал толкование «Алмазной сутры» и получил прозвище «Алмазный Чжоу». Своим сотоварищам по учебе он однажды сказал:

Когда волосок океан поглощает,
От океана природы не убывает.
От брошенного зернышка горчицы
Не сдвинется острие иглы.
О шайкше и ашайкше¹⁶²
Знаю только я.

Услышав, что на Юге процветает чаньская школа, он не мог сдержаться и сказал: «Тем, кто уходит в монахи, тысячи кальп понадобятся на изучение достойных манер Будды и десять тысяч кальп на изучение мельчайших поступков Будды и тогда они обретут совершенство Будды. Как эти демоны с Юга смеют говорить, что прямое указание на сознание ведет к постижению внутренней природы и достижению совершенства Будды? Я должен поехать на Юг, стереть с лица земли их логово и уничтожить это отродье, чтобы воздать Будде

¹⁶¹ Один из трех разделов Трипитаки, подчеркивающий важность дисциплины. Два других раздела – сутры (проповеди) и шастры (трактаты).

¹⁶² Шайкша, необходимость изучения. Ашайкша, больше не изучающий, вне изучения, состояние архата, четвертая из стадий шраваци. Предыдущие три стадии требуют изучения. Когда архат освобождается от всех иллюзий, ему больше нечего изучать.

за милость».

Он покинул провинцию Сычуань, взяв с собой «Комментарий Цин-луна»¹⁶³. Добравшись до Лияна, он встретил на обочине старуху, продававшую лепешки. Он остановился, снял ношу, так как ему захотелось немного сладостей (*дяньсинь*, букв. «освежить сознание»). Старуха указала на его ношу и спросила: «Что это за писания?» Дэ-шань ответил: «Комментарий Цин-луна». Старуха спросила «К какой сутре?» Дэ-шань ответил: «К „Алмазной сутре“». Старуха сказала: «Задам тебе вопрос. Если ответишь, я дам тебе сладостей. А если не сможешь, тогда уходи ни с чем. В „Алмазной сутре“ сказано: „Ни прошлое, ни настоящее, ни будущее сознание невозможно обрести“. Так что за сознание ты хочешь освежить?» Дэ-шаню было нечего сказать. Затем он пошел в монастырь Лунтань (Пруд Дракона). Войдя в зал дхармы, он сказал: «Я давно хотел увидеть Пруд Дракона, но здесь не видно ни пруда, ни дракона». Услышав это, учитель Лун-тань подошел к нему и сказал: «Ты на самом деле прибыл в Пруд Дракона». Дэ-шань ничего не сказал, но после этого остался в этом монастыре.

Однажды поздним вечером, когда он стоял в качестве помощника около Лун-таня, последний сказал ему: «Уже поздно. Почему ты не идешь к себе?» Пожелав учителю спокойной ночи, он ушел, но тут же вернулся и сказал: «На улице очень темно». Лун-тань зажег бумажный фитилек и передал его ему. Дэ-шань уже было собирался взять фитилек, но Лун-тань задул пламя. Это привело Дэ-шаня к полному просветлению. Он низко поклонился учителю в знак благодарности. Учитель

¹⁶³ Комментарий к «Алмазной сутре», данный Дао-инем из монастыря Цинлун.

спросил: «Что ты узрел?» Дэ-шань ответил: «С сегодняшнего дня больше не о чем сомневаться в сказанном старыми монахами Поднебесной». На следующий день Лун-тань поднялся на свое место и сказал собравшимся: «Есть тут парень, чьи зубы как листья деревьев, поросших мечами, а рот словно кровавая баня¹⁶⁴. На удар палки он даже головы не повернет. В свое время он поднимет мою доктрину на уединенную горную вершину». Дэ-шань сложил в кучу на земле у зала дхармы все свои листы с «Комментарием Цинлуна» и, подняв факел, сказал: «Пытаться исчерпать аргументы о сокровенном все равно что кидать волосок в великую пустоту. Напрягать все силы все равно что стряхивать каплю воды в огромное море». После этого он сжег рукопись, простился с учителем и покинул монастырь.

Он отправился прямо в монастырь Гуйшань, со своими пожитками вошел в зал дхармы и пересек его с запада на восток, а затем обратно – с востока на запад. Он посмотрел на настоятеля (учителя Гуй-шаня) и сказал: «Все, что есть? Все, что есть?» Гуй-шань сидел в зале, но не обратил никакого внимания на посетителя. Дэ-шань сказал: «Ничего, ничего», и вышел из зала. Дойдя до главной двери монастыря, он сказал сам себе: «Даже если так, недопустима такая грубость». Затем он вернулся назад и снова вошел в зал в разгар церемонии. Вступив на порог, он вытащил свою нисидану¹⁶⁵ и,

¹⁶⁴ Парень, внушающий благоговейный страх, как два ада с холмами из мечей или деревьями с листьями-мечами и кровавыми банями для наказания грешников. Лун-тань предсказал, что Дэ-шань будет очень строго принимать, наставлять и обучать своих учеников.

¹⁶⁵ Нисидана – коврик для сидения.

подняв ее вверх, призвал: «Почтенный упадхьяя!»¹⁶⁶ Когда Гуй-шань наклонился, чтобы поднять метелку¹⁶⁷, Дэ-шань издал крик и быстро вышел. В тот же вечер Гуй-шань спросил руководителя собрания: «Новый пришелец еще здесь?» Руководитель ответил: «Покидая зал, он повернулся спиной к нему, надел свои соломенные сандалии и вышел». Гуй-шань сказал: «Этот человек потом отправится на какую-нибудь уединенную горную вершину, где соорудит соломенную хижину. Он будет ругать будд и поносить патриархов»¹⁶⁸.

Дэ-шань пробыл в Лияне тридцать лет. Во время гонений на буддистов при императоре У-цзуне (прав. 841–848) во времена династии Тан учитель жил отшельником в каменной хижине на горе Дуфу (в 847 г.). В первые годы правления под девизом Да-чжун наместник Улина Се Тинван восстановил былую славу и статус монастыря Дэ-шаня и присвоил ему звание Чаньского монастыря древней добродетели. Он подыскивал человека выдающихся способностей, который мог бы возглавить монастырь, и услышал о репутации учителя. Несмотря на несколько предложений, Дэ-шань отказался спуститься с горы (Дуфу). В конце концов наместник придумал интригу и учителя обвинили в контрабанде чая и соли. А когда за нарушение закона его доставили в центр округа, наместник низко ему поклонился и настоятельно попросил возглавить чаньский храм, где Дэ-

¹⁶⁶ Упадхьяя – общее понятие «монах».

¹⁶⁷ Метелка, которую в древности делали из длинных конских волос, прикрепленных к рукоятке.

¹⁶⁸ Дэ-шань будет ругать нереальных «будд» и поносить нереальных «патриархов», которые существуют только в загрязненном сознании заблуждающихся. Учение Дэ-шаня основывалось только на абсолютной праджне.

шань впоследствии начал широко распространять учение этой школы. Потом говорили о том, что Дэ-шань кричал на монахов, а Линь-цзи¹⁶⁹ бил их палкой. Но таким ли, как они, печалиться о невозможности прекращения рождения и смерти? После Дэ-шаня были Янь-тоу и Сюэ-фэн. После Сюэ-фэна были Юнь-мэнь и Фа-янь¹⁷⁰, а также императорский учитель Дэ-шао и Юн-мин-шоу. Все они постигли истину благодаря палке (Дэ-шаня).

В течение прошлых пяти династий школой управляли великие патриархи и учителя. Вы здесь собрались на чаньскую семидневку и хорошо понимаете эту высшую доктрину, которая позволяет беспрепятственно достичь прямого проникновения в сущностную природу и освобождения от рождения и смерти. Однако если вы отнесетесь к ней как к детской забаве и не будете усердно трудиться, если вы предпочтете с утра до вечера смотреть на «привидения на пороге» или обосноваться «в логове слов и выражений», вы никогда не избежите рождения и смерти. Ну а теперь прилежно займемся практикой.

Четвертый день

Это четвертый день чаньской семидневки. Вы упорно занимались практикой. Некоторые из вас сочинили стихи и гатхи и представили их мне. Это совсем не просто, но в этой практике вы, похоже, совершенно забыли мои два предыдущих наставления. Вчера вечером я сказал:

¹⁶⁹ Линь-цзи – основатель одной из пяти чаньских школ в Китае.

¹⁷⁰ Юнь-мэнь и Фа-янь – основоположники двух из пяти чаньских школ в Китае.

Нет в совершенствовании ничего иного,
Кроме как – знание пути.

Мы здесь для того, чтобы углубиться в *хуатоу*, это и есть путь, по которому мы должны идти. Наша цель – разделаться с рождением и смертью и достичь совершенства будды. Чтобы разделаться с рождением и смертью, нам нужна помощь *хуатоу*, его следует использовать в качестве драгоценного меча царя Ваджры, защищающего от «демонов», когда приходят «демоны», и защищающего от «будд», когда приходят «будды», чтобы не осталось ни одного чувства и чтобы не создавалась ни одна вещь (дхарма). Откуда в таком случае взяться ложным мыслям о написании стихов и гатх и о видении таких состояний, как пустота и свет? Если вы так практиковали, я понятия не имею, куда делось ваше *хуатоу*. Опытные чаньские монахи не нуждаются в дальнейшем обсуждении этой темы, а новичкам следует быть очень осторожными.

Беспокоясь о том, что вы можете не владеть практикой, я говорил в течение последних двух дней о цели медитации во время чаньской недели, а также о ценности этого метода нашей школы и о том, как проводить практику. Я объяснял все это одно за другим. Наш метод состоит в углубленной концентрации исключительно на *хуатоу*, которая не должна прерываться ни днем ни ночью, так же, например, как не следует останавливать текущий поток. Концентрация должна быть осознанной и четкой, всеобъемлющей и ясной. Все мирские чувства, равно как и благородные помыслы, должны быть отсечены ею. Один древний учитель сказал:

Изучение Дао подобно обороне крепости —
Врагам прорваться дать нигде нельзя.

Без мороза, пронимающего до костей,
Откуда взяться благоухающим цветкам
сливы?

Эти четыре строки написаны учителем Хуан-бо и имеют два значения. Первые две строчки описывают практикующих чань, которые должны так же прочно удерживать *хуатоу*, как защищают крепость, в которую не должен проникнуть никакой враг. Это неприступная оборона, так как у каждого из нас есть правитель-сознание. Этот правитель восьмого сознания (*виджняна*), а также седьмого, шестого и первых пяти сознаний, которые суть пять воров в виде зрения, слуха, обоняния, восприятия вкуса и осязания. Шестое сознание – это вор в виде ума (*манас*). Седьмое – это сознание (*клишта-mano-виджняна*), которое с утра до вечера жаждет, чтобы восьмое сознание выделило «субъекта», которого приняло за «я». Оно побуждает шестое вести первые пять по пути стремления к внешним объектам, таким, как форма, звук, запах, вкус и прикосновение. Будучи постоянно обманываемым и связанным, шестое сознание-ум находится в рабстве и неспособно освободиться. По этой причине мы должны прибегать к *хуатоу* и использовать его «Драгоценный меч царя Ваджры», который поразит всех воров и позволит восьмому сознанию превратиться в «зерцалоподобную мудрость» (*адарша-джняна*), седьмому – в «мудрость равенства» (*самата-джняна*), шестому – в «глубоко различающую мудрость» (*пратья-векшана-джняна*), а первым пяти сознаниям – в «мудрость достижения совершенства» (*критьянуштхана-джняна*).

Первостепенно важно сначала преобразить шестое и седьмое сознания, так как они играют ведущую роль и обладают силой разделения и различения. В то время как вы видели пустоту и свет, сочиняли стихи и гатхи,

действовали эти два сознания. Сегодня нам следует использовать это *хуатоу* для преобразования различающего сознания в «глубоко различающую мудрость», а ум, который проводит грань различия между эго и личностью, – в «мудрость равенства». Это называется преобразованием сознания в мудрость и преобразованием мирского в святое. Важно не позволять напасть этим вора, жаждущим формы, звука, запаха, вкуса, прикосновения и дхармы. Поэтому говорится об обороне крепости.

Без мороза, пронимающего до костей,
Откуда взяться благоухающим цветкам
сливы?

Эти две последние строки символизируют живые существа в трех мирах существования¹⁷¹, которые поглощаются океаном рождения и смерти, привязаны к пяти желаниям¹⁷², обмануты своей страстью и неспособны достичь освобождения. Поэтому используется сравнение с цветком сливы *мэйхуа*, так как эти деревья распускают свои цветы в снежную погоду. Обычно растения рождаются весной, растут летом, приносят плоды осенью и сохраняются зимой. Зимой растения либо умирают, либо впадают в спячку. И пыль земли под чистым снежным покровом не может подняться в воздух. Эти растения и пыль уподоблены результатам отравления тремя ядами нашего сознания, приводящего к ложному мышлению, неведению, зависти¹⁷³. Стоит

¹⁷¹ Мир желания, мир формы и бесформенный мир.

¹⁷² Пять желаний, порождаемых объектами пяти чувств, вещи видимые, слышимые, обоняемые, осязаемые, ощущаемые на вкус.

¹⁷³ Эти три яда – вожделение, ненависть и неведение.

избавиться от этих нечистот, и сознание станет естественно покойным, подобно тому как аромат цветения сливы разливается вокруг, несмотря на снег. Но вам стоит помнить, что эти сливовые деревья цветут морозной зимой, а не чудесной светлой весной на нежном свежем ветерке в хорошую погоду. Если мы хотим, чтобы расцвели цветы нашего сознания, то это также случается не в разгар счастья, гнева, печали и радости или при различении «я» и «других», «добра» и «зла». Так как если мы не проводим различий относительно этих восьми состояний сознания, то получаем нейтральность. Если совершается дурное, то получаем дурное. Если совершается хорошее, то получаем хорошее.

Нейтральность бывает двух видов: нейтральность сна и нейтральность пустоты-исчезновения. В нейтральности сна есть только иллюзии, появляющиеся в сновидениях и забытии, не связанные с обычной деятельностью, это состояние, когда есть только один ум (*мано-виджняна*)¹⁷⁴, в котором есть только нейтральность. Нейтральность пустоты-исчезновения подобна тому, когда в нашей медитации, пребывая в покое, мы теряем *хуатоу* и попадаем в туманную пустоту, в которой нет абсолютно ничего. Тяга к такому состоянию покоя представляет собой чаньскую болезнь, которой следует всячески избегать. Это и есть нейтральность пустоты-исчезновения. Нам следует весь день удерживать *хуатоу* осознанно и четко, всеобъемлюще и ясно, и в ходьбе и сидя. По этому поводу один древний учитель сказал:

Когда идешь, чань,
Когда сидишь, чань.

¹⁷⁴ То есть когда шестое сознание независимо от первых пяти.

Говоришь ли, молчишь ли, двигаешься
или неподвижен – безмятежен.

Патриарх Хань-шань написал:

С высоты на вершине горы
Виден лишь безграничный простор.
В медитации нет знания о человеке,
Только луна светит над холодным ис-
точником,
Но в источнике нет никакой луны.
Луна там, в синем небе.
Когда поешь эту песню,
В ней нет никакого чань.

Вы и я объединены единой судьбой, и поэтому мне представилась возможность обратиться к вам с этими словами о чаньской практике. Я надеюсь, вы приложите все силы и достигнете заметного прогресса, и не будете неверно использовать свое сознание.

Расскажу вам еще один *гунъзань* (яп. *коан*). После того как основатель монастыря Си-тань на горе Петушиная Ступня стал монахом, он посещал в качестве ученика просветленных учителей и добился очень хороших результатов в своей практике. Однажды, остановившись на каком-то постоялом дворе, он услышал голос девушки, доносившийся из лавки, торгующей соевым творогом доуфу. Она пела такую песню:

Чжан Доуфу, Ли Доуфу!¹⁷⁵
На подушке ваши мысли устремляются
по тысячам дорог,
Но завтра поутру будете по-прежнему
доуфу продавать.

¹⁷⁵ Чжан и Ли – широко распространенные китайские фамилии, т. е. кто угодно, как Иванов, Петров.

Учитель сидел в это время в медитации и, услышав эту песню, достиг мгновенного просветления. Видимо, когда древние практиковались, для постижения истины не было необходимости заниматься в чаньском зале. Самосовершенствование и практика сводятся к концентрации сознания. Ни в коем случае не позволяйте сознанию отклоняться в стороны, если не хотите тратить время зря. В противном случае завтра утром вы опять будете продавать доуфу¹⁷⁶.

Пятый день

Об этом методе самосовершенствования можно сказать, что он одновременно и легкий, и труден. Он легкий потому, что нужно всего лишь отбросить всякую мысль, иметь твердую веру и достичь устойчивости и целеустремленности сознания, тогда достигнешь успеха. Он труден потому, что мы боимся трудностей и стремимся к комфорту. Разве вы не знаете, что все в мире требует правильных методов и необходимости периода их изучения, без чего успех невозможен? Тем более, если мы учимся у мудрецов и патриархов, чтобы стать буддами! Можем ли мы достичь цели, если будем небрежны?

Поэтому самое главное – это устойчивость сознания, так как занимающийся самосовершенствованием и постижением истины не может избежать препятствий, создаваемых демонами. Эти демонические препятствия

¹⁷⁶ Так называемый соевый творог, или доуфу, готовится из соевых бобов и очень дешев, так что только бедные люди изготавливают его на продажу. По этой причине они вечно недовольны своей участью и всегда хотят заняться каким-нибудь более выгодным делом.

представляют собой внешнее кармическое окружение, вызванное нашей тягой ко всякого рода форме, звуку, запаху, вкусу, прикосновению и дхарме¹⁷⁷, о чем я говорил во вчерашней беседе. Это кармическое окружение – наш враг с рождения до смерти. По этой причине существует много учителей дхармы, занимающихся толкованием сутр, которые не могут стоять твердо на своих собственных ногах, находясь в гуще этого окружения. Это объясняется тем, что их сознание истины недостаточно устойчиво.

Следующее по важности – развитие целеустремленности сознания. С момента нашего рождения в этом мире мы сотворили бесчисленные кармы, и если теперь хотим заняться самосовершенствованием с целью освобождения от рождения и смерти, возможно ли стереть все свои привычки одним махом? В старые времена были такие патриархи, как чаньский учитель Чан-цин, который сидел в медитации до тех пор, пока не просидел до дыр семь циновок. А чаньский учитель Чао-чжоу в возрасте 80 лет продолжал странствовать в поисках наставлений, после того как провел 40 лет в медитации над словом «у»¹⁷⁸, без единой лишней мысли в сознании. В конечном итоге он достиг полного просветления, и наследные принцы Янь и Чжао почитали его и подносили ему многочисленные пожертвования. При династии Цин император Юн-чжэн (1723–1735), прочтя его записи бесед и найдя их великолепными, даровал ему посмертный титул «Древнего будды» (*гу фо*). Его достижения были результатом аскезы длиною в целую жизнь. Если мы сможем сейчас стереть все наши при-

¹⁷⁷ Здесь в значении любой абстрактной или конкретной вещи.

¹⁷⁸ Букв. «отсутствие», «не».

вычки и очистить единственную мысль¹⁷⁹, то станем равными буддам и патриархам. «Шурангама сутра» гласит:

«Это подобно отстаиванию мутной воды. Если оставить ее в чистом сосуде и не трогать его, то песок и ил осядут сами собой. Появление чистой воды называется первичным подавлением чуждой пыли страстей. Очищение воды от ила называется навечным отсечением корней неведения».

Наши привычные страсти уподобляются илу или осадку, поэтому мы и должны прибегнуть к помощи хуатоу. Хуатоу сравнивается с квасцами, используемыми для очищения мутной воды. Таким же образом обуздываются страсти. Если практикующему удастся достичь единства тела и сознания, в результате чего появляется состояние покоя, ему следует быть внимательным и не позволять себе погружаться в него. Необходимо помнить, что это всего лишь начальная стадия и что неведение, вызванное страстями, еще не преодолено. Это все еще заблуждающееся сознание, достигающее стадии очищения, оно подобно воде, уже очищенной от взвеси, но все же содержащей ил и осадок на дне. Поэтому надо приложить дополнительные усилия, чтобы продвинуться дальше. Древний учитель говорил:

Сидящий на вершине шеста в сто *чи*¹⁸⁰,
Хотя все еще воспринимает не то, что
реально,
Если способен сделать дальше шаг,
То себя явит где угодно в мире.

¹⁷⁹ То есть сосредоточиться полностью на хуатоу.

¹⁸⁰ Состояние пустой неподвижности, в котором все мысли отсутствуют, но праджня еще не пробуждена.

Если не продвинуться вперед, то град иллюзий вы будете считать своим домом, и страсти всколыхнутся вновь. В таком случае трудно стать даже пратьекабуддой. По этой причине ил следует устранить, чтобы осталась лишь чистая вода. Это называется навечным отсечением корней неведения. Только тогда может быть достигнуто совершенство будды. Когда неведение навечно отсечено, можно явиться в телесной форме в любом месте Вселенной, чтобы распространять дхарму, подобно Гуань-инь (Авалокитешвара), являющейся в тридцати двух формах, материализующейся с целью обучения дхарме в самой подходящей форме для освобождения страждущего живого существа. Вы будете свободны и ничем не ограничены даже в борделе и в винной лавке, в чреве коровы, кобылы или ослицы, в раю или в аду. В противном случае различающее мышление мгновенно сбросит вас в колесо рождений и смертей.

В былые времена жил некто Цинь Хуй¹⁸¹. В прошлой жизни он возжигал благовония бодхисаттве Кшитигарбхе, но не развил целеустремленного сознания и оказался неспособен отсечь корни неведения, обусловленного страстями. Поэтому в следующем воплощении он стал жертвой своего переполненного ненавистью сознания. Это только один пример. Если вера в вашем сознании устойчива, а целеустремленность не ослабевает, то сможете в вашей нынешней телесной форме достичь совершенства будды, если даже вы самый обыкновенный человек.

¹⁸¹ Цинь Хуй (1090–1155) – государственный деятель периода династии Сун, по приказу которого был казнен знаменитый герой, генерал Юэ Фэй. За это он был проклят всеми, а имя его стало синонимом предателя.

Жил когда-то в Чжанчжоу бедняк, присоединившийся к сангхе в одном монастыре. Он был настроен на самосовершенствование, но совсем не знал, как это делать, и обратиться ему было не к кому. Он просто день за днем занимался тяжелой работой. Однажды в монастыре остановился странствующий монах и, увидев, как этот человек трудится день за днем, спросил, какой практикой он занимается. Человек ответил: «Да я целый день делаю такую вот тяжелую работу. Пожалуйста, научи меня методу самосовершенствования». Монах посоветовал: «Углубись в смысл фразы „Кто повторяет имя будды?“» Этот человек, в согласии со словами странствующего монаха, стал удерживать внимание на слове «кто» в своих тяжелых ежедневных трудах. Позже он уединился на горном островке и продолжил практику, питаясь растениями и используя листья в качестве одежды. Его мать и сестра, которые еще были живы, услышали о том, что он живет отшельником в пещере на островке и терпит лишения, занимаясь самосовершенствованием. Мать послала к нему сестру со свертком ткани и небольшим количеством продуктов. Прибыв туда и увидев его сидящим в медитации, она обратилась к нему, но он не ответил. Она потрясла его, но он не сдвинулся с места. Увидев, что ее брат не соизволил ни посмотреть на нее, ни поздороваться с ней, а продолжал сидеть в медитации, она пришла в ярость и, оставив ткань и еду, вернулась домой. Через тринадцать лет сестра этого человека снова приехала его навеситить и увидела тот же сверток, лежащий на том же месте. Позже к нему забрел голодный беженец, увидел монаха в лохмотьях и, войдя в пещеру, попросил поесть. Монах встал, подошел к краю утеса, набрал немного гальки и положил ее в котелок. Поварил ее немного, вытащил и предложил гостю поесть вместе с ним.

«Галька» по вкусу походила на картофель, и когда гость насытился, монах сказал ему: «Пожалуйста, не говори никому там о нашей еде».

Некоторое время спустя этот монах подумал: «Я занимаюсь здесь самосовершенствованием так много лет, теперь мне следует сделать что-то полезное для других». После этого он отправился в Сямэнь¹⁸², где построил у дороги соломенную хижину и угощал странников бесплатным чаем. Это происходило во времена правления Вань-ли (1573–1619), приблизительно в год смерти императрицы-матери. Император захотел пригласить выдающихся монахов для совершения буддийских церемоний за упокой скончавшейся матери. Сначала он намеревался пригласить столичных монахов, но в то время в столице не было достойных монахов высокого ранга. Однажды ночью император увидел во сне свою мать, которая сказала ему, что достойные монахи есть в округе Чжанчжоу в провинции Фуцзянь. Император послал туда за местными монахами. Эти монахи со своими пожитками по пути в столицу проходили мимо хижины этого нищего монаха, который спросил их: «Почтенные учителя, чем вы так осчастливлены и куда путь держите?» Они ответили: «Мы получили приказ императора отправиться в столицу и совершить церемонии за упокой души императрицы-матери». Нищий монах спросил: «Можно и мне пойти с вами?» Они ответили: «Куда тебе, такому убогому, идти с нами?» Он сказал: «Я не умею читать сутры, но зато могу нести ваши вещи, а заодно и столицу посмотрю». После этого он собрал все пожитки монахов и пошел вместе со всеми в столицу.

¹⁸² Сямэнь, Амой, город на южном побережье в провинции Фуцзянь.

Когда император узнал, что монахи вот-вот придут, он приказал закопать копию «Алмазной сутры» под порогом. Прибывшие монахи, ничего не зная о сутре, один за другим входили во дворец. И только этот убогий монах, когда оказался у порога, опустился на колени, соединил ладони вместе, но так и не вошел во дворец. Его звали привратники и даже пытались затащить, но он отказался войти. Когда об этом доложили императору, он понял, что пришел святой монах, и лично вышел его встретить. Он спросил: «Почему ты неходишь во дворец?» Монах ответил: «Я не смею, так как под землею „Алмазная сутра“». Император сказал: «Почему ты не встаешь на голову, чтобы войти?» Услышав это, монах поставил руки на землю и перкувыркнулся через порог. Император отнесся к нему с величайшим уважением и пригласил во внутренние покои. Когда монаха спросили об алтаре и церемонии, он ответил: «Церемония состоится завтра утром, во время пятой стражи. Мне потребуется только один алтарь с одним ведущим¹⁸³ флагом и один стол с благовониями и фруктами для жертвоприношения». Император был недоволен излишней скромностью и пока еще опасался, что монах не обладает всеми достоинствами, необходимыми для совершения такой церемонии. Поэтому он прислал двух дворцовых прислужниц помочь ему помыться. Во время омовения его член оставался неподвижным. Девушки доложили об этом императору, чье уважение к монаху выросло, так как он понял, что перед ним был действительно святой человек. Затем были сделаны приготовления согласно инструкциям монаха, и на следующее утро он воссел на свое место, чтобы говорить о дхарме. Поднявшись к алтарю, он соединил ладони вместе в

¹⁸³ Чтобы вести дух усопшего в Чистую Землю.

знак приветствия и, держа флаг для ведения души, подошел к гробу и сказал:

На самом деле я не прихожу,
Но все равно в привязанностях ты.
Когда ни одна мысль не рождена,
Ты поднимаешься над небесами.

После службы монах сказал императору: «Поздравляю Вас с освобождением Ее Величества Матери-Императрицы». Император сомневался в эффективности подобной церемонии, но услышал голос покойной матери, которая сказала: «Теперь я освобождена. Ты должен низко поклониться этому святому учителю». Пораженный и довольный император рассыпался в благодарностях. Во внутренних покоях учителю устроили вегетарианский пир. На императоре тогда были узорные штаны, от которых монах не отводил взгляд. Император спросил его: «Достопочтенному нравятся эти штаны?» и сразу снял их и предложил монаху. Тот сказал: «Благодарю Ваше Величество за милость». С тех пор император присвоил монаху титул императорского учителя «Драконовы Штаны». После пира император повел монаха в императорский сад, в котором была драгоценная ступа. Монах выразил восхищение при виде ступы и остановился, чтобы полюбоваться ею. Император спросил: «Императорскому учителю нравится эта ступа?» Гость ответил: «Она замечательна!» Император сказал: «Я хочу предложить ее вам с почтением». Когда император стал отдавать распоряжения о перевозе ступы в Чжанчжоу, монах сказал: «Нет нужды, я сам ее унесу». Сказав это, он поместил ступу в свой длинный рукав, поднялся в воздух и улетел. Император был поражен и обрадован одновременно этим беспрецедентным происшествием.

Дорогие друзья, эта история поистине удивительна, и все это стало возможным просто потому, что с тех пор как этот человек ушел в монахи, он никогда не использовал различающее сознание и был устойчив в своей вере. Он не обращал внимания ни на навестившую его сестру, ни на свою одежду в лохмотьях, – сверток ткани так и пролежал тринадцать лет нетронутым. Теперь следует задать себе вопрос, можете ли вы осуществлять свою практику таким образом? Было бы излишне говорить о том, что вы неспособны следовать примеру этого монаха, когда ваши сестры приходят вас навеситить. Достаточно упомянуть о вашем поведении после медитации, когда, гуляя, вы не можете воздержаться от того, чтобы не поглазеть на вашего руководителя, когда тот совершает воскурение, или на движения вашего соседа. При такой практике разве можно твердо удерживать *хуатоу*? Дорогие друзья, вам следует только устранить ил и оставить лишь воду. Когда вода чиста, луна¹⁸⁴ появится сама собой. Теперь для вас настало время заняться *хуатоу* и тщательно его исследовать.

Шестой день

Древние говорили: «Дни и месяцы снуют, как челнок, а время летит, как стрела». Наша чаньская семидневка началась всего несколько дней назад, и завтра уже конец. Согласно установленному правилу, экзамены состоятся завтра утром, так как чаньская семидневка – это метод постижения через опыт, ограниченный временными рамками. Опыт означает опыт пробуждения, другими словами, это осознание своего сокровенного

¹⁸⁴ Вода – символ внутренней природы, а луна – символ просветления.

«Я» и постижение глубинной природы Татхагаты, поэтому говорится «пробуждение через опыт».

Ваш экзамен имеет целью подтверждение той степени достижения, на которую вам удалось подняться во время этих семи дней, и вам придется продемонстрировать ваше достижение перед собравшимися. Обычно этот экзамен называют платой за пирожки¹⁸⁵ и все вы должны принять в нем участие. Другими словами, все вы должны быть пробуждены до состояния постижения истины настолько, чтобы быть в состоянии дать толкование буддадхарме во имя освобождения всего живого. Сегодня я не говорю, что каждый из вас будет пробужден, но даже если это будет один человек, расходы на кормление всех остальных можно считать окупившимися. То, что называется «одному заплатить за общую трапезу». А если все мы проявим потенциал продвижения сознания, то каждый пробудится к осознанию истины. Древние говорили:

Мирянину совсем несложно буддой
стать,
Да вот избавиться от ложных мыслей
трудно.

Именно из-за наших ненасытных желаний со времен, которым нет начала, мы плывем теперь по морю рождений и смертей, в котором 84 000 страстей и всякого рода привычек, от которых не можем избавиться. Вследствие этого мы неспособны пробудиться и уподобиться буддам и бодхисаттвам, просветленным и свободным от иллюзий. По этому поводу учитель Лянь-чи сказал:

¹⁸⁵ Имеется в виду труд тех, кто обеспечивал проведение семидневки, кормил участников и т. д.

Легко попасться в узы загрязнения.
Трудно заработать карму, ведущую к истине.
Не видишь то, что за пределом взора, —
Взаимосвязанное кажется раздельным,
Видно лишь буйство ветра на просторах,
Который губит лес, взошедший из достоинств.
Сознание воспламенено страстями,
Сжигающими *бодхи* семена.
Если помысел об истине так же силен,
как помысел о любви,
Не замедлит достижение совершенства будды.
Когда ко всем живущим ты будешь относиться, как к себе,
То все будет делаться по отношению друг к другу в том же духе.

Других винить не будешь, себя считая правым,
Верхи с низами станут уважать друг друга.
Перед тобою постоянно буддадхарма —
Вся пыль страстей сама собою отпадает.

Как ясно и точно сказано! «Загрязнение» означает то, что марает. Жизнь в мире запятнана тягой к богатству, чувственным удовольствиям, славе и успеху, а также злостью и разногласиями. Здесь «истина» (*дао*) и «добродетель» (*дэ*) считаются всего лишь булыжниками под ногами. Каждый день люди предаются эмоциям и алчут богатства, уважения, славы и успеха. Поскольку пребывают в мирских страстях, в их сознании нет места даже для единственной мысли об истине. Вследствие этого лес достоинств чахнет и семена *бодхи* погибают.

Если же они безразличны ко всем мирским страстям, одинаково относятся к друзьям и врагам, воздерживаются от убийства, воровства, прелюбодеяния, лжи и алкоголя, непредвзято относятся ко всем живым существам, если для них чужой голод все равно что свой, если, увидев тонущего, они чувствуют, как тонут сами, если они развивают сознание *бодхи*, тогда появится возможность быстрого достижения совершенства будды. Поэтому говорят: «Когда помысел об истине так же силен, как помысел о любви, не замедлит достижение совершенства будды». Все будды и святые появляются в мире, чтобы служить живым существам, спасая их от страдания, ниспосылая им счастье и помогая в горе.

Мы можем возвращать в себе самоотречение и сострадание к другим, воздерживаясь от удовольствий лично для себя, чтобы никому не пришлось испытывать страдания и все бы получалось. При этом и вам самим в полной мере воздастся за добродетельные поступки, точно так же, как лодка поднимается с приливом. Когда вы способны обращаться с людьми с состраданием и благожелательностью, без самодовольства и напыщенности, без высокомерия и лживости, то и люди ответят вам уважением и учтивостью. С другой стороны, если вы только и думаете, что о своих талантах, и ведете себя неразумно или лицемерно, стремитесь лишь к удовлетворению своих личных потребностей, то даже если вам и выкажут уважение, оно не будет искренним. Поэтому Мэн Цзы сказал: «Уважай других, и они всегда будут уважать тебя. Люби других, и они всегда будут любить тебя».

Шестой патриарх сказал:

Его неправота меня не сделает неправым,
Когда же я не прав, лежит вина на мне.

Поэтому мы не должны возвращать сознание, проводящее различие между правым и неправым, между собой и другими. Если служить другим так же, как это делали будды и бодхисаттвы, семена *бодхи* будут всходить повсюду и постоянно приносить урожай прекрасных плодов. Тогда никакие страсти не удержат нас в связанности.

Двенадцать разделов Трипитаки махаяны были изложены Почитаемым миром по причине наличия у нас трех ядов: жадности, злобы и глупости. Поэтому цели этих двенадцати разделов Трипитаки таковы: дисциплина (*шила*), невозмутимость ума (*самадхи*) и мудрость (*праджня*). Они предназначены помочь устранить желания, достичь четырех безграничных состояний ума Будды: доброты (*майтри*), сострадания (*каруна*), сорадования (*мудита*) и беспристрастия (*упекша*), а также всех атрибутов спасения¹⁸⁶, чтобы устранить иллюзию неведения и порочность глупости с целью достижения добродетели совершенной мудрости и благой дхармакаи. Если мы можем придерживаться такой линии поведения, сокровища Лотоса¹⁸⁷ обнаружатся повсюду. Сегодня большинство из вас, прибывших сюда на чаньскую семидневку, – добродетельные миряне (*упасаки*). Вам нужно должным образом обуздать свой ум и избавиться от всяких уз. Сейчас я расскажу вам еще один *гунъанъ*, чтобы вы могли следовать примеру, приведенному в нем. Если не рассказать его,

¹⁸⁶ Шесть парамит: дана (милосердие), шила (дисциплина), кшанти (терпеливость и выносливость), вирья (рвение и продвижение), дхьяна (медитация) и праджня (мудрость).

¹⁸⁷ Сокровище Лотоса: Лotosовая кладезь, или Лotosовый мир. Чистая Земля всех будд в их самбхогакае, или телах награды.

то, боюсь, вы не станете обладателями Сокровища и вернетесь домой с пустыми руками, а я буду виновен в том, что не оправдал вашего доверия. Пожалуйста, слушайте внимательно:

Во времена династии Тан жил упасака по имени Пан-юнь, известный также под именем Даосюань. Родом он был из города Хэняна в провинции Хунань. Поначалу он был ученым-конфуцианцем, но с юных лет, осознавая тщетность страстей, искал истину. В начале правления под девизом Чжэнь-юань (785–804) он услышал о школе учителя Ши-тоу и пришел к нему за наставлениями. Он спросил учителя: «Что за человек, который не принимает все дхармы в отличие от своих товарищей?» Ши-тоу вытянул руку и закрыл рот Пан-юню, и тот мгновенно понял значение этого жеста. Однажды Ши-тоу спросил Пан-юня: «Ты увидел этого старого монаха¹⁸⁸, что после этого ты каждый день делаешь?» Пан-юнь ответил: «Если вы меня спрашиваете, что я делаю, то я не знаю, как открыть рот (чтобы сказать об этом)». Затем он представил Ши-тоу следующие стихи:

Особого нет ничего в делах моих повседневных.

Я просто в гармонии с этим живу.

Больше никогда не принимаю и не отбрасываю,

Больше ничего не утверждаю и не отрицаю.

Кто цветам дал название – красный или пурпурный?

В горном приюте нет ни единой частицы пыли.

Божественное повсюду и волшебством
Носится вода и собирается хворост.

¹⁸⁸ То есть Ши-тоу.

Ши-тоу понравились стихи и он спросил Пан-юня: «Ты присоединишься к сангхе (общине) или останешься упасакой (мирянином)?» Пан-юнь ответил: «Куда меня потянет», и не стал брить голову¹⁸⁹. Потом Пан-юнь пошел к учителю Ма-цзу и спросил его: «Что за человек, который не принимает все дхармы в отличие от своих товарищей?» Ма-цзу ответил: «Я тебе скажу, когда ты одним глотком выпьешь воду Янцзы». Услышав это, Пан-юнь мгновенно пробудился для понимания сути. Он пробыл два года в этом монастыре (где жил Ма-цзу). После полного осознания своей изначальной природы этот упасака оставил все мирские занятия, выбросил в реку Сянцзян все свое состояние, составлявшее 10 000 связок золотых и серебряных монет, и стал зарабатывать себе на жизнь плетением бамбуковых изделий.

Однажды, разговаривая с женой о принципе нерожденного, он сказал: «Трудно! Трудно! Трудно! Так же трудно, как разложить десять даней семян кунжута на ветвях дерева». Его жена воскликнула: «Легко! Легко! Легко! На сотнях травинок блестят указания учителя». Услышав их, дочь Лин-чжао рассмеялась: «Послушайте, старички! Как вы можете говорить такое?» Упасака спросил дочь: «Ну а ты что скажешь?» Она ответила: «Это не трудно! Это не легко! Когда ты голоден, ты ешь, а когда устаешь, ложишься спать». Пан-юнь хлопнул в ладоши, засмеялся и сказал:

У сына не будет жены,
А у дочери не будет мужа.
Мы все останемся вместе
Говорить на языке нерожденного.

С тех пор он прославился красноречием и остроумием. Когда этот упасака покидал учителя Яо-шаня,

¹⁸⁹ Он не присоединился к общине (сангха).

тот послал десять чаньских монахов, чтоб те его проводили до ворот (монастыря). Указывая пальцем на падающий снег, упасака сказал им: «Хороший снег! Ни одна из снежинок не упадет на другое место». Чаньский монах по имени Цюань спросил его: «Куда они падают?» Упасака ударил Цюаня по лицу, а тот сказал: «Ну зачем же так грубо». Упасака ответил: «А еще называешься чаньским монахом! Бог мертвых тебя не пропустит». Цюань спросил: «Что же тогда почтенный упасака имеет в виду?» Упасака шлепнул его еще раз и сказал: «Ты видишь, как слепой, и говоришь, как немой».

Он часто посещал места, где читались и комментировались сутры. Однажды он слушал истолкование «Алмазной сутры», и когда комментатор подошел к вопросу о нереальности эго и личности, он спросил: «Достопочтенный господин, поскольку нет ни «я», ни «не-я», то кто сейчас дает толкование сутрам и кто слушает?» Так как комментатор не смог ответить, упасака сказал: «Хоть я и мирянин, но немного в этом смыслю». Комментатор спросил его: «Какова интерпретация уважаемого упасаки?»

Упасака ответил гатхой:

Нет ни «меня», ни «других»,
Кто тогда близок или далек?
Вы лучше бросьте комментарии,
Им не сравниться с прямым постижением.

На природе алмазной мудрости
Нет ни пылинки.
Слова «я слышу», «верю», «принимаю»
Всегда лишь условные названия.

Прослушав стихи, комментатор выразил свое восхищение.

Однажды этот упасака спросил Лин-чжао: «Как ты понимаешь слова древних: „Ясно видны сотни травинок, ясны-понятны указания патриарха“»? Лин-чжао ответила: «Ведь старый человек уже, а такое говоришь?» Упасака спросил ее: «А как ты это скажешь?» Лин-чжао ответила: «Ясно видны сотни травинок, ясны-понятны указания патриарха». Упасака одобрительно рассмеялся. Когда он почувствовал, что скоро умрет, он сказал Лин-чжао: «Выйди и посмотри, рано сейчас или поздно? Если полдень, дай мне знать». Лин-чжао вышла и, вернувшись, сказала: «Солнце в средней части неба, но, к сожалению, его сожрала небесная собака¹⁹⁰. Отец, почему бы тебе не пойти посмотреть?» Пан-юнь подумал, что она говорит правду, покинул свое место и вышел. После этого Лин-чжао поднялась на его место, села, скрестив ноги, соединила ладони вместе и покинула этот мир. Когда упасака вернулся, он увидел, что Лин-чжао умерла, и сказал со вздохом: «Моя дочь меня опередила и ушла раньше меня». Так что он отложил на неделю свою смерть, чтобы похоронить дочь.

Когда начальник округа Юй-гун зашел поинтересоваться здоровьем упасаки, тот сказал ему:

Лишь бы пустым стало все, что есть,
И чтобы не стало реальным то, чего нет.
В этом мире жить не плохо —
Все лишь эхо, все лишь тень.

Сказав это, он положил голову на колени Юй-гуна и отошел в мир иной. Его тело, во исполнение его воли, было кремировано, а пепел был брошен в озеро. Когда жена узнала о его смерти, она пошла сказать об этом сыну. Когда сын услышал о смерти отца, он прекратил

¹⁹⁰ Имеется в виду солнечное затмение.

работу в поле, уперся подбородком в ручку своей мотыги и умер, не сходя с места. Став свидетельницей этих событий, мать стала отшельницей.

Как видите, вся семья из четырех человек обладала сверхъестественными способностями и могла совершать чудеса. Эти миряне – упасаки, как и вы – были людьми высоких достижений. В наши дни не нашлось людей равных им по способностям не только среди упасак (и упасик), но даже среди монахов и монахинь, которые не сильно отличаются от меня, Сюй-юня. Это не может радовать!

Теперь приступим к усердной практике!

Седьмой день

Дорогие друзья, разрешите мне поздравить вас с теми достойными приобретениями, которые вы накопили за чаньскую семидневку, заканчивающуюся сегодня. Согласно установленному правилу, те из вас, кто на опыте постиг истину, должны выйти вперед в этом зале, как это делали прежде кандидаты, сдававшие экзамены на ученую степень в императорском дворце. Поскольку сегодня день результатов, это должен быть день поздравлений. Однако почтенный настоятель был настолько сострадателен, что решил продлить чаньскую сессию с тем, чтобы мы смогли приложить дополнительные усилия для достижения дальнейшего продвижения.

Все присутствующие здесь опытные практикующие понимают, насколько благосклонна к ним судьба, и не станут тратить зря драгоценное время. Но новичкам следует понять, сколь трудно обрести человеческое тело и как важен вопрос рождения и смерти. Поскольку мы имеем человеческие тела, нам следует помнить, на-

сколько трудно получить возможность услышать буддадхарму и встретить сведущих учителей. Сегодня вы дошли до «драгоценной горы», надо воспользоваться этой прекрасной возможностью и приложить все имеющиеся силы к делу самосовершенствования, чтобы не вернуться домой с пустыми руками.

Как я уже говорил, дхарма нашей школы, переданная Почитаемым миром в тот момент, когда он поднял вверх цветок и показал его собравшимся, передавалась из поколения в поколение. Хотя Ананда был двоюродным братом Будды и покинул дом, чтобы следовать за ним в качестве помощника, ему не удалось постичь истину в присутствии Почитаемого миром. После того как Будда перешел в нирвану, его великие ученики собрались в пещере (чтобы составить сутры), но Ананду на собрание не пригласили. Махакашьяпа сказал ему: «Ты не получил запечатления сознания Почитаемого Миром, так что, пожалуйста, оставайся у входа, присматривай за хоругвями». После этих слов Ананда сразу достиг полного просветления. Тогда Махакашьяпа передал ему запечатление сознания Татхагаты, сделав его вторым индийским патриархом. Запечатление было передано следующим поколениям, и после патриархов Ашвагхошы и Нагарджуны чаньский учитель Хуй-вэнь с горы Тяньтай периода династии Северная Ци (550–578), прочтя «Мадхьямака шастру» (Нагарджуны), преуспел в постижении сокровенного сознания и основал школу тяньтай¹⁹¹. В то же время наша чаньская школа про-

¹⁹¹ Девять патриархов школы тяньтай: (1) Нагарджуна, (2) Хуй-вэнь, живший в период правления династии Северная Ци, (3) Хуй-сы из Наньюэ, (4) Чжи-чжэ, или Чжи-и, (5) Гуань-дин из Чжанъаня, (6) Фа-хуа, (7) Тянь-гун, (8) Цзо-си, (9) Чжан-жань из Цзинци. Десятый, Дао-суй, считался патриархом в Японии, по-

цветала. Позже, когда школа тяньтай пришла в упадок, императорский учитель Дэ-шао (чаньский учитель) отправился в Корею (где находилась единственная копия трудов Чжи-и), переписал ее и возвратился с намерением возродить эту школу.

Бодхидхарма, двадцать восьмой индийский патриарх, отправился на Восток, где стал первым китайским патриархом. После того как он передал дхарму, вплоть до пятого патриарха светильник сознания ярко сиял. У шестого патриарха было сорок три преемника, среди которых были выдающиеся чаньские учителя Син-сы и Хуай-жан. Затем пришел чаньский учитель Ма-цзу, у которого было восемьдесят три преемника. В те времена правильная дхарма процветала и пользовалась уважением императоров и сановников. Хотя Татхагата проповедовал несколько дхарм, дхарма этой школы была непревзойденной. Что касается дхармы воспевания имени будды Амитабхи, ее высоко оценивали (китайские патриархи) Ашвагхоша и Нагарджуна¹⁹², и после учителя Хуй-юаня¹⁹³ чаньский учитель Ян-шоу из монастыря Юн-мин стал шестым патриархом школы Чистой Земли (*Цзинь-ту цзун*), учение которой впоследствии распространялось многими другими чаньскими учителями.

тому что был учителем японского монаха Сайтё (Дэнгё Дайси), который в IX в. стал распространять систему тэндай в Японии. Школа тяньтай (яп. тэндай) базирует свои догматы на «Лотосовой сутре», «Махапаринирвана сутре» и «Махапраджняпарамита сутре». Она признает, что «ноумен» и «феноменальный мир» это Одно, и пытается раскрыть тайны всех явлений при помощи медитации.

¹⁹² Двенадцатый и четырнадцатый патриархи чаньской школы соответственно.

¹⁹³ Хуй-юань – выдающийся учитель школы Чистой Земли.

Школа мантр¹⁹⁴, после того как ее учение последним проповедовал чаньский учитель И-син, распространилась в Японии, но исчезла в Китае, где у вышеупомянутого учителя не нашлось ни одного преемника. Школа дхармалакшаны¹⁹⁵ была основана учителем дхармы Сюань-цзаном, но просуществовала не очень долго. Только наша чаньская школа, подобно потоку, все еще несет свои воды из дальнего источника, принимая богов в свои ряды и укрощая драконов и тигров.

Люй Дунбинь, по прозвищу Чунь-ян (Беспримесный ян), уроженец Цзинчуаня, был одним из представителей знаменитой восьмерки бессмертных. В конце династии Тан он трижды провалился на экзаменах на ученую степень. Огорчившись, он не вернулся домой и однажды случайно встретил в винной лавке в Чанъани бессмертного по имени Чжунли Цюань, который обучил его методу продления жизни до бесконечности. Люй Дунбинь самосовершенствовался этим методом и мог даже становиться невидимым и по желанию летать по воздуху над облаками. Однажды он нанес летный визит в монастырь Хайхуй на горе Лушань, где на стене колокольни монастыря написал следующую гатху:

День чистого досуга – раздолье телу,
В гармонии шесть духов¹⁹⁶ – благопо-
лучно все.

¹⁹⁴ Чжэнь-янь цзун (школа Истинных слов, яп. Сингон). Основание этой школы приписывается Вайрочане. Потом от бодхисаттвы Ваджрасаттвы она перешла к Нагарджуне и Амогхаваджре.

¹⁹⁵ Школа свойств дхарм, кит. Фасян, яп. Хоссо. Эта школа была основана в Китае после возвращения Сюань-цзана, вслед за его переводами трудов Йогачарьи.

¹⁹⁶ Шесть духов, или божеств, указывают на внутренние органы: сердце, легкие, печень, почки, желудок и мочевого пузыря.

Драгоценность есть в киноварном поле¹⁹⁷ – можно не вопрошать о Дао,
Сознание к внешнему безразлично – некому вопрошать о чань.

Некоторое время спустя, когда он пересекал гору Хуанлун, перед его взором предстали пурпурные облака, принявшие форму крыши. Догадавшись, что здесь живет человек необычный, он вошел внутрь. Как раз в это время после барабанного боя чаньский учитель Хуан-лун поднимался на свое место (чтобы начать проповедь дхармы). Люй Дунбинь последовал за монахами и вошел в зал послушать проповедь. Хуан-лун сказал: «Сегодня здесь присутствует вор дхармы. Монах (то есть я) не будет о ней говорить». Тогда Люй Дунбинь вышел вперед и низко поклонился учителю, сказав: «Я хочу, чтобы учитель разъяснил мне значение следующих строк:

В зернышке проса хранится весь мир,
В небольшом котелке варятся горы и реки.

Хуан-лун обругал его: «Дьявол, стерегущий труп, – вот кто ты!» Люй Дунбинь ответил: «Но у этого стража в мешке лекарство, дарующее бессмертие». Хуан-лун сказал:

Да проживи хоть 80 000 кальп,
Не избежишь падения в пустоту исчезновения.

Забыв о практике безразличия к внешнему из собственного стихотворения, Люй Дунбинь пришел в ярость и

¹⁹⁷ Киноварное поле находится в двух с половиной дюймах вниз от пупка. На этом месте сосредоточиваются при выполнении даосской медитации.

метнул свой меч в Хуан-луна. Хуан-лун указал пальцем на меч, и тот упал на пол и достать его было невозможно. С чувством глубокого раскаяния Люй Дунбинь опустился на колени и попросил ознакомить его с буддадхармой. Хуан-лун спросил: «О строке «В небольшом котелке варятся горы и реки» я пока не спрашиваю, а в чем смысл строки: «В зернышке проса хранится весь мир»? Услышав эти слова, Люй Дунбинь мгновенно постиг суть. После этого он прочел покаянное стихотворение:

Выбрасываю тыкву и разбиваю цинь,
Не привлекает меня больше золото из
ртути.
Я начинаю после встречи с Хуан-луном
понимать,
Как ошибался в приложении сознания.

Это пример того, как бессмертный даос обратился к тройной драгоценности, пожелав уйти в монастырь и стать защитником буддизма. При Люй Дунбине также начал процветать и даосизм, он считается пятым патриархом (даосизма) на севере. Даос Цзы-ян (Чжан Бодуань) также постиг глубины сознания за чтением (буддийского) «Сборника цвета патриархов» (*Цзу ин цзи*) и стал пятым патриархом (даосизма) на юге¹⁹⁸. Таким образом, даосизм продолжился благодаря школе чань.

Конфуцианское учение передавалось вплоть до Мэн-цзы, после чего передача прервалась. Во времена

¹⁹⁸ Чжан Бодуань по прозвищу Цзы-ян (Пурпурный Ян) был выдающимся даосом, хорошо осведомленным в вопросах чаньской дхармы. Его работы свидетельствуют о том, что он познал сокровенное сознание. Император Юн-чжэн считал его истинным буддистом и издал его работы в сборнике «Императорский сборник чаньских высказываний».

династии Сун конфуцианские ученые (также) изучали дхарму Будды. Среди них можно отметить Чжоу Ляньси (Чжоу Дуньи), практиковавшего чань и преуспевшего в познании сущностной природы сознания, а также таких ученых, как Чэн-цзы (братья Чэн), Чжан-цзы (Чжан Цзай) и Чжу-цзы (Чжу Си). Таким образом, чаньская школа способствовала возрождению и конфуцианства.

В наше время многие пренебрегают чаньской дхармой вплоть до того, что клеветуют на нее, создавая негодную карму. Сегодня нам судьбою дана прекрасная возможность завершить благое дело, ради которого мы здесь собрались. Нам есть чему радоваться и ради чего давать серьезный обет, чтобы каждый был обращен и правильная дхарма процветала вечно.

Вторая семидневка

Первый день

Мой приезд уже внес смуту в жизнь монастыря, я не заслуживаю радушного гостеприимства, оказанного мне настоятелем и старшими монахами, и прошу прощения за неудобства. Сегодня меня попросили провести еще одну чаньскую семидневку, и, конечно, я не вправе принять это предложение. Было бы разумно, чтобы эту встречу проводил почтенный учитель Ин-цы, имеющий за плечами столько лет жизни и дхармы. И в самом монастыре есть также много опытных и добродетельных учителей, а я – лишь «ряска», плавающая на воде¹⁹⁹,

¹⁹⁹ То есть человек, не имеющий постоянного пристанища. Сюй-юнь прибыл в Южный Китай из монастыря Юньмэнь и еще не знал, где он обоснуется. Монастырь Юньмэнь был основан чаньским учителем Юнь-мэнем, патриархом одной из пяти

человек, ни на что не годный.

Оказывать мне знаки внимания в силу моего возраста – это недоразумение. Даже в мирской дхарме возраст не принимается в расчет. Ранее, когда в императорском дворце проводился экзамен на ученую степень, не важно, был ли кандидат молод или стар, он называл экзаменатора «почтенный наставник», из уважения, а не за возраст. В буддийской дхарме возраст тем более не имеет значения. Бодхисаттва Манчжушри стал буддой в давние времена и являлся наставником шестнадцати принцев дхармы, одним из которых был будда Амитабха. Будда Шакьямуни также был его учеником, но когда Шакьямуни стал Буддой, Манчжушри явился оказать ему помощь. Таким образом, мы понимаем, что существует только одно равенство, в котором нет ни тех, кто выше, ни тех, кто ниже. Поэтому, пожалуйста, не допускайте ошибочного понимания. Так как мы занимаемся изучением, нам следует чтить правила. Настоятель имеет в своих планах просветление других, толкование сутр, проведение чаньских встреч и распространение Дхармы Будды. Это редкая возможность, выпавшая нам по судьбе.

Все вы не остановились перед трудностями путешествия, не побоялись неудобств, приложили усилия и приехали сюда по собственной воле. Очевидно, что в вашем сознании присутствует стремление отказаться от страстей и желание покоя. В действительности у вас и у меня одно и то же Сознание, но есть разница между заблуждением и просветлением – и вот мы видим живых существ, которые заняты чем-то с утра до вечера, не позволяя себе ни дня отдыха. Если мы задумаемся об

чаньских школ Китая. Монастырь был заново отстроен Сюй-юнем.

этом, то увидим, что это не может принести ни малейшей пользы. Несмотря на это, есть люди, занятые весь день напролет, глупым образом озабоченные тем, чтобы иметь у себя полный достаток пищи и одежды, и ищущие удовольствие в пении и танцах. Они желают, чтобы их дети и внуки были богатыми и известными и их потомки купались в славе и роскоши. Даже уже готовые испустить последний вздох и стать духами, они все еще беспокоятся о продвижении и процветании своих детей. Эти люди поистине крайне глупы.

Встречаются также люди, немного разбирающиеся в добре и зле, причине и следствии. Они хотят совершать поступки, дающие заслуги и добродетели, но все сводится к соблюдению постов и пожертвованиям монахам, либо к приобретению статуй будд, либо к реставрации храмов и монастырских зданий. Но все это с протеканием мирской причины²⁰⁰. Они надеются, что будут вознаграждены в следующем счастливом перерождении, но, не понимая ценности «непротекающих» заслуг и добродетели, не совершают ничего, дающего их. В «Лотосовой сутре» говорится: «Лучше миг посидеть в медитации, чем воздвигнуть столько ступ семи сокровищам, сколько песчинок в Ганге». Ибо этот метод сидения в медитации позволяет нам искоренить наши страсти и обрести покой сознания и тела, ведущий к окончательному постижению сущностной природы и освобождению от рождения и смерти. Миг – это мгновение (*кшана*)²⁰¹. Если человек очищает свое сознание и

²⁰⁰ Мирская причина, или асрава на санскрите, что означает «просачивающаяся» причина, внутри потока страстей, в отличие от анасрава, вне потока страстей, когда нет истечения или просачивания.

²⁰¹ Кшана – кратчайший отрезок времени, тогда как кальпа

обращает источник света внутрь себя, то миг медитации, даже если не приведет непосредственно к пробуждению, заронит правильную причину²⁰², и день успеха обязательно наступит. Если его практика эффективна, буддой можно стать и в один миг. Поэтому Ананда говорит в «Шурангама-сутре»: «Дхармакаю можно обрести и без длительного монашества».

Однако люди, как правило, живут среди страстей, радости и гнева, обретений и потерь, пяти желаний²⁰³, в погоне за удовольствиями и наслаждениями. Все это становится невидимым и неслышным, стоит только войти в зал чань, где шесть чувств отступают как шесть (уязвимых) частей тела черной черепахи, втягивающей их под свой панцирь, и ничто вас здесь не потревожит. Это способ совершенствования в недеянии и способ «непротекания». Поэтому заслуги от возведения стольких ступ семи сокровищ, сколько песчинок в Ганге, не сравнимы с заслугами, которые дает миг сидячей медитации. Аналогия с черной черепахой взята из рассказа о питавшемся рыбой тюлене. Он подплыл к берегу, чтобы поймать черепаху. Увидев, что на нее собираются напасть, черепаха втянула голову, хвост и ноги под свой панцирь, и тюленю было не за что схватить ее, как он ни старался. Потому пришлось отпустить черепаху во-свояси²⁰⁴.

– самый длинный. 60 кшан равняются одному щелчку пальцами, 90 – мысли, а 4500 – минуте.

²⁰² Правильная причина, истинная, в отличие от содействующей причины.

²⁰³ Пять желаний берут начало в объектах пяти чувств, вещах и явлениях, которые можно видеть, слышать, ощущать на запах и вкус и осязать.

²⁰⁴ Эта притча часто используется в буддийских писаниях в

Наша жизнь проходит в мире, где те, у кого нет денег, как проклятые добывают пропитание и одежду, а те, у кого деньги есть, в погоне за удовольствиями не могут вырваться из плена своих страстей. Всех нас словно бы кусает тюлень. Когда понимаешь вред этого, берешь под контроль шесть чувств и обращаешь источник света внутрь себя, и тогда можно в смерти обрести жизнь. Два дня назад я рассказывал о методе нашей школы, это метод хранящего ока, метод сознания Татхагаты, это основа освобождения от рождения и смерти. Что касается других врат дхармы, таких как толкование сутр, несмотря на то что нацелены на пробуждение веры и понимания, они являются по большей части листьями и ветвями²⁰⁵, не приближая к совершенному пониманию. Если хочешь посредством толкования сутр достичь освобождения от рождения и смерти, все равно надо еще пройти через практику и собственное засвидетельствование, а это очень трудно. Поэтому тех, кто достиг моментального полного просветления и обрел трансцендентальные способности посредством толкования сутр или следуя другими вратами дхармы, значительно меньше, чем в школе чань, так как в нашей школе «непостижимыми приемами» владели не только монахи и упасаки, но и среди монахинь были великие таланты.

качестве совета затворить шесть ворот наших чувств, чтобы отстраниться от внешнего окружения.

²⁰⁵ Букв. листья и ветви в литературных формах, т. е. вспомогательные средства, не являющиеся основополагающими в практическом осознании реального. С другой стороны, школа чань нацелена на непосредственное обращение к природе будды, которой наделены все живые существа, и моментальное постижение сознания, ведущее к обретению буддовости.

Некогда учитель Гуань-си, который был учеником Линь-цзи, несмотря на многолетнее наставничество Линь-цзи, все еще не достиг окончательного пробуждения, и тогда он отправился в другие места. Когда он прибыл в женский монастырь на горе Мошань, младшая монашка доложила о его прибытии чаньской бхикшуни Мо-шань, которая послала к нему служительницу с вопросом: «Почтенный учитель, явились ли вы сюда полюбоваться горами или ради изучения дхармы Будды?» Гуань-си пришлось признать, что он пришел ради изучения дхармы Будды. Мо-шань сказала: «Если вы пришли ради дхармы Будды, то здесь существуют те же правила битья в барабан и занятия почетного места». Когда она взошла на свое место, Гуань-си только поклонился, а колени не преклонил. Мо-шань спросила: «Какое место вы покинули сегодня?» Он ответил: «Въезд на дорогу». Она спросила его: «Почему же вы не охватили их?» Гуань-си не смог ответить и встал на колени, чтобы выразить почтение, спросив: «Какова Мо-шань?» Она ответила: «Макушка не видна»²⁰⁶. Он спросил: «Каков хозяин горы Мо-шань?» Она ответила: «Не мужчина и не женщина». Он прокричал: «Почему же он не превращается?» Она спросила в ответ: «Не бес и не дух – во что же ему превращаться?» Он не смог ответить и признал ее авторитет. Он прожил там садовником в течение трех лет и впоследствии обрел окончательное просветление.

Гуань-си в зале чань говорил своим ученикам: «У моего отца, Линь-цзи, я получил полполовника, а у матери, Мо-шань, еще полполовника, то есть мне достался полный половник, и по сей день я не чувствую голода». Таким образом, хотя Гуань-си и был учеником Линь-цзи, он стал также и преемником дхармы Мо-

²⁰⁶ Мо-шань – буквально кончик/верхушка горы.

шань. Таким образом, среди монахинь тоже встречались незаурядные таланты с потрясающими способностями. Здесь также много монахинь: почему бы им не обнаружить свои способности, чтобы раскрыть правильную дхарму. Следует понимать, что в дхарме Будды все равны, и от нас всех требуется только приложить усилия и не отступать, дабы не упустить эту судьбоносную возможность.

Древние говорили:

За сто лет, или тридцать шесть тысяч
дней,
Не найдется спокойного момента, чтобы
отбросить ум и тело.

В течение бесчисленных кальп мы плыли по морю рождений и смертей, потому лишь, что ни разу не пожелали отбросить тело и ум, чтобы заниматься совершенствованием в чистоте и покое, и так мы вращаемся в колесе перевоплощений без шанса на освобождение. Поэтому всем нам следует отбросить и тело, и ум и немного посидеть в медитации с надеждой, что дно бочонка с (черным) лаком вылетит и мы вместе познаем на собственном опыте не-рожденность²⁰⁷.

Второй день второй чаньской семидневки

Сегодня второй день второй чаньской семидневки. За этот краткий промежуток времени с каждым днем

²⁰⁷ На языке чань неведение символизирует густой черный лак, помещенный в деревянный бочонок, так как через него невозможно что-либо увидеть. Чаньская практика приводит к тому, что дно бочонка отлетает, тем самым освобождая его от черного лака, т. е. избавляя сознание от заблуждений. Это тот самый момент, когда воспринимается реальность.

здесь становится все больше и больше участников, отсюда видно, что люди в Шанхае искренне привержены добру и добродетели. И еще очевиднее, что все люди не любят суеты и стремятся к покою, что все хотят избежать страданий и найти счастье. Вообще говоря, в этом мире больше страданий, чем счастья, и, поскольку время бежит очень быстро, короткий отрезок в несколько десятилетий промелькнет за одно мгновение. Даже если кто-то сможет прожить 800 лет, как Пэн-цзу²⁰⁸, то и этот промежуток времени очень короток с точки зрения Дхармы Будды. А если посмотреть на мирских людей, то они редко и до семидесяти лет доживают. Так как вы и я знаем, что ничто не стоит привязанности в этом преходящем мире, иллюзорном и изменчивом, мы пришли на эту чаньскую семидневку, несомненно, благодаря благим корням в прошлых воплощениях.

Но методы совершенствования требуют целеустремленного сознания. В прошлом все будды и бодхисаттвы без исключения достигали успеха только после кальп практики совершенствования. В главе «Шурангама-сутры» о полном просветлении Авалокитешвары говорится: «Я помню, что задолго до того, как миновало такое же несчетное число кальп, сколько песчинок в Ганге, в этом мире появился будда по имени Авалокитешвара. В то время я развивал у себя сознание бодхи и для своего вступления в самадхи получил от него наставление практиковать совершенствование через свой слух». Отсюда видно, что бодхисаттва Авалокитешвара добился успеха не за день и не за два. В то же время он ясно говорит нам о своем методе. Он первый из двадцати пяти достигших полного просветления, и его метод заключался в работе над слухом, что позволило

²⁰⁸ Китайский Мафусаил.

ему довести эту чувственную способность до совершенства, ведущего к самадхи. Самадхи – это состояние правильной концентрации на словах, поэтому он продолжает:

(I) Вначале, путем направления слуха
В поток (медитации), слух отстранился
от слышимого.

Этот метод заключается в том, чтобы обратить слух внутрь и услышать сущностную природу, не позволяя шести чувствам блуждать в шести видах пыли (внешних объектах). Это и есть включение шести чувств в природу Дхармы²⁰⁹. Поэтому он продолжает:

(II) Когда поток стал беззвучным,
Оба состояния – и движение, и покой
Больше не порождались.

Далее он говорит:

(III) Так, в постепенном продвижении,
И слух, и слышимое исчерпались;
Но после их исчерпания я не остановился.

Он имеет в виду то, что мы в нашей практике не должны останавливаться на обращении слуха внутрь, но предлагает постепенно продвигаться вперед и делать дальнейшие усилия для достижения:

(IV) Осознал, что осознаваемое пусто,
А пустое осознание совершенно,
Пустота и опустошаемое исчезли,
Когда рождение и исчезновение исчезли,
Обнаружилась нирвана.

²⁰⁹ Дхармата на санскрите. То есть природа, лежащая в основе всех вещей, бхутататхата.

Это состояние – результат практики обращения слуха внутрь, чтобы услышать сущностную природу, и после того как постигается, что все формы возникновения и уничтожения нереальны, истинное сознание обнаруживает себя. Об этом и говорится: «Когда безумный ум остановлен, это и есть бодхи». После достижения этого состояния бодхисаттва Авалокитешвара сказал: «Внезапно выйдя за пределы и мирского и надмирного, в совершенстве всех десяти направлений (полное просветление) я обрел два непревзойденных. Первое – в единении вверху с изначальным чудесным просветленным сознанием всех будд ту же силу сострадания, что и Татхагата. Второе – в единении внизу со всеми живыми существами в шести сферах существования ту же мольбу о сострадании²¹⁰, что и у всех живых существ».

Изучая сегодня буддийскую доктрину для практики совершенствования, мы также должны прежде всего преуспеть в своей практике, освободившись от таких пороков нашей сущностной природы, как жадность, гнев, глупость и гордыня, и восприняв изначально чистое и ясное чудесное просветленное истинное сознание. Только тогда сможем мы вверху действовать ради спасения внизу, как это делал бодхисаттва Авалокитешвара, обладавший способностью являться в тридцати двух различных формах, пригодных для освобождения соответствующих индивидов, и только тогда мы обретем силу. Поэтому бодхисаттва Авалокитешвара является в этом мире в виде мальчика или девочки, но мирские люди не понимают, что он уже стал буддой и что он ни «мужчина», ни «женщина», ни «я», ни «другой», но является в каждом конкретном случае в соответствии с ситуацией каждого живого существа. Когда

²¹⁰ Поскольку более нет отделенности.

мирские люди слышат имя этого бодхисаттвы и преисполняются преданности и почтения, то это исключительно благодаря тому, что в прошлых жизнях они повторяли его имя, так что теперь в них проросли семена, ранее посеянные на ниве их сознания-хранилища (*алая-виджняны*). Поэтому в сутре и говорится:

Как только войдет через слух,
Семя Дао посеяно навеки.

Сегодня мы пришли сюда ради своего благоухания и совершенствования и должны полагаться на дхарму высочайшей колесницы, практиковавшейся и испытанной на опыте всеми буддами и бодхисаттвами. Этот способ заключается в ясном постижении изначального чудесного просветленного сознания, т. е. в том, чтобы узреть Природу и стать буддой. Если сознание не постигнуто, буддой стать невозможно. Для того чтобы ясно постигнуть сознание, мы должны начать с того, чтобы творить добро. Если каждый день с утра до вечера мы будем делать только добро и воздерживаться от совершения зла, то будет копиться благое, и если вдобавок мы будем постоянно удерживать *хуатоу*, не порождая не единой мысли, то мгновенно станем буддой. Дорогие друзья, пожалуйста, используйте время с пользой, не давайте возникать разным мыслям в сознании, вызовите в нем хуатоу и занимайтесь.

Третий день второй чаньской семидневки

Сегодня третий день второй чаньской семидневки. Те, кто уже хорошо знаком с этой практикой, могут контролировать свой ум и в движении, и в покое. Для них нет разницы между первой и второй неделями или между вторым и третьим днем. Но те, кто только начинает,

должны стремиться продвигаться в практике, к которой им следует отнестись с полным прилежанием, не растрачивая попусту время. Сейчас я расскажу вам еще одну притчу и надеюсь, что начинающие выслушают ее внимательно.

В каждом чаньском зале есть (статуя) бодхисаттвы, называемая «святой монах». Он был двоюродным братом Татхагаты Шакьямуни и звали его Арья Аджнята-Каундинья. Когда достославнейший покинул свой дом, его отец направил трех родственников по отцовской линии и двух по материнской линии сопровождать его и присматривать за ним в Гималаях. Этот двоюродный брат был одним из двух родственников с материнской стороны. После того как Почитаемый миром достиг просветления, он отправился в парк Мригадава, где изложил четыре благородные истины и где его кузен стал первым учеником, пробудившимся к истине. Этот кузен стал также одним из его великих учеников и первым, кто оставил родной дом. Поэтому-то его и называют «святым монахом» или «главой санхги». Его метод самосовершенствования ясно описан в «Шурангама-сутре»:

«После того как я достиг просветления, в парке Мригадава я провозгласил Аджнята-Каундинье и остальным пяти бхикшу, а также и вам, четверем варгам²¹¹, что все живые существа не могут осознать бодхи и стать архатом, потому что введены в заблуждение инородной пылью²¹², которая порождает страдания.

²¹¹ Четыре варги, группы или общины, т. е. бхикшу, бхикшуни, упасака и упасика.

²¹² Инородная пыль – гуна на санскрите, мелкие частицы; молекулы, атомы, выдыхаемые выделения; элемент или вещество, которое рассматривается как загрязняющее; активный условный принцип в природе, мельчайший, трудноуловимый и яв-

Что же в то время вызвало ваше пробуждение, приведя вас к нынешнему обретению священного плода?»²¹³

Здесь Будда говорит о причине нашей неспособности осознать бодхи и стать архатом и вопрошает, благодаря каким методам его великие ученики, присутствовавшие в собрании, быстро достигли просветления. В то время только Аджнята-Каундинья знал этот метод, поэтому он поднялся со своего места и ответил Почитаемому миром: «Я сейчас старший в этом собрании и единственный, кто освоил искусство разъяснения благодаря моему пробуждению к смыслу слов «инородная пыль», которое привело меня к обретению священного плода». Сказав это, он дал следующее разъяснение (этих двух слов) Почитаемому миром: «Почитаемый миром, возьмем, например, гостя, который останавливается на постоялом дворе, проводит там ночь или обедает, а закончив с этим, собирает свои вещи и продолжает путешествие, не задерживаясь надолго. Что касается хозяина постоялого двора, ему куда идти не надо. Если мыслить по аналогии: то, что не остается, – гость (инородное), а то, что остается, – хозяин. Следовательно, „инородно“ то, что не остается. Это также подобно заре. Когда в чистом небе восходит солнце и через окна проникает солнечный свет, тогда видно, как в лучах движется пыль, а пустое пространство – неподвижно. Если мыслить по аналогии: то, что покоится, – пустота, а то, что движется, – пыль».

Как же доходчиво он объяснил эти два слова «хозяин» и «гость»! Но вы должны понимать, что эта метафора показывает, как нам нужно приступать к практике.

ляющийся загрязняющим по отношению к чистому сознанию; все нечистое.

²¹³ Плод праведной жизни, т. е. бодхи, нирвана.

Другими словами, истинное сознание – это хозяин, который по сути своей недвижим, движется гость, а именно заблуждающееся мышление, подобное пыли. Пылинки очень маленькие, когда они кружатся в воздухе, то становятся видимыми только в лучах солнца, проникающих через дверь или окно. То есть заблуждающееся мышление внутри нашего сознания при обычном процессе мышления не воспринимается как таковое. Разнородные мысли становятся различимыми только в чистоте и покое сидячей медитации во время практики. В потоке бесконечного появления и исчезновения разнородных мыслей и в водовороте заблуждающегося мышления, если практика неэффективна, не получится стать хозяином, и поэтому не получится достичь просветления в волнах океана рождения и смерти, в котором вы ныне носите фамилию Чжан, а в следующей жизни – Ли. Так же как гость, который останавливается на постоялом дворе на ночь, но не может остаться там навечно. Однако истинное сознание не таково: оно постоянно и недвижимо, не приходя и не уходя, не рождаясь и не умирая, являясь поэтому «хозяином». Этот хозяин подобен неизменной пустотности, в которой кружится пыль. Оно также сравнимо с хозяином постоянного двора, который постоянно живет в нем, поскольку ему никуда не надо идти. Пыль – это метафора страстей, и она может быть полностью уничтожена только тогда, когда вы достигнете ступени бодхисаттвы. Заблуждающееся – это смута заблуждений. Существуют восемьдесят восемь видов иллюзорных представлений и восемьдесят один вид иллюзорных мыслей. Эти представления и мысли происходят из пяти глупых соблазнов²¹⁴ и совершенствующиеся должны искоренить их

²¹⁴ Пять глупых соблазнов, или панча-клеш на санскрите, т.

все, для того чтобы достичь первой ступени архата (*шрота-апанна*)²¹⁵. Но этот этап практики невероятно труден, так как отсечь иллюзорные представления все равно что прервать течение реки длиной в сорок *ли*. Очевидно, что для практики нам нужен огромный запас сил. Архатства можно достичь, только оборвав все иллюзорные мысли.

Эта практика – процесс постепенный. Мы сейчас полагаемся на *хуатоу*, которое должно оставаться ярким и живым, а не расплываться, и которое должно постоянно сознаваться. Все вводящие в заблуждение представления и мысли отсекаются одним ударом, оставляя после себя только совершенно безоблачное голубое небо с ярко сияющим солнцем, т. е. с проявленным светом сущностной природы. Этот арья²¹⁶, пробудившись к этой истине, познал изначального хозяина. Первый шаг в нашей практике сегодня – уяснить тот факт, что инородная пыль (гость) движется, а хозяин – недвижим. Если это не понято, за практику взяться невозможно, это будет пустая трата времени, как и раньше. Надеюсь, что вы все отнесетесь с большим вниманием к сказанному.

Четвертый день второй чаньской семидневки

И на протяжении сотен, тысяч и десятков тысяч кальп очень трудно встретить непревзойденную сокровенную дхарму, а нынешняя чаньская семидневка в мо-

е. пять притупляющих, неразумных факторов: желание, гнев или негодование, глупость или дурость, высокомерие и сомнение.

²¹⁵ Тот, кто вступил в поток святой жизни или кто движется против потока перевоплощений; первая ступень архата.

²¹⁶ Имеется в виду Аджняна-Каундинья.

настыре Нефритового Будды поистине относится к непревзойденным содействующим причинам. Верующие миряне, мужчины и женщины, прибывают со всех концов страны во все возрастающем количестве, чтобы принять участие в этой встрече и взрастить непосредственную причину к тому, чтобы стать буддой. Можно сказать, насколько редка подобная возможность. Будда Шакьямуни говорит в «Лотосовой сутре»:

Если люди в рассеянном и смятенном
сознании,
Войдя в ступу или храм,
Воскликнут: «Намо буддая!»,
Все они станут буддами.

Люди проживают отпущенные им несколько десятков лет, не замечая, как проходит время. Те, у кого есть деньги, гонятся за вином, сексом и преуспеванием. Те, у кого денег нет, зарабатывают на одежду, еду, жилье и транспорт. Редко им выпадает миг отдыха и покоя, это поистине невыразимые страдания. Но если таким людям случается войти в буддийский храм, их сердце радуется его тишине и торжественности. Кто-то, увидя статуи будд и бодхисаттв, непроизвольно повторяет имя будды; кто-то, проникшись покоем и ясностью, охватившим сознание, воздает хвалу блаженству Татхагаты, которое встречается так редко. Все это благодаря благим корням в прошлых воплощениях, из-за чего в будущем они должны стать буддой. Но обычно глаза людей готовы видеть только красавиц, уши – слышать только песни и музыку, а уста хотят вкушать только сочные блюда и редкие деликатесы, что загрязняет их ум, а это загрязнение и есть рассеянное и смятенное сознание, сознание рождения и смерти, сознание пустоты и заблуждения. И вот, оказавшись в ступе или хра-

ме, человек получает возможность произнести имя будды, это и есть пробужденное сознание, чистое сознание и семя бодхи, ведущее к буддовости. Санскритское слово «будда» означает просветленный, т. е. тот, кто осознал все и более не заблуждается. Когда сущностная природа чиста и ясна, человек обладает пробужденным сознанием.

Сегодня мы пришли сюда не ради славы и богатства, это также действие силы пробуждения. Однако есть много таких, кто слышал о неделе чань, но не понимает ее значения. Из любопытства они пришли посмотреть, что здесь такого интересного происходит, и это не высочайшее сознание. Сейчас, когда вы здесь, вы подобны тем, кто прибыл к горе с драгоценными камнями, – нельзя возвращаться с пустыми руками. Вы должны развивать у себя высочайшее сознание Татхагаты и сидеть в медитации в течение времени, уходящего на сгорание благовонной палочки, для того чтобы посеять непосредственную причину того, чтобы стать буддой, и впоследствии им стать.

Некогда у Будды Шакьямуни был ученик по имени Субхадра²¹⁷. Он был очень беден и остался совершенно один без чьей-либо поддержки. В горе и тоске он собирался последовать за Буддой и стать монахом. Однажды он отправился к Почитаемому миром, но случилось так, что его не оказалось на месте. После того как великие ученики Будды бросили взгляд на прошлые воплощения Субхадры, чтобы определить, можно ли найти в них какую-либо соответствующую причину, они не обнаружили за последние 80 тысяч кальп благих корней и запретили ему оставаться, отослав обратно. В невероятных страданиях Субхадра добрался до городской

²¹⁷ Последний обращенный Будды, 120-летний брахман.

стены и решил, что раз его карма настолько плоха, то лучше разбить голову о стену, и уже собирался покончить с собой, когда вдруг подошел Почитаемый миром и спросил его, в чем дело. Субхадра рассказал свою историю Почитаемому миром, и тот принял его в ученики. Они вернулись вместе, а семь дней спустя Субхадра достиг архатства. Великие ученики, не понимая, в чем причина успеха Субхадры, спросили об этом Почитаемого миром.

Почитаемый миром сказал: «Вы знаете только то, что произошло за последние 80 тысяч калп, но Субхадра уже до этого взрастил благие корни. Тогда он был тоже очень беден и зарабатывал на жизнь собиранием дров. Однажды он встретил в горах тигра, убежать было некуда, и он спешно залез на дерево. Тигр, увидев его на дереве, начал грызть ствол, чтобы свалить дерево. В решающий миг, когда спасения ждать было неоткуда, он внезапно подумал о великом просветленном Будде, который обладает силой сострадания и может спасти всех страждущих. Вслед за чем он прокричал: «Намо буддая! Явись скорей, чтобы меня спасти!» Услышав крик, тигр ретировался, не причинив ему вреда. Субхадра тем самым посеял непосредственную причину буддовости, которая сегодня созрела, отсюда и обретение им ступени архата». Услышав этот рассказ, все великие ученики порадовались и воздали хвалу.

Сегодня мы встретились с вами благодаря благоприятной судьбе, и если сможем просидеть в медитации в течение времени сгорания благовонной палочки, благая карма возрастет во много раз. Ни в коем случае не относитесь к медитации как к детской забаве. Если вы пришли сюда за развлечением, то просто упустите очень хорошую возможность.

Пятый день второй чаньской семидневки

Те из вас, чье сознание преисполнено глубокой веры, конечно, прилежно практикуют в этом зале. Старшие в группах, разумеется, уже достигли совершенства в практике, но следует понимать, как в этом совершенстве происходит взаимодействие, надо всесторонне исследовать его, в гармоничном соединении активного проявления (феномена) и принципа (ноумена), в беспрепятственности покоя и движения. Не надо сидеть как вкопанные, не надо погружаться в пустоту и привязываться к тишине, всячески стремясь к состоянию покоя. Со стремлением к состоянию покоя не будет взаимодействия и взаимопомощи разных аспектов. Они подобны рыбе в стоячей воде, у которой нет надежды прыгнуть во врата дракона²¹⁸, или рыбе, вмерзшей в лед. Это ни к чему не ведет.

А начинающие в этой практике должны серьезно настроиться на освобождение от рождения и смерти, им следует устыдиться, отбросить все виды причин, только тогда их практика может стать эффективной. Если они неспособны их отбросить, круг рождения и смерти никогда не прервется. Так как со времен, не имевших начала, нас вводили в заблуждение семь эмоций и шесть соблазнов²¹⁹, и теперь с утра до вечера мы живем, окруженные звуками и формами, не понимая, как вечно

²¹⁸ В Древнем Китае считалось, что некоторые рыбы, особенно карп, могут выпрыгнуть из моря и стать драконом. Метафора подразумевает, что эти медитирующие никогда не обретут освобождения.

²¹⁹ Семь эмоций: удовольствие, гнев, печаль, радость, любовь, ненависть и желание. Шесть соблазнов коренятся в цвете, форме, манере держаться, голосе или речи, мягкости или обходительности и чертах лица.

пребывать в истинном сознании, и поэтому находясь в океане страданий круговорота рождения и смерти. Так как мы теперь пробуждены к пониманию того, что все мирское – это страдание, мы можем всецело отбросить все и безотлагательно стать буддой.

Шестой день второй чаньской семидневки

Я обратил внимание, что в этом зале чань большинство участвующих мужчин и женщин – начинающие, поэтому они не понимают правил и принципов и несоблюдением дисциплины мешают медитации остальных. Однако на наше счастье почтенный настоятель очень сострадателен и делает все возможное, чтобы помочь нам исполнить нашу карму. Старшие в группах также развили у себя сознание дао, чтобы вести вас за собой и помочь вам осуществлять совершенствование должным образом. Это возможность, которая редко кому предоставляется и за десять тысяч кальп.

Следует всеми силами добиваться дальнейшего прогресса во внутреннем и внешнем совершенствовании. Внутренняя практика – это занятие одним-единственным *хуатоу*: «Кто повторяет имя будды?» или же повторение имени будды Амитабхи, не давая воли жадности, гневу и глупости и всевозможным мыслям, мешающим проявлению природы Дхармы²²⁰ Бхутататхаты.

Внешнее совершенствование – это воздержание от убийства живого и превращение десяти пороков²²¹ в

²²⁰ Природа Дхармы, или Дхармата на санскрите, – это природа, лежащая в основе всех вещей.

²²¹ Десять пороков: убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, неискренность, грубость, непристойность, алчность, гнев и извращенные взгляды.

десять добродетелей²²². Нельзя с утра до вечера поедать мясо и употреблять алкоголь, чтобы не породить греховную карму непрерывных страданий. Следует понимать, что семя будды возникает из причинной обусловленности, что за свершением множества кармически порочных деяний неизбежно следует падение в ад, а преумножение кармически добрых – вознаграждается благополучием, которое дается нам естественным образом. Потому древние учили: «Не совершайте ничего дурного, всегда творите добро». Вы уже знаете причины убийства членов рода Шакья Вирудхакой и понимаете закон причинности. Бедствия и ужасные беззакония, с которыми люди сталкиваются по всему миру в настоящее время, – это воздаяние. Постоянно призывайте мирских людей воздерживаться от убийства живых существ и выпускать на свободу живые создания, соблюдать посты и повторять имя Будды, с тем чтобы каждый мог вырваться из вращающегося колеса причин и следствий.

Вам всем надо верить и взращивать благие причины, чтобы получить «плод будды».

Седьмой день второй чаньской семидневки

Эфемерная жизнь словно сон,
Субстанция иллюзий не прочна.
Не полагаясь на сострадание нашего
Будды,
Как можно пройти по пути, ведущему
ввысь?

Эту жизнь, подобную сну и иллюзиям, мы прожива-

²²² Десять добродетелей определяются как несовершенство десяти пороков.

ем кое-как, не понимая величия Будды и не думая о том, как вырваться из сферы рождения и смерти, в полной зависимости от своих добрых и дурных поступков, принимая воздаяние сообразно карме. Вот почему в этом мире творят добро немногие, а большинство творит дурное; лишь немногие богаты и благородны, а большинство бедны и низкого происхождения. В шести мирах существования встречаются всевозможные страдания, одни существа рождаются утром, а к вечеру уже умирают, некоторые живут лишь несколько лет, а другие – долгие годы, но все они не хозяева своей жизни. Поэтому следует полагаться на сострадание Будды, если мы хотим найти выход, поскольку будды и бодхисаттвы обладают силой данных ими обетов доброты, сострадания, сорадования и самоотречения и могут спасти из океана страданий и помочь добраться до светлого «другого берега». Доброта и сострадание в том, что при виде живых существ, испытывающих страдания, они стремятся освободить их, с тем чтобы те избавились от страданий и обрели счастье. Сорадование и самоотречение в том, что они радуются и воздают хвалу живым существам, совершающим приносящие заслуги поступки или вызывающим в своем сознании мысли о доброте, а также в том, что они удовлетворяют все просьбы о нуждах страждущих. Когда Почитаемый миром практиковал совершенствование, поднимаясь над причинным основанием, он осуществлял дао бодхисаттв, не щадя своей головы, мозга, костей и костного мозга. Вот почему он говорил: «Во всей Вселенной не найдется клочка земли, даже столь малого, как горчичное зерно, на котором я не пожертвовал своей жизнью или не захоронил свои кости». Сегодня все вы должны прилежно всматриваться в *хуатоу*, а не тратить время попусту.

Завершающий день

Дорогие друзья, я поздравляю всех вас с завершением этих двух чаньских семидневок. Закончена практика, дающая заслуги, совсем скоро последует роспуск семидневки и пришла пора всех вас поздравить. Что касается древних, у них не было никакого специального завершения или роспуска семидневки, срок определялся непрерывным удерживанием *хуатоу* до просветления. В настоящий момент независимо от того, пробудились вы или нет, мы будем действовать в соответствии с правилами. В течение этого времени, без различения дня и ночи, целью всех было пробуждение и воспитание талантов, способных распространять буддийское учение. Если вы растратили время впустую, то упустили поистине великую возможность.

Сейчас настоятель и старшие в группах, в соответствии с древними правилами, подвергнут экзамену результаты вашей практики. Надеюсь, что вы не будете говорить необдуманно: следует в присутствии остальных подвести одной фразой итог вашей практике, настоятель удостоверит ее. Древние говорили:

Совершенствование длится три великие
*асанкхьи*²²³,
А просветление происходит в один миг.

Если практика эффективна, просветление наступает за один щелчок пальцами.

Некогда у чаньского учителя Хуй-цзюэ с горы Ланъя была ученица, которая пришла к нему за наставлением.

²²³ Букв. три великие асанкхьи: бессчетные кальпы. Три периода достижения бодхисаттвой буддовости.

Учитель велел ей заниматься фразой: «Пусть все идет своим чередом». Она строго следовала его наставлению, не допуская никаких отступлений. Однажды в ее доме начался пожар, но она сказала: «Пусть все идет своим чередом». В другой день ее сын упал в воду, и когда ее позвали, она сказала: «Пусть все идет своим чередом». Она в точности выполняла наставление, отбросив все причинные мысли. Однажды, когда ее муж развел огонь, чтобы приготовить пончики из скрученного теста, она бросила в полную кипящего растительного масла кастрюлю кусок теста, при этом раздался резкий звук, и она мгновенно просветлела. Она тут же опрокинула кастрюлю с маслом на пол и засмеялась, хлопав в ладоши. Решив, что она обезумела, муж стал ее бранить: «Что ты делаешь? С ума сошла?» Она ответила: «Пусть все идет своим чередом». И отправилась к учителю Хуй-цзюэ, чтобы он удостоверил ее опыт. Учитель подтвердил, что она обрела «священный плод».

Дорогие друзья, пусть те из вас, кто уже пробудился, выступят вперед и скажут нам свою фразу. (После того как в течение продолжительного времени никто не осмелился ответить, учитель Суй-юнь покинул зал. Затем почтенный учитель дхармы Ин-цы начал спрашивать, и когда все закончилось и отзвучали все фразы, Суй-юнь вернулся в зал и начал давать наставление.)

В этом мире клубящейся мирской пыли, в суете шумного города, разве легко найти время и желание, чтобы прийти сюда для медитации и удержания *хуатоу*? Лишь благодаря вашим глубоким и прочным благим корням, шанхайцы, в сочетании с расцветом дхармы Будды и непревзойденной содействующей причиной, вы получили эту великую возможность.

В китайском буддийском учении с давних времен и по сей день есть школы сутр, винаи, Чистой Земли и

мантр. Строгое сравнение этих школ и школы чань показывает превосходство метода последней. Я уже говорил об этом, но ввиду нынешнего упадка дхармы Будды талантов сейчас не отыскать. В былые дни, во время своих долгих путешествий пешком, я останавливался в различных монастырях, но то, что я вижу сейчас, еще дальше от тех дней. Мне, конечно, стыдно, что я совсем ничего не знаю, но сострадание настоятеля и общая любезность выдвинули меня для проведения этой встречи. Следовало бы доверить эту задачу почтенному учителю дхармы Ин-цы, поистине сведущему в области чань и умудренному опытом и годами, а не мне, уже ни на что не годному. Надеюсь, что все вы будете неуклонно продвигаться вперед, а не отступать назад.

Патриарх Гуй-шань сказал: «Достойно сожаления, что мы родились в конце периода „образа“, спустя столько лет после истечения священного периода, когда на дхарму Будды не обращают внимания и люди нерадивы²²⁴». Порассуждаю немного, чтобы потомки поняли меня. Дхармовое имя Гуй-шаня²²⁵ было Лин-ю, он был уроженцем провинции Фуцзянь и благодаря наставлениям патриарха Бай-чжана постиг сознание. Дхута Сыма заметил, что гора Гуйшань в провинции Хунань обладает благотворным влиянием, и она стала местом жительства 1500 сведущих людей. В то время Гуй-шань был служителем в монастыре Бай-чжана, а дхута Сыма

224 Три периода буддизма: (1) период святых, верного или подлинного учения Будды, продолжающийся 500 лет, за которым последуют (2) период «образа», или «подобия», длящийся 1000 лет, и (3) период упадка и угасания продолжительностью в 3 000 или, как считают некоторые, в 10 000 лет, после которого явится будда Майтрея и вернет все к первому периоду.

225 В знак почтения учителя Лин-ю прозвали Гуй-шань по наименованию горы.

при встрече признал его подлинным хозяином горы и пригласил отправиться туда и основать монастырь. Гуйшань жил при династии Тан (618–906), когда дхарма Будды находилась уже в конце периода «образа», поэтому он сожалел, что не родился ранее, так как в его время дхарму Будды понять было уже нелегко, а живые существа постепенно утрачивали веру, не желая прилагать усилий в совершенствовании и изучении, лишая тем самым себя надежды на обретение «плода Будды». Со времен Гуйшаня минуло свыше тысячи лет, и прошел не только период «образа», но и более 900 лет нынешнего периода угасания. Мирских людей с благими корнями сейчас поубавилось во много раз. Вот почему людей, верящих в дхарму Будды, много, а действительно пробужденных к Дао очень мало.

Сейчас я хочу сравнить обстоятельства своей собственной жизни с условиями жизни тех, кто изучает дхарму Будды в настоящее время, когда это гораздо удобнее. При правлении Сянь-фэна (1851–1861) и Тунчжи (1862–1874) были разрушены все монастыри в районе к югу от трех рек, кроме монастыря Тянь-тун. Во время тайпинского восстания (1850–1864) монахи с гор Чжуннань пришли на юг, чтобы восстановить их. Все, что у них с собой было, это тыквы-горлянки для воды и бамбуковые шляпы от дождя – ничего лишнего. Постепенно дхарма Будды снова стала расцветать, и монахи начали носить свои пожитки на плече в свертке на палке. Теперь даже чемоданы носят, но правильному исполнению дхармы не уделяют внимания. Когда-то чаньским монахам, желавшим посетить различные монастыри, приходилось путешествовать пешком. Теперь они могут поехать на поезде, автомобиле, поплыть на пароходе и полететь на самолете, что избавляет от всех тягот пути, но способствует тому, что они находят

все большее удовольствие в потакании своим прихотям и удобствах. Нынче, несмотря на все увеличивающееся количество буддийских институтов и учителей дхармы, не уделяют внимания коренным вопросам, с утра до вечера ищут знаний и разъяснений, а не совершенствования и подтверждения²²⁶, не понимая, что метод совершенствования и подтверждения – это корень разрешения проблем.

Юн-цзя в «Песне подтверждения Дао» говорит:

Стоит обрести корень, и не к чему заботиться о вершках.

Как драгоценная луна в прозрачном стекле²²⁷.

Увы! Во время упадка дхармы в этом мире зла

Живым существам с несчастной судьбой трудно учиться.

Святые уже далеко позади, извращенные взгляды проникли глубоко.

Когда демоны сильны, а дхарма слаба, много обид и вреда.

Услышав о мгновенных вратах дхармы Татхагаты,

Сокрушаются о том, что не устранили и не разбили вдребезги.

Проявляется в сознании, скрывается в теле —

Не следует роптать и упрекать и тем более винить людей.

Если хотите избежать нескончаемой кармы,

Не клеветайте на колесо дхармы Татхагаты.

²²⁶ На собственном опыте.

²²⁷ Ничем не загрязненная сущность, свет которой одинаково прекрасен и внутри сосуда и снаружи.

Я с молодых лет копил познания,
Вчитывался в сутры и комментарии,
Неустанно проводя различия между на-
именованием и формой,
Как тот, кто понапрасну пересчитывает
песчинки в океане,
Но получил строгое порицание от Татха-
гаты, —
Какой толк в счете чужих драгоценно-
стей!

Юн-цзя пришел к шестому патриарху за наставле-
нием и полностью просветлел. Патриарх назвал его
«Просветленным за одну ночь». Поэтому древние гово-
рили: «Искать истину в сутрах и шастрах все равно что
выйти в море, чтобы сосчитать в нем песчинки».

Приемы чаньской школы подобны драгоценному
мечу царя Ваджры, рассекающему все, чего он касает-
ся, и разрушающему все, что попадает на его острие.
Это непревзойденные врата дхармы, в которых стано-
вишься буддой тут же. В качестве примера расскажу
вам о чаньском учителе Шэнь-цзане, который много пу-
тешествовал пешком, когда был молод, и стал просвет-
ленным, получив личное наставление патриарха Бай-
чжана. После просветления он вернулся к своему преж-
нему учителю, и тот спросил его: «После того как ты по-
кинул меня, что ты обрел в других местах?» Шэнь-цзань
ответил: «Я не обрел ничего». Тогда учитель велел ему
продолжать у него служить. Однажды, когда прежний
учитель мылся и велел потереть ему спину, Шэнь-
цзань, похлопав его по спине, сказал: «Хорошее место
для зала Будды, но Будда – не святой». Его учитель, не
поняв этого указания, обернулся и посмотрел на учени-
ка, который сказал вдобавок: «Хотя Будда и не святой,
но может испускать свет». В другой раз, когда его учи-
тель читал у окна сутру, об оконную бумагу ударились

пчела, пытавшаяся выбраться наружу. Шэнь-цзань, увидев ее, сказал: «Вселенная такая огромная, а ты не хочешь выбраться. Если ты собираешься пробиться сквозь старую бумагу, то выберешься в год осла!»²²⁸ Сказав это, он продекламировал гатху:

Она не желает выбраться через откры-
тую дверь
И бестолково бьется об окно.
Чтобы пробить старую бумагу, потребу-
ется сто лет,
О, когда же ей удастся выбраться?

Решив, что Шэнь-цзань насмехается над ним, учитель, отложив в сторону свою сутру, спросил: «Ты отсутствовал так долго, кого ты встречал и что узнал, что стал таким разговорчивым?» Шэнь-цзань ответил: «Простившись с вами, я присоединился к общине Байчжана, где получил от учителя Байчжана указание, как останавливать (мышление и разграничивание). Поскольку вы уже стары, я вернулся, чтобы отдать вам долг благодарности». Вслед за чем учитель поведал собранию монахов (о случившемся), велел накрыть вегетарианский стол в честь Шэнь-цзана и попросил его объяснить дхарму. Последний занял почетное место и изложил учение Байчжана:

Духовный свет сияет одиноко,
Освобождая органы чувств от мирской
пыли.
Переживание на опыте истинной вечности
Не зависит ни от одних писаний.

²²⁸ То есть никогда – нет никакого «года осла». Старая бумага – это старые сутры. Фраза означает: «Если вы хотите отыскать истину в старых сутрах, вы никогда ее не осознаете, ибо ее можно ощутить, только практикуя».

Природа сознания незагрязнена,
По сути своей совершенна.
Но избавление от ведущих к заблужде-
нию причин
Это и есть то же самое, что будда.

От этих слов его прежний учитель пробудился к истине и сказал: «Я и подумать не мог, что в свои старые годы услышу о высочайшем образце». Затем он передал Шэнь-цзаню управление монастырем и почтительно попросил последнего стать его собственным учителем.

Видите, как все легко и просто! Как же мы, проводя на этой чаньской семидневке более десяти дней, не сумели пробудиться к Дао? Все потому, что не проявляли достаточной решимости и прилежания в практике, принимая ее за детскую забаву или полагая, что все, что от нас требуется, это сидеть и медитировать в зале чань. Это совершенно неверно. Те, кто по-настоящему направляет свое сознание на практику, не разграничивают движение и покой, для них хорошо любое место, даже улица или рыночная площадь. Некогда жил один монах-«мясник», который ходил за наставлениями в разные места. Однажды он зашел на рыночную площадь и проходил мимо мясной лавки, в которой каждый покупатель настаивал на том, чтобы ему дали «чистое мясо»²²⁹. Вдруг мясник, разозлившись, отложил свой нож и обратился к ним: «А какой кусок мяса не чистый?» Услышав это, монах-«мясник» мгновенно просветлел²³⁰. Очевидно, что древним не требовалось медитировать в зале чань для своей практики. Сегодня ни один из вас не го-

²²⁹ Мясо наивысшего качества называется в Китае «чистым».

²³⁰ Монах-«мясник» получил свое прозвище за то, что он достиг просветления, услышав голос мясника.

ворит о пробуждении, разве это не пустая трата времени? Сейчас я прошу учителя Ин-цы и других учителей снова провести экзамен.

Слова о дхарме на роспуске семидневки

Учитель Сюй-юнь вышел из зала, учитель Ин-цы провел экзамен, а после наставления все заняли свои места. Сюй-юнь снова вошел в зал. В тишине снова отзвучали все фразы и затем были принесены чай и лепешки. Все собравшиеся встали, когда учитель Сюй-юнь в официальном одеянии снова вошел в зал и сел перед Буддой. Очертив бамбуковым посохом круг²³¹, он сказал:

Только завершилась семидневка, снова
распустилась семидневка!

Когда же все это закончится?

Когда причины прекратятся и все объек-
ты исчезнут.

Махапраджняпарамита!

Когда сознание в состоянии тишины,
сущность и функция возвращаются

Туда, где нет ни дня, ни ночи, лишь свет
совершенства!

Как разделить Юг и Север, Восток и За-
пад?

Если нет помех, видно, что все образы
обусловлены причинами.

Птицы поют, а цветы улыбаются, и луна
посетила

ручей,

Что же мне сказать, чтобы распустить
семидневку одной фразой?

231 Круг символизирует полноту дхармакаи.

«Когда бьют по доске²³², подпрыгивает
патра!

Пристально созерцайте Праджняпара-
миту!»

Роспуск.

Вскоре учителя пригласили в Ханчжоу, куда буддийские организации послали упасаку Ду Вэя встретить учителя. Прибыв туда на девятнадцатый день второго месяца, учитель остановился в храме Цзинцы, где провел собрание, посвященное дхарме, на котором несколько тысяч человек стали его учениками. Ему предложили стать настоятелем монастыря Линъинь, но он отказался по причине преклонного возраста и плохого здоровья. По приглашению настоятеля Мяо-чжэна и учителя дхармы У-ая из монастыря Линъянь учитель отправился в Сучжоу для проповеди дхармы собранию, после чего посетил Хуцю (Тигровый холм) и почтил ступу чаньского учителя Шао-луна (потомка Линь-цзи по дхарме). Прибыв туда, он обнаружил, что территория этой святыни разграблена, ступа и стелы с надписями исчезли. Он раньше посещал это святое место во времена правления под девизом Гуан-суй (1875–1909) и хорошо помнил его. Теперь то место превратилось в груды черепков и кирпичей. Учитель обсудил этот вопрос с местными влиятельными людьми, а также посоветовался с буддийскими законниками в Шанхае, которые собрали средства для восстановления ступы. Настоятелей Мяо-чжэна и Чу-гуана из Хуцю попросили заняться восстановлением, и в течение месяца все было устроено.

²³² В монастырях бьют по доске, когда зовут к столу.

По пути в Сучжоу учитель посетил храм Шоушэн в Баньтане, где отдал дань почтения ступе учителя Юань Шаньцзи. После этого он был приглашен приверженцами чаньской школы из Наньтуна посетить гору Ланшань, где провел собрание, на котором проповедовал дхарму. И там несколько тысяч человек стали его учениками. После этого собрания он вернулся в Шанхай. Произошло это в конце третьего месяца.

На четвертом месяце учитель получил телеграмму с просьбой вернуться в столицу. Там он, как и раньше, остановился в монастыре Гуанцзи, куда прибыли представители сангхи со всех частей страны. Была официально учреждена Новая Китайская буддийская ассоциация, приступившая к обсуждению и принятию нескольких важных резолюций. Когда некоторые делегаты от монахов предложили отменить установленные правила дисциплины и морали, учитель сделал им выговор и написал заявление, озаглавленное «Упадок сангхи в век конца дхармы»²³³.

После этого учитель поехал в Датун в провинции Шаньси, чтобы почтить Великого каменного будду в Юньгане. Потом он выразил желание покинуть район Пекина. Местные власти посоветовали ему отдохнуть на горе Лушань в Цзянси. На пятом месяце учитель отправился на юг со своим помощником Цзюэ-минем. Когда учитель ненадолго остановился в Ухане, настоятель Юань-чэн из монастыря Баотун попросил его провести

²³³ Согласно махаяне, Будда предсказал, что его дхарма пройдет три стадии раскрытия после его паринирваны: (1) правильный период, когда дхарма получит правильную интерпретацию как в теории, так и на практике, (2) «формальный период», когда дхарма подвергнется большей формализации и станет менее духовной, и, наконец, (3) «Век конца дхармы», когда даже формальные следы дхармы начнут исчезать.

две чаньские семидневки. После этого учитель направился к горе Лушань, где его ждал упасака Чэн Чжэньжу. Учитель остановился там в храме Далинь.

На шестом месяце прибыли несколько чаньских монахов с горы Юньцзюй²³⁴. Они сказали, что во время японской оккупации захватчики сожгли монастырь Чжэньжу, чтобы партизаны не могли использовать его в качестве укрытия. Весь храм был разрушен, за исключением огромной статуи Вайрочаны²³⁵, оставшейся стоять на опустошенной и заросшей травой земле. Учитель опечалился, узнав об этом. Он вспомнил это святое место, основанное во времена правления Юань-хэ (806–820) династии Тан. Там останавливались многие выдающиеся чаньские учителя. Он понял, что если оно не будет восстановлено, то будет предано забвению. Учитель дал обет восстановить монастырь и обратился к местным властям за разрешением поехать туда. Упасака Чжу Хуапин и еще несколько человек вызвались сопровождать учителя. Они отправились в Юньцзюй в пятый день седьмого месяца.

В один из дней девятого месяца некоторые бхикшунни, ученицы учителя, жившие в Кантоне, узнав о его приезде в Юньцзюй, пришли навестить его. Они добирались пароходами и поездами, а когда прибыли в монастырь, увидели лишь разрушенные стены. Они спросили встречного монаха, где найти учителя. Монах ука-

²³⁴ Юньцзюй стал известным центром школы цаодун после того, как туда приехал Дао-ин (ум. 902), который параллельно с Бэнь-цзи (школа цаошань) преемствовал школе цаодун. Оба они были учениками дуншаньского Лян-цзе (ум. 902). Линия Бэнь-цзи исчезла через четыре поколения, оставив линию Дао-ина в качестве основной в центре цаодун.

²³⁵ Образ Вайрочаны символизирует солнце мудрости, дхармакаю, или тело основы будды.

зал на коровник. Они пригнули головы, чтобы войти в низкую дверь, но сразу его не увидели. Оглядевшись, через некоторое время они его нашли сидящим в медитации на деревянной лежанке. Медленно открыв глаза, он сказал: «Не стоило себя утруждать и приезжать сюда». Когда они рассказали о причине своего приезда, он сказал: «Когда я прибыл сюда, здесь было всего четверо монахов, и поэтому я решил построить для них соломенную хижину. Но потом пришло много других монахов. Примерно в течение месяца их число увеличилось до пятидесяти. Кроме этого коровника есть еще несколько разрушенных зданий, которые вы видели. Но раз уж вы приехали, пожалуйста, довольствуйтесь эти несколько дней тем, что есть».

На одиннадцатом месяце монахов прибавилось. В день кормили только два раза. К счастью, все, кто оставался на горе, смогли пережить зиму на средства, собранные упасакон Цзянь Юйцзе из Шанхая. Учитель планировал расчистить землю под угодья и отремонтировать залы монастыря. Той зимой учителя также приглашали в Цюйцзян и в монастырь Наньхуа, где он говорил о дхарме заповедей.

115-й год Сюй-юня (1954–1955)

Весной Учитель собирался отстроить главный зал для бронзовой статуи будды Вайрочаны, которая была 10 *чи* высотой и отливалась во времена правления под девизом Вань-ли (1573–1619) при династии Мин по приказу вдовствующей императрицы. Крыша старого зала была из кровельного железа, так как черепица не выдерживала сильных ветров на вершине горы. Поэтому для восстановления зала требовалось достать кровельный металл. На него решили пустить четыре боль-

ших кухонных котла и два бронзовых колокола.

К тому времени число монахов и мирян на горе уже превысило сотню. Среди них были ремесленники и квалифицированные рабочие. Ученики с материка и островов, услышав о намерениях учителя, собрали и прислали деньги на осуществление проекта. Поскольку были обеспечены доступ к объекту, рабочая сила и деньги, план учителя стало нетрудно осуществить. Он разделил общину на две группы, дав задание одной заниматься реконструкцией монастырских зданий, а другой – расчищать землю под угодья.

Так как все были полны энтузиазма, за пятый и шестой месяц зал дхармы был полностью восстановлен, а кроме того, была построена библиотека для двух изданий Трипитаки. В то же время примерно десять акров земли были подготовлены под посевы риса, необходимого общине. Таким образом, были выполнены правила, установленные древним чаньским учителем Бай-чжаном²³⁶.

В течение седьмого месяца были построены более двадцати спальных помещений, кирпичная печь для обжига, туалеты и рисодробильный цех, тогда как учитель по-прежнему жил в коровнике.

Когда настоятель Бэнь-хуань из монастыря Наньхуа, бхикшуни Куань-дин из Лотосового Зала в Тайбине и

²³⁶ Бай-чжан Хуй-хай (720–814), преемник Ма-цзу Дао-и. Хотя оба эти учителя отличались «эксцентричным» поведением, довольно типичным для чаньских адептов времен династии Тан, и тот и другой были строгими приверженцами дисциплины. Их странные поступки были продиктованы необходимостью помочь ученикам и посетителям избавиться от дуалистических взглядов. Бай-чжан также прославился тем, что составил первый дисциплинарный устав для чаньских монахов. Устав был назван «Чистыми правилами Бай-чжана» (*Бай-чжан цзин гуй*).

четверо других прибыли на гору засвидетельствовать свое почтение учителю, они увидели на траве треснувший колокол и спросили его, почему он там лежит. Он сказал: «Это древний колокол этой горы. Его называли „самозвонящим колоколом“, потому что в прошлом всякий раз, когда сюда приходил просветленный учитель, он звонил сам по себе. Когда японцы подожгли этот монастырь, колокольная сгорела и колокол упал на землю. Его трещина затянется сама собой». Осмотрев колокол, они обнаружили, что верхняя часть трещины уже залаталась. Учитель сказал: «Я подожду, пока трещина полностью не исчезнет, и тогда повесим его на новую колокольную». Затем учитель показал им другие части монастыря, густую бамбуковую рощу и разные местные дары природы: купену лекарственную, пуэрарию, чай а также большие ели и гинкго. Указав на одно из деревьев, учитель сказал: «Вот гинкго без сердцевины». Когда проверили, оказалось, что действительно без сердцевины. Бэнь-хуань пробыл в монастыре 10 дней. Учитель вырезал несколько чаньских досок из бамбука, отполировал их, лично отобрал несколько специально в дар гонконгским ученикам и сделал на них надписи.

Зимой в одиннадцатом месяце случился пожар в коровнике, и, когда монахи стали настаивать на том, чтобы учитель разместился в заново отстроенном храме, он сказал: «Мне нравилась эта древняя простота». Он настоял на восстановлении коровника. В том году учитель получил несколько телеграмм из Пекина с просьбой приехать туда, но отказался по причине преклонного возраста и плохого здоровья. В конце года он провел чаньскую семидневку.

116-й год Сюй-юня(1955–1956)

Весной были поочередно построены дополнительные храмовые здания и кухни, «зал пяти созерца-

ний»²³⁷, склады, гостевые залы и дополнительные залы для медитации.

Летом, когда в Пекине собралась Китайская буддийская ассоциация, учитель был очень занят и не смог принять в ней участие.

Осенью приехало несколько десятков монахов из других провинций Китая. Те, кто не получил наставлений в полном объеме, просили учителя посвятить их в духовный сан, но он счел неблагоразумным делать это при тогдашних обстоятельствах. С другой стороны, он считал, что следует как-то откликнуться на их просьбу. Таким образом, он решил дать посвящение только тем, кто уже находился в монастыре, и запретил рассказывать об этом посторонним. Планируя чтение наставлений на десятый месяц, а посвящение на пятнадцатый день одиннадцатого месяца, учитель обратился за разрешением к правительству и к Китайской буддийской ассоциации в Пекине.

Когда монахи из других мест слышали об этом, они потянулись один за другим к учителю за посвящением. Сначала их было чуть больше сотни, но прибывали все новые, и число вновь прибывших увеличилось до трехсот. Так что на тот момент в монастыре проживало около пятисот человек, и все ждали посвящения. Было очень трудно всех разместить и накормить. Более того, в течение последних нескольких месяцев у Буддийской молодежной ассоциации, Алмазной бодхимандалы и католической церкви в Шанхае были неприятности. Но

²³⁷ Где медитируют (1) над реальным, чтобы быть в единстве с ноуменальным, (2) над чистотой, чтобы отрешиться от преходящего феноменального, (3) над всеохватывающей мудростью, чтобы быть в гармонии со срединным, (4) над состраданием, чтобы освободить все живые существа, и (5) над добротой, чтобы все существа были счастливы.

осложнилось все тем, что власти провинции Ганьсу послали телеграмму правительству Цзянси, в которой говорилось, что «неразборчивые руководители уклонистских сект едут на гору Юньцзюй за посвящением». Узнав об этом, учитель предпринял все меры предосторожности во избежание неприятностей. Местные власти обсудили с ним этот вопрос и предложили прислать полицию для поддержания порядка на горе. На тот момент те, кто готовился к полному посвящению, были уже в монастыре, и пренебречь их потребностями означало бы нарушить заповедь Будды о помощи другим. Однако удовлетворить их при сложившихся обстоятельствах недостатка пищи и жилья было совершенно невозможно. Тогда учитель взял на вооружение главу «Брахмаджала сутры»²³⁸ о допустимости самопосвящения.

Учитель прочел монахам наставление о десяти заповедях²³⁹, всех правилах винаи и трех общих запове-

²³⁸ «Брахмаджала сутра» (Фан ван цзин) была переведена на китайский язык Кумарадживой в 406 г. Она стала очень популярной в качестве основного текста, касающегося правил и заповедей бодхисаттвы.

²³⁹ «Десять заповедей» (шикшапада): (1) не убивать, (2) не воровать, (3) не прелюбодействовать, (4) не лгать, (5) не употреблять спиртных напитков, (6) не принимать пищу в не установленное для этого время, (7) не пользоваться украшениями или духами, (8) не спать на высоких или на широких постелях, (9) не принимать участия в пении или танцах, а также не быть их зрителем, (10) воздерживаться от прикасания к золоту или золотым монетам. Очевидно, что Северная буддийская традиция ввела варианты вышеизложенного в практических целях. Например, прикасание к деньгам допускалось в китайских монастырях, где многие монахи отвечали за сборы фондов, ведение храмового хозяйства, переиздание книг и т. д.

дях²⁴⁰, на что ушло целых десять дней утомительной работы, призвав монахов вернуться туда, откуда они прибыли, и действовать далее по полученным инструкциям в назначенный день. Он также выдал им ученические свидетельства. При нем осталась только сотня монахов, которых он готовился посвятить в назначенный день. Беда, таким образом, миновала. После этого он провел чаньскую семидневку.

В том году более 140 му (21,2 акра) земли были подготовлены для выращивания риса и проса, а большое количество делянок было расчищено под чайные кусты и фруктовые деревья. Не успели все эти пустующие пока земли стать пригодными для возделывания, как на них положили глаз посторонние. Местные власти открыли на горе отдел земледелия и лесоводства с целью отобрать земли, приготовленные монастырем для сельского хозяйства, под предлогом необходимости их мелиорации, а затем забрали коровник учителя, и тогда он послал телеграмму о случившемся в Пекин. Местным властям поступил приказ сверху вернуть учителю коровник, а также все отобранные земли. Хотя местные чиновники подчинились приказу, они затаили на учителя злобу и позже причинили ему много неприятностей.

Со всех уголков страны приезжало огромное количество монахов и около полутора тысяч из них жили в монастыре в соломенных хижинах, построенных с целью разместить всех прибывающих денно и ночью вопрошать учителя о дхарме. Чтобы учитель не перенапрягался, его попросили назначить время для ежеднев-

²⁴⁰ «Три общие заповеди»: (1) никому не причинять зла, (2) творить добро, (3) заботиться обо всех живых существах. На практике эти «три общие заповеди» даются до «десяти заповедей», упомянутых выше.

ных бесед. Учитель согласился и начиная с одиннадцатого дня третьего месяца начал ежедневно читать наставления, которые были тщательно записаны.

117-й год Сюй-юня(1956–1957)

Весной учитель начал строить главный зал, святыню четырех дэва (стражей монастыря), Башню Непредвзятости, Башню Облачного моря, колокольню, залы святынь и спальни. Поочередно работы завершались. Учитель придавал большое значение восстановлению Юньцзюя. Образцы для строительства брались из планов монастырей Гушань, Наньхуа и Юньмэнь и видоизменялись с учетом особенностей места. В течение трех лет со времени прибытия учителя былое величие святыни династий Тан и Сун было восстановлено. Теперь в монастыре насчитывалось две тысячи человек, среди которых были строители и люди, опытные в вопросах ведения сельского и лесного хозяйства. Они внесли свой вклад, способствуя скорому возрождению святого места и поднятию целинных земель.

Восстанавливая монастырь Чжэньжу, учитель никуда не обращался за помощью, но пожертвования, тем не менее, приходили отовсюду, как по волшебству. Например, бхикшуни Куань-хуй из Гонконга, услышав о восстановлении Юньцзюя, провела буддийское собрание, на котором собрала 10 000 гонконгских долларов, которые были высланы учителю. Упасака Чжань Лиу родом из Уюаня, провинция Анхой, иммигрировавший в Канаду и никогда не встречавшийся с учителем, прислал 10 000 канадских долларов. Упасака У Син-цзай из Шанхая отправился в том году в Юньцзюй через Гонконг, чтобы почтить святое место. Он выбрал путь по горному выступу Чжангун, увидел, насколько горная до-

рога не обустроена, и дал обет привести ее в порядок. Работы, потребовавшие расходов в 100 000 юаней, на тот момент были уже начаты. Учитель восстановил десятки храмов и монастырей по всей стране. Он приходил в храмы с одним лишь посохом в руках, а после восстановления святыни оставлял монахам заново отстроенный храм, уходя с тем же посохом, единственным предметом его личной собственности. Теперь, когда монастырь на горе Юньцзюй²⁴¹ был восстановлен, как казалось, не без помощи дэва, все надеялись на то, что Сюй-юнь останется там жить.

На девятом месяце, когда на горе очищали озеро Минъюэху и ручей Цинси (Синий ручей), был обнаружен огромный камень с почти стершимися иероглифами, из которых можно было различить лишь несколько. Оказывается на этом камне у ручья сидели древний чаньский учитель Фо-инь («Запечатление будды»), тогдашний настоятель монастыря, и великий поэт Су Дунпо, когда он приходил в горы повидать Фо-иня. Позже в память об этом событии неподалеку был построен мост. Камень называли «Камнем задушевной беседы» (Тань синь ши), а мост – «Мостом запечатления будды» (Фо инь цяо). Учитель Сюй-юнь восстановил мост и построил у камня беседку, чтобы сохранить историческое место. По этому случаю он написал стихотворение:

Дунпо, чтя будду, по обету из прежних
воплощений,
Прошел по многим рекам и горам.
Камень задушевной беседы у моста на
ручье Цинси,

²⁴¹ «Юньцзюй» означает «жилище облака», а имя учителя, Сюй-юнь, означает «облако пустоты». Юньцзюй был последним земным пристанищем учителя.

Здесь этот бездушный камень обрел
сознание.

С нефритовым поясом²⁴² он не рас-
стался в Цзиньшане²⁴³,

Слабый дух не позволил ему отрешить-
ся от мира.

Облаку²⁴⁴ достался Камень задушевной
беседы,

Чтоб мост восстановить в память о по-
эте.

Той зимой силами примерно двухсот монахов и мирян было расчищено под посевы риса более 180 му (27,2 акра) заболоченных земель и более 70 му (10,6 акра) засушливых земель для выращивания других зерновых культур, что обеспечило достаточным пропитанием общину, состоявшую из пятисот монахов.

Седьмого дня двенадцатого месяца учитель начал проводить двухнедельную чаньскую медитацию. После этого монахи монастыря Наньхуа, храма Люжун в Гуанчжоу, монастыря Дингуан в Чжантине и храма Фалунь в Нинхуа настоятельно попросили учителя передать им наставления о дхарме заповедей.

118-й год Сюй-юня(1957–1958)

По инициативе упасаки У Синцзя в предыдущем году начался ремонт горной дороги. Весной дорога в восемнадцать *ли* от горного выступа Чжангун до мона-

²⁴² Символ высокого ранга чиновника, свидетельствовавший о неспособности этого поэта отрешиться от мирского.

²⁴³ Гора Цзиньшань – место расположения знаменитого монастыря.

²⁴⁴ «Облако» подразумевает учителя Сюй-юня.

стыря была расширена до шести *чи*. Она представляла собой горный серпантин, опоясывающий крутые горы и вершины, нависающие над пропастями. Через все горные потоки были перекинuty мосты. Вся работа была завершена осенью. У местных достопримечательностей на скалах вдоль дороги были высечены крупные иероглифы: «Застава Чжаочжоу», «Мост летящей радуги» и т. п. Учитель отметил это событие сочинением гатхи, которую высекли в камне.

На шестом месяце местный отдел сельского хозяйства и лесничества, увидев, что монахи монастыря Юньцзюй успешно подняли целинные земли, отменил соглашение от 1953 г., предоставлявшее монастырю право производить подобные работы. Он учредил на горе свою собственную организацию и послал несколько десятков человек в монастырь, чтобы отобрать у монастыря все земли. Старшие монахи семь раз тщетно пытались обращаться к местным властям в попытке заставить их соблюдать прежнее соглашение. Когда эти люди заявили к учителю в коровник и приказали ему убираться прочь, он сообщил об этом правительству Пекина, которое немедленно приказало местным властям перестать вмешиваться в дела монастыря по освоению бесхозных земель. Хотя они и на сей раз подчинились приказу, но затаили на учителя злобу за то, что он сообщил о положении вещей вышестоящему начальству. Это послужило причиной бесконечных неприятностей, в результате которых учитель был вынужден передать всю освоенную землю местному отделу сельского хозяйства и лесничества, чтобы умиротворить чиновников.

Примерно в то же самое время настоятель Хай-дэн из монастыря Чжэньжу давал толкование «Лотосовой сутры», после чего он отобрал тридцать молодых мона-

хов, призванных образовать Центр изучения буддизма для обучения талантливых монахов.

119-й год Сюй-юня(1958–1959)

Весной преследование правых элементов в стране негативно отразилось на храмах и монастырях. Группа так называемых «буддистов» созвала общее собрание в Ханькоу, на котором по требованию организаторов должны были присутствовать настоятели и старшие монахи определенных храмов и монастырей. Учитель дал отказ по причине преклонного возраста и плохого здоровья.

Настоятелю Бэнь-хуаню из монастыря Наньхуа, учителю Чуань-ши, отвечающему за прием гостей в монастыре Чжэньжу, настоятелю Фу-юаню и учителям Цзянь-сину и Ин-каю из монастыря Юньмэнь было предъявлено обвинение в принадлежности к «правым». Однако им предоставили возможность свалить вину на учителя, чтобы «разоблачить» его, обвинить в «преступлении» и начать на него гонения. Они на это не пошли и едва избежали крупных неприятностей. Наконец, небольшая группа обвиняющих предъявила учителю десять пунктов обвинения: коррупция, реакционность, бандитизм, ошибочная идеология и т. п., причем наиболее вопиющим из них был пункт, обвиняющий учителя в гомосексуальных отношениях с молодыми монахами.

В монастырях Наньхуа, Юньмэнь и Чжэньжу на стенах были вывешены листовки *дацзыбао*, разоблачающие учителя, который, однако, не обращал на них никакого внимания. Его ученики собрались опровергнуть эти беспочвенные обвинения, но он попросил этого не делать. Прошел месяц, затем другой, но никаких новостей из Ханькоу не последовало, а тамошнее собрание тем

временем близилось к концу. Самым преданным помощникам учителя и монахам, сопровождающим его в течение многих лет, было приказано оставить его и отправиться в места, предписанные местными властями.

Еще пара месяцев прошла без каких-либо репрессий по отношению к учителю. Затем он получил телеграмму из Пекина, в которой говорилось, что собрание в Ханькоу не осмелилось его преследовать, так как его доброе имя было широко известно. Собрание прислало список обвинений высшим властям, которые, взглянув на него, только посмеялись и приказали оставить учителя в покое. Таким образом, неприятности миновали.

Пятнадцатого дня девятого месяца начальник полиции Чжан Цзяньминь заявился в коровник учителя со своими старшими помощниками. Они произвели обыск в коровнике, вскапывали землю и разбирали стены, но ничего не нашли. Затем они забрали все письма, полученные учителем из Пекина, документы, сутры, бухгалтерские отчеты и т. п. Несмотря на многочисленные требования вернуть все это, они отказались.

На шестнадцатый день девятого месяца учитель собрал в главном зале общину и сообщил о недавних событиях. В результате этих неприятностей он серьезно заболел. Раньше учитель самостоятельно совершал поклоны перед статуей Будды, но теперь его поддерживали двое помощников. Сангха понимала, что его земная жизнь подходит к концу. Пришел день и он вызвал двух помощников ознакомить их с завещанием. Девятнадцатого дня десятого месяца учитель прочел общине свою последнюю проповедь.

120-й год Сюй-юня(1959)

Весной учитель переступил порог своего сто два-

дцатого года. Храмы, монастыри и все его ученики как в Китае, так и за границей были преисполнены радости по случаю достижения им возраста, которого некогда достиг древний Учитель Чжао-чжоу²⁴⁵. Они сообщили ему о своем желании отпраздновать день его рождения. Он немедленно ответил им следующее:

«Я не знаю, сколько мне осталось прожить. До моего дня рождения еще далеко, однако упасака У Синцзай выразил желание изготовить для меня поздравительную ширму. Я благодарен ему, но прошу этого не делать. Карма прошлых жизней до сих пор отзывается страданиями, наполняющими существование. Подобно свече на ветру я уже ни на что не годен, и я ничего так и не достиг. При мысли об этом мне каждый раз стыдно за свою дутую репутацию. Человеческий век мирских невзгод – лишь сон и иллюзия, в которых ничто не стоит привязанности. К тому же рождение – это начало смерти, мудрый человек должен быть постоянно чутким и бдительным, настроив сознание на Дао, как если бы спасался из огня. Как я могу идти на поводу у мирских обычаев? Благодарю вас от всего сердца и искренне сожалею, что не могу принять подарок. Кроме того, я все еще скорблю по поводу безвременной кончины матери и поэтому прошу вас отказаться от памятных подарков и любых других видов празднования моего дня рождения. Не хочу отягощать себя лишним грехом в добавление к уже имеющимся».

Поскольку учитель видел, что очищение озера Минъюэху и возведение ступы не были еще завершены, то в третьем месяце он лично стал осуществлять контроль за работами, которые были закончены несколь-

²⁴⁵ Учитель Чжао-чжоу (778–897), широко известен в связи со своим гунъанем «У» (яп. Му).

кими месяцами позже.

Еще в 1956 г., после того как Ван Шэньцзи, супруга Чжань Лиу, стала последователем учителя, она и ее муж, китайский бизнесмен, живущий в Канаде, выразили желание финансировать восстановление главного зала. Поскольку все храмовые здания были к тому времени уже восстановлены, Чжань Лиу выразил желание возвести ступу для реликвий Будды и построить чань-ский зал Лююнь (букв. «Оставшееся Облако», т. е. учителя) с надеждой, что учитель пробудет в этом мире подольше. Учитель ответил, что поскольку в монастырях Наньхуа и Юньмэнь имеются ступы для захоронения праха скончавшихся монахов, было бы желательно возвести ступу в монастыре Чжэньжу, где ее пока еще не было. Останки древних настоятелей и учителей этого монастыря, захороненные в разных местах, в таком случае могли бы быть собраны вместе в одной ступе, за которой был бы обеспечен подобающий уход. Все желающие могли бы приезжать на эту гору и почитать реликвии. Что касается намерений построить зал Лююнь, то он глубоко тронут такой идеей покровителя, но поскольку он никогда в жизни не использовал для своих нужд ни единой балки или черепицы, приобретавшихся на средства благотворительных фондов, он вежливо отклонил предложение.

Чжань Лиу в письме учителю сообщал, что помимо 10 000 гонконгских долларов, переданных прежде, он пошлет ему еще 50 000 (или 10 000 канадских долларов в сумме) на возведение ступы. Учитель принял это пожертвование, и зимой того года (1956) началось возведение ступы по образцу той, которая находилась в монастыре Наньхуа. Также было построено еще несколько читальных залов для монахов. Работа была завершена на седьмом месяце этого года (1959) и была последней в жизни учителя.

После серьезной болезни на третьем месяце учителя постепенно покидали силы. Поначалу он еще мог сам себя обслуживать и следить за выполнением незаконченных работ, но на седьмом месяце начал страдать от хронического нарушения пищеварения и не мог есть ни рис, ни другую твердую пищу. Только на завтрак и на обед съедал небольшую чашку жидкой рисовой каши. Местные власти по приказанию пекинского правительства несколько раз присылали к учителю врача, но он отказывался от его услуг, говоря: «Моя связь с этим миром подходит к концу». Затем он написал письмо своим ученикам, содействовавшим восстановлению монастыря. В письме он сообщал, что работа по восстановлению завершена, и он рад, что больше нет необходимости посылать ему денежные переводы. Он также призвал их следить за своим здоровьем и упорно практиковать дхарму.

Поскольку учитель был очень болен, настоятель монастыря и старшие монахи зашли в коровник его навестить. Сюй-юнь сказал: «Сродство по судьбе свело нас вместе в одно время и в одном месте. Благодаря вашим стараниям мы смогли восстановить это святое место в течение нескольких лет. Я был очень глубоко тронут тем, что вы мужественно выносили все трудности и невзгоды. Мне жаль, что моя земная жизнь подходит к концу и что я не смогу присматривать за монастырем. Этот груз ложится на ваши плечи. Когда умру, пожалуйста, наденьте на мое тело желтые одежды, а через день положите в гроб и кремируйте у подножия горы к западу от коровника. Потом, пожалуйста, смешайте пепел с сахаром, мукой и растительным маслом, замесите и сделайте из всего этого девять шаров. Бросьте их в реку в качестве жертвоприношения всем водным тварям. Если вы поможете мне таким образом испол-

нить мой обет, я буду вам вечно благодарен».

Они стали утешать учителя, а он прочел нараспев следующие три гатхи:

Первая гатха

Жалея муравьев, креветка не ныряет в
воду.
Во благо водным тварям мой пепел
бросьте в реку.
Пусть они примут мой дар последний
тела,
И бодхи обрета, к спасенью устремятся.

Вторая гатха

Соратников по дхарме призываю
Задуматься всерьез,
Как карма рожденья и смерти
Прядется словно кокон шелкопряда.

Желания и мысли не стихают,
А страсти умножают наши беды.
Если вы этого хотите избежать,
То начинайте с подаяний,

Затем в три «вещи» глубже проникайте
И мыслей четырех держитесь прочно²⁴⁶.
Застигнуты внезапным пробуждением,
Поймете скоротечность «росы и мол-
ний».

На опыте постигнув истинно сущее
И единство всех дхарм,

²⁴⁶ Три вещи – шила, дхьяна, праджня. Четыре правильные мысли: (1) тело загрязнено, (2) страдание вызвано чувствами, (3) сознание непостоянно, (4) в феноменальном нет эго, или «я».

Что нерожденное и рожденное
Подобно воде и волнам.

Третья гатха

Увы, в годах преклонных я уже,
За милости мне нечем расплатиться
И некогда отдать долги из прошлых жизней,
Ничтожна мудрость, карма глубока.

Стыжусь, что ничего я не добился,
Что так неловко проявил себя в Юнь-
цзюе.

Как те, кто увлечен словами сутр²⁴⁷,
Повинен я перед Почитаемым миром.

Собрание на Пике Стервятника еще не
завершено,

Теперь защита дхармы – ваш долг,
Вы перерождение Вэй-тянь²⁴⁸,
Вам возрождать традиции Вайшали.

«Я» и «других» единство видел Вимала-
кирти

Он Татхагата зерен золотых,
Он, как скала в потоке бурном, неподвижен.
Тот, на чьи слова можно положиться.

В конце века дхармы тяжело жить,
И очень мало тех, кто в истине опору
ищет.

Меня отягощает бремя дутой славы,
А вы пробудитесь от чувственных заблуждений!

²⁴⁷ Тот, кто ограничивается лишь чтением сутр, не прилагая прочитанное к своей жизни.

²⁴⁸ Один из восьми генералов, подчиненных Вайшраване, дэва Юга, один из стражей монастыря.

Прекрасно обретаться в Земле Будды
И всеми силами стремиться к ней.
Я постарался в этих гатхах
Выразить то, что у меня на сердце.

На восьмом месяце, по мере приближения дня рождения учителя, настоятели других монастырей и его ученики прибывали на гору со своими поздравлениями. Он почувствовал себя немного лучше. Несколько учеников во главе с бхикшуни Куань-хуй прибыли из Гонконга. Он провел с ними несколько долгих бесед.

В начале октября, когда болезнь учителя приняла критический характер, он дал распоряжение, чтобы статуи Будды и сутры были в должном порядке размещены в законченной ступе, около которой должно было оставаться несколько монахов и воспевать имя Будды во время утренних и вечерних церемоний.

Седьмого октября, когда учитель получил телеграмму из Пекина, извещающую о смерти маршала Ли Цзишэня, он воскликнул: «Ли Цзишэнь, зачем ты ушел раньше меня? Мне тоже пора». Люди, ухаживающие за ним, были потрясены этими словами. Так как учитель лежал несколько дней в кровати, с трудом дыша, и в основном спал, с ним рядом теперь все время находился монах из персонала, ухаживающего за больными. Всякий раз, когда учитель видел его, он просил его уйти и говорил, что может «сам о себе позаботиться».

Двенадцатого октября в полдень учитель дал распоряжение своим помощникам переставить статую Будды из ниши в другую комнату, где бы ей можно было поклоняться. Монахи почувствовали что-то необычное и сообщили настоятелю и старшим монахам, которые пришли к учителю вечером и умоляли его не покидать их во имя дхармы. Он сказал: «С каких это пор такое мирское отношение! Пожалуйста, пошлите кого-нибудь

повторять для меня имя Будды в главном зале». Когда они спросили его о последних наставлениях и завещании, он сказал: «Несколько дней назад я говорил о том, что нужно сделать после моей смерти. Нет нужды повторять это все снова. А последние мои слова таковы: Практикуйте шилу, дхьяну и праджню, чтобы искоренить желание, злобу и глупость». После паузы он продолжил: «Правильная мысль и правильное сознание питает духом великого бесстрашия во имя освобождения людей и всего мира. Вы устали, идите отдыхать». Была полночь, когда они ушли.

Юньцзюй – высокая гора и поздней осенью там дуют обжигающе холодные ветра, оголившийся лес на склонах шумит, раскачиваясь под ветром. Вершины древних деревьев устремлены в небеса, а на земле мечутся отбрасываемые ими тени. Одинокое пламя лампы в комнате не больше боба фасоли, на улице уже выпала роса. В своем коровнике одинокий старый учитель в постели, издалека до него доносится чтение сутр в главном зале – это прощание с ним.

Рано утром тринадцатого октября двое ухаживающих за учителем монахов вошли в его комнату и увидели, что он сидит в позе для медитации, как обычно, только щеки не такие бледные, как в последнее время. Они не посмели его беспокоить и вышли, оставаясь поблизости. В полдень через окно они увидели, как он встал с постели, выпил несколько глотков воды и собирался уже отдать дань почтения Будде. Опасаясь, что, будучи слишком слабым, он может упасть на пол, они вошли в комнату. Тогда учитель сел и сказал медленно: «Я только что видел во сне: Мост Фо-иня (Мост запечатления Будды) развалился под копытами коровы, а ручей под мостом прекратил свое течение». Затем он закрыл глаза и смолк.

В 12.30 пополудни он позвал монахов, ухаживающих за ним, окинул взглядом всех и после паузы сказал: «Вы со мною рядом так много лет, я глубоко тронут вашей заботой и готовностью выносить ради меня тяготы. Не к чему говорить о прошлом, но в течение десяти лет мне постоянно приходилось терпеть лишения и недоверие, подвергаться опасностям, быть мишенью клеветы и несправедливости, но я с радостью шел на это ради того, чтобы сохранить святыне места в нашей стране, чтобы продолжить лучшие традиции и правила чистой жизни, чтобы в глазах каждого обычного монаха ряса сангхи оставалась незапятнанной. За чистоту этой рясы я боролся из последних сил! Вы мои близкие ученики и знаете обо всем, что происходило. Останетесь ли вы потом в этом монастыре или разойдетесь на все четыре стороны, вы также должны всегда хранить нашу рясу. Но как это делать? Ответ содержится в слове „шила“». Сказав это, он соединил ладони рук и настоятельно посоветовал ухаживающим за ним монахам беречь свое здоровье. Они, едва сдерживая слезы, вышли и остались дежурить около коровника.

В 1.45 двое монахов, ухаживающих за учителем, вошли в комнату и увидели, что он склонился в правую сторону, как Будда в паринирване. Поняв, что он покинул этот мир, они немедленно сообщили об этом настоятелю и всей общине. Все собрались для чтения сутр и прощания с учителем, после чего денно и ночью продолжалось повторение имени будды.

Тело учителя положили в гроб восемнадцатого числа, и когда – девятнадцатого – оно было кремировано, воздух наполнился удивительным ароматом и белый дым поднялся в небо. В пепле было найдено более ста крупных реликвий пяти разных цветов и бесчисленные мелкие, преимущественно белого цвета, прозрачные и

гладкие. На двадцать первый день они были помещены в ступу.

Учитель покинул этот мир на своем 120-м году в 101-й век дхармы²⁴⁹.

²⁴⁹ «Дхарма-век» монаха означает число лет принадлежности к сангхе.

Глоссарий

АБХИДХАРМА (кит. *Луньцзан*) – третий свод книг буддийского канона *Трипитаки*, или «Трех корзин» (*Сань-цзан*), в котором собраны систематизированные трактаты и комментарии, обычно приписываемые ученикам Будды или выдающимся ученым, жившим уже после *паринирваны* Будды.

АЛАЙЯ ВИДЖНЯНА (кит. *алэеши*) – «восьмое сознание», или «сознание-сокровищница», называемое так, поскольку здесь хранятся семена всех дхарм. В буддийской психологии ему приписывается двойное значение. Скрытое под покровом различающего разума и врожденных привязанностей, «сознание-сокровищница» рассматривается как источник иллюзорности, но после их искоренения становится источником просветления. См. «Шурангама-сутра».

АНАНДА (кит. *Анань*) – младший брат Дэвадатты и двоюродный брат Будды Шакьямуни. Сопровождал Будду в течение 20 лет. Получил известность благодаря превосходным способностям и памяти. В Китае почитается как Второй индийский патриарх.

АНУТАРА-САМЬЯК-САМБХОДИ (кит. *анудолосаньпутти*) – Непревзойденное истинно-самопросветление. Сокр. *анубодхи*.

АРХАТ (кит. *лохань*) – достигший четвертой стадии *дхьяны*, высшей ступени в иерархии святых в хиньяне, но стремящийся лишь к собственному просветлению в отличие от бодхисаттвы в махаяне, который стремится к просветлению ради других. Иногда просто указывает на любого буддийского святого или мудреца.

АРЬЯ (кит. *шэн*) – почитаемый святой или *бхикшу* высшего ранга; тот, кто, следуя царским путем достижения, прославился своей мудростью и глубиной по-

стижения.

АШВАГХОША (кит. *Мамин*) – «Глас коня». Брахман I в. н. э., обратившийся в буддизм. Был советником царя Канишки. Впоследствии поселился в Бенаресе. Из его произведений наибольшую известность на Дальнем Востоке получил комментарий «Пробуждение веры».

АВАЛОКИТЕШВАРА (кит. *Гуань-инь*) – в Китае получил известность в качестве «Богини Милосердия», или «Внимающей плачу мира». Бодхисаттва, представляющий сострадательный аспект сознания. Достиг просветления через созерцание способности к слуху. Имя означает «созерцатель звуков». См. «Шурангама-сутра». Бодхимандава Гуань-инь находится в Путо.

АВАТАМСАКА-СУТРА (кит. *Хуаянь цзин*) – первая длинная проповедь Будды. В ней трактуются четыре сферы Дхармы: 1) феноменальное как сфера разделенности; 2) ноуменальное как сфера единства; 3) феноменальное и ноуменальное как сфера взаимопроникновения; 4) феноменальное как сфера взаимопроникновения. Существует три перевода на китайский: Буддхабхадры в 60 книгах (418–420), Шикшананды в 80 книгах (695–699) и Праджны в 40 книгах по разделу «Гандавьюхи» (759–762).

АВИДЬЯ (кит. *умин*) – невежество, отсутствие просветленности. Первая из «12 нидан», или звеньев, в причинно-возникающей цепи существования.

АВЬЯКРИТА (кит. *уцзи*) – неподдающееся описанию в терминах плохого или хорошего. В чань и махаяне также указывает на пустое или неподвижное состояние ума, которое указывает лишь на недостаток осознанности и не должно путаться с «недуальной мудростью», находящейся вне любых категорий и противоположностей. Условием пробуждения мудрости является *шила* (дисциплина).

БАЙ-ЧЖАН – Бай-чжан Хуй-хай (ум. 814). Преемник Ма-цзу и Дао-и, учитель Гуй-шаня и Хуан-бо. Ему приписывают «Трактат о необходимых вратах на пути к истине посредством внезапного озарения». Его храм находится на горе Байчжан в Хунчжоу (современный Наньчан, провинция Цзянси), недалеко от горы Лу.

БХИКШУ, БХИКШУНИ (кит. *бицю*, *бицюни*) – последователи мужского и женского пола, соблюдающие по крайней мере десять заповедей для монахов и монахинь или еще большее число специальных правил и предписаний.

БХУТАТАТХАТА (кит. *чжэньцзэ*) – *бхута* означает «субстанция/реальность», или то, что существует; *татхата* – «таковость». Таким образом, *бхута-татхата* означает «существующее в таковости», вечно-такое, вечное и неизменное основание ума в противоположность форме. Это «абсолютное» в буддизме.

БОДХИ (кит. *пу-ти*) – просветление, пробуждение. Реализация абсолютной нерожденной природы.

БОДХИДХАРМА (кит. *Путитама*) – 28-й индийский и первый «китайский» патриарх чаньской традиции. По преданию, был брахманом на юге Индии, приняв линию передачи чань, отправился в Китай около 520 г. Его учение называют учением «пустых рук», поскольку оно опиралось на прямое указание на Сознание без использования каких бы то ни было опосредующих методов. Учитель Хуй-кэ. Также является признанным учителем школы ланкаватары, с которой чаньская традиция была тесно связана на ранних этапах своего развития.

БОДХИМАНДАЛА (кит. *пути даочан*) – место обнаружения истины, святое место или любое место, где обучают практике или реализации Дхармы. Обычно ука-

зывает на монастыри, а кроме того, на места явления некоторых бодхисаттв, например Манджушри в горах Утай, Авалокитешвары в Путо и т. д.

БОДХИСАТТВА (кит. *пуса*) – в махаяне полностью лишенный эгоизма святой, стремящийся к просветлению ради других. Кроме того, махаяна приписывает бодхисаттвам прошлого способность даровать освобождение тем, кто приносит соответствующие обеты и направляет свой ум на качества или свойства данного бодхисаттвы (например, сострадание, мудрость и т. д.), пробуждая их в себе. Эта энергия бодхисаттв на более глубоком уровне постижения – не что-то, приходящее извне, а отражение мудрости-природы, присущей самому уму.

БРАХМАДЖАЛА СУТРА (кит. *Фаван цзин*) – в китайском буддизме рассматривается как главный текст по заповедям бодхисаттвы. Является десятой главой «Бодхисаттва-шила-сутры». Переведена на китайский Кумарадживой (ок. 406), в двух книгах.

БРАХМАЛОКИ (кит. *фаньтянь*) – восемнадцать *брахмалок*, или *рупадхату*, или сфер форм и цветов. Выделяется четыре вида небес *дхьяны* (способов созерцания).

БУДДА (кит. *Фо, Фота*) – 1) исторический персонаж – Будда Шакьямуни; 2) первая из «трех жемчужин» в формуле прибежища, указывает на врожденную буддовость, присущую всему; 3) просветленный, достигший уровня будды. Махаяна признает множественность будд, так как природа будды есть у всего и в конце концов все достигнуто состояния будды.

БУДДА АМИТАБХА (кит. *Амитофо*) – Беспредельно Сияющий Будда Западной Чистой Земли, или Сукхавати, главный Будда в традиции Чистой Земли. В сутрах и мандалах изображается с Авалокитешварой сле-

ва и Махастхамапраптой справа. Он принял обет помочь всем чувствующим существам достичь «Чистой Земли», и приверженцы этого направления повторяют имя Будды Амитабхи, чтобы переродиться в Чистой Земле. См. «Амитабха-сутра», «Амитаюс-сутра» и т. д.

ВАЙРОЧАНА (кит. *Пилушэна*) – Вайрочана символизирует *дхармакаю*, основание всех вещей. Появляется в «*Аватамсака-сутре*» и в «*Брахмаджала-сутре*». Земля Вайрочаны описывается как земля «бесконечно безмятежного света».

ВАДЖРАЧХЕДИКА-СУТРА (кит. *Цзиньган цзин*) – краткое изложение учения Будды о *шуньяте* и *праджне*, соответственно пустоте и мудрости. Широко используется во всех школах чань. Наибольшее распространение получил перевод Кумарадживы.

ВИМАЛАКИРТИ (кит. *Вэймучи*) – известный мирянин из Вайсали (Индия), пришедший помогать Будде проповедовать «недуальную Дхарму». Его имя означает «Безупречная репутация». «*Вималакирти-сутра*» пользовалась особой популярностью на Дальнем Востоке. Вималакирти порицал тех, кто давал последователям ограниченное учение хинаяны, если ученики были в состоянии осознать широту сознания махаяны, а также подчеркивал важность не поддающегося описанию «не-привязанного сознания».

ВИНАЯ, ШКОЛА (кит. *Лу цзун*) – школа дисциплины. Основана в Китае учителем Дао-сюанем (596–667). Тексты *винаи* составляют одну из «трех корзин», или частей, *Трипитаки* и описывают правила и устав монастырской жизни.

ВИРЬЯ (кит. *пилие*) – четвертая *парамита* – решимость, настрой на продвижение по пути, преданность.

ВЫСШАЯ КОЛЕСНИЦА (кит. *шанчэн*) – Высшая

реальность, как о ней учил Будда. Иногда применяется по отношению к махаяне, но особенно к чань, которое учит непосредственному постижению *дхармакаи*, или тела будды.

ВЭНЬШУ – см. *Манджушри*.

ГАТХА (кит. *цзита*) – стихотворение, ритмизированное песнопение, обычно из четырех строк. Китайцы создали собственные формы и продолжали ими пользоваться вслед за своими индийскими собратьями для передачи Дхармы и в других случаях. Учитель Сюйюнь также сочинил множество гатх.

ГУНЪАНЬ – на Западе более известен японоязычный вариант термина – *коан*. Буквально означает «дело», «документ», «досье». В чань так стали называть эпизоды из жизни Учителей, приведенные в древних записях о случаях просветления, которые описывались как судебные прецеденты, а сопутствующие изречения, наставления воспринимались наравне с законом. Затем любое утверждение, жест, действие, результатом которого явилось просветление, также стали называть «гунъань». «Гунъани», которые в современной литературе часто определяют как «головоломки» или «бесмысленные» высказывания, невозможно понять без осознания того, что непосредственная причина просветления кроется во «внутреннем потенциале» ученика, раскрывающемся в процессе практики чань. Иначе «гунъань» понимается буквально и остается мертвым.

ГУШАНЬ – гора в Фучжоу, где учитель Сюй-юнь получил приют в монастыре Юнцюань, настоятелем которого ему случилось быть в течение некоторого времени много лет спустя.

ГОСТЬ/ХОЗЯИН (кит. *бинь/чжу*) – пара терминов, при помощи которых чаньские Учителя демонстрируют ученикам тождественность феноменального и ноуме-

нального, или изменчивого мира частностей и неизменного Сознания. Эти термины взяты из «Шурангама-сутры» и принадлежат Аджнятакаундинье, уподобившему меняющееся феноменальное «гостю», который нигде не останется навсегда, а неизменяемое Сознание – «хозяину», которому вообще не надо ни уходить, ни приходить. Этой же цели обозначения тождественности служит аналогия «кружащихся пылинок» в «чистом луче света» – пылинки постоянно находятся в движении, а свет остается неподвижным. См. «Шурангама-сутра».

ГУНАБХАДРА – индийский учитель Дхармы и последователь школы ланкаватары, который в V в. воздвиг алтарь в Цаоси, провинция Гуандун, и установил каменную табличку с предсказанием того, что на этом месте будет посвящен в сан бодхисаттва «во плоти и крови». Пророчество исполнилось в 676 г., когда здесь принял посвящение Хуй-нэн (ум. 713).

ГУЙ-ШАНЬ (771–853) – Учитель Лин-юй с горы Гуй. Просветленный преемник Бай-чжана и учитель Янь-шаня Хуй-цзи, совместно с которым он основал чаньскую школу гуйян. Монастырь Гуйян находился в Тань-чжоу, неподалеку от современного Чанша в провинции Хунань. Учитель Сюй-юнь возродил также и школу гуйян, в которой упор ставится на правильное понимание «тела», или «сущности» (*ти*), и «функции» (*юн*), *подразумевающее отождествление всех явлений с сущностным – нематериальным – телом Будды.*

ДАНА (кит. *таньна*) – первая из шести *парамит*; даяние, благотворительность как в материальном, так и в духовном плане.

ДАО – означает «путь», «тропа» и т. п. Термин появляется в таких древнекитайских произведениях, как «И цзин» или «Дао-дэ цзин» Лао-цзы, а также в по-

следующих даосских текстах. Позднее был заимствован китайскими буддистами для передачи изначально невыразимой природы высшей реальности. В китайской мысли он неотделим от *дэ*, что можно перевести как «скрытая добродетель», так как «достижение Дао» и его добродетели предполагает не столько «добро-делание», сколько молчаливое согласие с внутренней природой вещей.

ДАО-ИНЬ – чаньский учитель Дао-инь Юнь-цзюй (ум. 902). Выдающийся учитель школы цаодун из монастыря Чжэньжу на горе Юньцзюй (провинция Цзянси). Позже этот монастырь был восстановлен учителем Сюй-юнем.

ДЭ-ШАНЬ – чаньский учитель Сюань-цзянь (ум. 865) с горы Дэ в западной части провинции Хунань. Просветленный преемник Лун-тана и учитель Сюэ-фэна. Ему приписывается *гунань* «тридцать ударов».

ДЭ-ШАО – императорский наставник Дэ-шао (ум. 972) с горы Тяньтай в провинции Чжэцзян. Преемник Фа-яня. Привез из Кореи утраченные труды учителя Чжи-и и возродил школу тяньтай.

ДЭВА (кит. *тива/тянь*) – высшие воплощения в шести сферах существования. Интерпретируются как боги, духи природы и т. п.

ДЭВАДАТТА (кит. *Тиватадо*) – двоюродный брат Будды, его враг и соперник.

ДХАРМА (кит. *фа*) – 1) закон, высшая истина, *дхармата*, или подлинная реальность, сама Дхарма-природа; 2) все буддийское; 3) отдельная или определенная вещь (множественное – *дхармы*).

ДХАРМАДХАТУ (кит. *фацзе*) – 1) общее обозначение вещей, образующих феноменальную вселенную; 2) объединяющая или лежащая в основе всего духовная реальность, рассматриваемая как основание всех ве-

щей. В махаяне также указывает на «Десять сфер Дхармы», а именно: 1) будды; 2) бодхисаттвы; 3) пратьекабудды; 4) шраваки; 5) дэвы; 6) люди; 7) асуры; 8) демоны; 9) животные; 10) ад. Также трактуется в значении «восемнадцати сфер чувства» (3 x 6), т. е. шести органов чувств, шести объектов чувств и шести данных органов чувств. В махаяне утверждается, что «Десять сфер Дхармы не выходят за пределы одной-единственной мысли».

ДХАРМАКАЯ (кит. *фацзэнь*) – тело будды, или сущностная природа как таковая. Нематериально и воспринимается только буддами, по контрасту с *нирманакаей*, или явленным телом будды, доступным восприятию людей.

ДХУТА (кит. *Тоута*) – аскетические практики и предписания для очищения тела и ума. Практикующий также называется *дхутой*.

ДХЬЯНА (кит. *чаньна*) – см. также *Чань*. Кроме того, указывает на абстрактное созерцание или, скорее, на состояние покоя и неподвижности, к которому приводит созерцание. Хуйнэн сравнивал *дхьяну* со светильником, а *праджню*, или мудрость, постижение, – с его светом. В чань, однако, *праджня* и *дхьяна* должны быть абсолютно уравновешены. *Дхьяна* означает не «транс», как это переводится в некоторых устаревших словарях, но состояние духовного равновесия, абсолютной невозмутимости среди возникающих и исчезающих феноменов.

ДЖНЯНАБХАЙСАДЖЬЯ – индийский учитель Трипитаки, побывавший в Цаоси в 502 г. Он привез и посадил у алтаря, ранее воздвигнутого Гунабхадрой, росток дерева бо, предсказав, что здесь будет посвящен в духовный сан бодхисаттва «во плоти и крови».

ДУН-ШАНЬ (807–869) – чаньский учитель Лян-цзе.

Ученик Юнь-яня и учитель Цао-шаня, вместе с которым считается основоположником чаньской школы цаодун. Его учение о «Пяти положениях правителя и слуги» объясняет отношение между феноменальным и ноуменальным, или между «гостем» и «хозяином», как взаимопроникновение и слияние в нераздельное целое. Его монастырь был расположен на горе Дун в Юньчжоу, провинция Цзянси. Преемственность линии школы цаодун восстановлена учителем Сюй-юнем.

ДУКХА (кит. *ку*) – страдание, неотделимое от обусловленного существования. Первая из «Четырех благородных истин».

ИСТИННЫХ СЛОВ, ШКОЛА (кит. *Чжэньянъ цзун*) – активно использует мантры, *дхарани* и т. д., подобные практикам, распространенным в тибетском буддизме. В Китае этому направлению положил начало Амогхаваджра около 733 г.

ИНЬ-ГУАН (1861–1940) – пыдающийся приверженец Чистой Земли, учение которого до сих пор популярно на Дальнем Востоке.

ЙОГАЧАРА, ШКОЛА (кит. *Юйцзя цзун*) – идеалистическая школа, опирающаяся на систему виджнянавада. В Индии основана Асангой, а в Китай введена Амогхаваджрой, сингалезцем из касты брахманов. В ее практиках используются мантры, *дхарани*, визуализация по типу тибетского буддизма.

КАРМА (кит. *е*) – закон причин и следствий (кит. *ин-го*), или понимание того, что любое действие и мысль порождают необходимую реакцию и получают должное воздаяние.

КАСАЙЯ, ПЯТЬ (кит. *учжо*) – пять *касай*, или периодов замутненности, хаоса и всеобщего упадка: 1) кальпа, или эон, в завершающей стадии, когда все вырождается, приходит в упадок и возникают соответст-

вующие формы; 2) вырождение взглядов, возникновение эгоизма и т. д.; 3) преобладание страстей, заблуждений или желаний, гнева и тупости, гордости и сомнений; 4) период, когда людские страдания на подъеме, а счастье – на спаде; 5) человеческая жизнь сокращается до десяти лет.

КЛЕША (кит. *фаньнао*) – *клешаварана*, или психические преграды, поражение страстями, будь это беспокойство, тревога, желание страх и т. д., и все, что вызывает это. Обычно говорится в сочетании с *джнейяваранами*, или умственными преградами, привязанностью ума к силе собственного действия и постижения.

КШАНА (кит. *чаньна*) – мгновение, промежуток времени, равный $1/75$ доле секунды.

КШАНТИ (кит. *чаньти*) – терпение, терпимость. Третья *парамита*, или совершенство, в своем высшем проявлении. *Анутпаттикадхарма-кшанти* – это полный покой пребывания в невозмутимой реальности, подлежащей любой феноменальной активности, синонимично с постижением пустоты, присущей всем обусловленным вещам.

КШИТИГАРБХА БОДХИСАТТВА (кит. *Дицзан*) – букв. бодхисаттва «Земное хранилище». Принес обет помочь освобождению всех живых существ в промежуток между *паринирваной* будды Шакьямуни и грядущим приходом Майтреи. Изображается как монах с посохом пилигрима в правой руке и с жемчужиной – в левой. Входит в число восьми *дхьяни-бодхисаттв*. Из сострадания он проникает даже в «адские сферы» и сферы мрака. Согласно традиции, его обет распространяется не только на людей и животных, но и на любую травинку.

ЛАКШАНА (кит. *сян*) – форма, облик, характерные признаки явлений.

ЛАНКАВАТАРА-СУТРА (кит. *Лэнцзя цзин*) – по традиционной версии содержит беседы и проповеди Будды, спустившегося на вершину Грдхракуту, «Пик Стервятника», в Ланке (современный остров Шри-Ланка). В сутре изложено учение о «Только Сознании», тесно связанное со школой чань. На китайский язык сделано четыре перевода: Дхармаракши (412–433), Гунабхадры (443), Бодхиручи (513) и Шикшананды (700–704). Первый перевод утерян.

ЛИНЬ-ЦЗИ (ум. 866) – Учитель Исюань, основоположник чаньской школы линьцзи в монастыре Чжэньчжоу, провинция Хэбэй. Ученик Хуан-бо и учитель многих просветленных последователей. Получили известность его «четыре типа криков», каждый из которых служит определенным целям, концепция «сияющей мудрости» и «трех мистических утверждений», способствующих правильному пониманию «хозяина» и «гостя», субъекта и объекта, что необходимо для постижения неделимого целого *бодхи*. Линь-цзи придерживался суровой дисциплины. Ему часто ошибочно приписывают призывы не цепляться за «нечистых будд», которые являются продуктами различающего сознания. При этом забывают, что Будда также предостерегал своих последователей не цепляться за вещи. «Истинный человек без ранга» Линь-цзи олицетворяет собой ту самую просветленную природу, которую Будда называл невыразимой и не поддающейся описанию. Учитель Сюй-юнь возродил также и учение Линь-цзи.

МА-ЦЗУ (709–788) – чаньский учитель Даои из Цзянси, также известный под именем Ма-цзу или «Лошадь-предок». Выдающийся последователь Хуайжана и учитель Байчжана. Известен своими «чаньскими криками» и жесткими методами обучения посредством прямых указаний на Сознание. Умер на горе Шимэнь.

МАДХЬЯМАКА (кит. *чжунгуаньпай*) – одна из двух главных школ махаяны в Индии. В современных словарях дается ошибочное определение как «софистского нигилизма». Ее основоположник Нагарджуна говорил скорее о независимости от всех феноменов в духе «срединного пути», избегая крайностей наивного реализма и нигилизма. Он отрицал только то, что относительное знание имеет отношение к истинной природе вещей, но не высшую реальность. Мадхьямака основывается на трех шастрах, переведенных на китайский Кумарадживой: «Мадхьямака-шастра» (409), «Саташастра» (404) и «Двадасаникайя-шастра» (408).

МАХАКАШЬЯПА (кит. *Махацзяшэ*) – один из десяти главных учеников Будды. Брахман из Магадхи, ставший согласно китайским записям первым чаньским патриархом в Индии. Ему приписывается руководство составлением первого свода сутр и проповедей Будды.

МАХАПАРИНИРВАНА-СУТРА (кит. *Дабаньнепань цзин*) – согласно традиции, это последняя прижизненная сутра Будды. Название означает великий, или окончательный, вход Будды в нирвану. Переведена на китайский Дхармаракшей в 423 г. В этой сутре говорится о «Четырех добродетелях нирваны», а именно истинной вечности, истинном блаженстве, истинном Я, истинной чистоте.

МАХАСТХАМАПРАПТА (кит. *Дашичжипуса*) – один из «Трех святых» школы Чистой Земли. Изображается справа от будды Амитабхи и символизирует мудрость, в то время как Авалокитшавара слева – сострадание.

МАХАЯНА (кит. *Дачэн*) – «Большая колесница», или «Полное учение» Северной школы. Ориентирует на всеобщее спасение и достижение для этого уровня бодхисаттвы.

МАЙТРЕЯ (кит. *Мили*) – бодхисаттва, пребывающий на небесах Тушита. Будда будущего, приход которого ожидается через 5 000 лет после нирваны Будды Шакьямуни.

МАНДЖУШРИ (кит. *Вэньшу*) – бодхисаттва, символизирующий мудрость Сознания. В иконографии часто изображается сидящим на льве слева от Будды Шакьямуни. Его священная гора – Утай.

МАНТРА (кит. *чжэньянъ*) – слог, слово или стих с мистическим значением, повторяемый для успокоения ума и овладения определенными энергиями. Некоторые мантры не только способствуют достижению просветления, но могут использоваться и для других целей, например лечения.

МАРА (кит. *Могуй*) – воплощение демонических влияний, но на более глубоком уровне понимается как духовно-психическая энергия, что не отрицает объективную реальность проявлений зла и т. д.

НЕБЕСА ДХЬЯНЫ – см. *Брахмалока*.

НИДАНЫ, 12 (кит. *нитана*) – 12 звеньев в цепи взаимозависимого происхождения, или обусловленного существования. Это невежество, кармические влияния, познание, имя и форма, шесть органов чувств, соприкосновение, чувственные переживания, влечение, обладание, существование, рождение, старение и смерть.

НИРМАНАКАЯ (кит. *хуашэнь*) – два понимания: 1) как вариант *рупакаи*, или тела воплощения, обычных индивидов; 2) как особое «тело воплощения» будд и бодхисаттв, принимаемое ими для того, чтобы помогать освобождению живых существ. Самантабхадра, например, как-то воплотился в куртизанку. А Манджушри, говорят, принимает любое обличье, чтобы помогать пилигримам, идущим на гору Утай.

НИРВАНА (кит. *непанъ*) – полное освобождение от

обусловленного существования, прекращение перерождений и вход в блаженство. Буквально означает «задувание» огня невежества, которое создает неведение, или ощущение раздельного обусловленного существования.

ПАН-ЮНЬ (ум. 811), он же Дао-сюань – известный буддист-мирянин и адепт чань. Он выбросил все свои деньги в реку и стал вести простую жизнь, делая бамбуковую утварь и выращивая коноплю. Посещал знаменитых Учителей, таких как Ши-тоу и Ма-цзу, достиг полного просветления. Вся его семья также была привержена чань и хорошо разбиралась в способах передачи Сознания. Именно Пан-юню принадлежат слова «сверхъестественные способности и чудодейственные силы нужно найти в таскании воды и заготовке дров».

ПАРАМИТЫ, 6 (кит. *поломи*) – указывают на достижение «другого берега» просветления; иногда имеются в виду шесть совершенств: 1) *дана* (даяние); 2) *шила* (дисциплина или нравственность); 3) *кшанти* (терпение); 4) *вирья* (решимость); 5) *дхьяна* (медитация); 6) *праджня* (мудрость).

ПИТАКА (кит. *цзан*) – означает «корзина», «хранилище», «вместилище». Китайская *Трипитака*, или «Три корзины», состоит из текстов *винаи*, *сутр* и *шастр*.

ПРАДЖНЯ (кит. *паньжу*) – мудрость, присущая все людям; мудрость недвуальности.

ПРАДЖНЯПАРАМИТА-СУТРА (кит. *Паньжуполоумитоу цзин*) – в действительности это несколько сутр, в которых проясняется значение пустоты (*шуньята*). Древнейшая версия – это «Ашта-сахасрика», первый китайский перевод принадлежит Локаракше, сделанный им в 172 г. Длинный вариант, «Махапраджняпарамитра-сутра», переведен Сюань-цзаном в VII в. и

состоит из 600 цзюаней (свитков) в 120 книгах. Особую ценность представляют короткие варианты, такие как «Ваджраччхедика» или «Хридая», в которых квинтэссенция мудрости подана в компактном виде.

ПРАТЬЕКА-БУДДА (кит. *Пичи-фо*) – пробужденный и осознавший «цепь причинности», но ведущий уединенный образ жизни и стремящийся к просветлению только для себя. Это состояние рассматривается как уступающее состоянию бодхисаттвы, стремящегося к благу всех живых существ.

ПУТО – священный остров недалеко от Нинбо, провинция Чжэцзян. Бодхимандава Авалокитешвары, или Гуань-инь.

РУПА (кит. *сэ*) – форма, вещество.

САДДХАРМА-ПУНДАРИКА-СУТРА (кит. *Мяофаляньхуа цзин*) – «Лотосовая сутра». Сутра, в которой Будда излагает представление о существовании «Единого средства» (*Экаяна*) и объясняет, что методы хинаяны – лишь временные меры, необходимые для того, чтобы привести последователей к пониманию единой дхармы-природы. Существуют три китайские версии: Дхармаракши (285), Кумарадживы (400) и совместный перевод Джнянагупты и Дхармагупты (601).

САМАДХИ (кит. *дин, саньмэй*) – состояние ментальной и духовной безмятежности, результат успешной медитации, но не медитация сама по себе. На него не влияют никакие феноменальные проявления.

САМАНТАБХАДРА (кит. *Пусянь*) – бодхисаттва, символизирующий фундаментальный закон, *дхьяну* и практику всех будд. Известен своими «десятью обетами». Появляется в разделе Гандавьюхи в «Аватамсака-сутре», его *бодхимандалой* является гора Эмэй в Сычуани.

САМБХОГАКАЯ (кит. *Баошэнь*) – букв. «тело на-

грады». Указывает на тело наслаждения, обретенное Буддой как плод прошлых заслуг в качестве бодхисаттвы.

САМСАРА (кит. *шэнсы*) – буквальное значение китайского термина «рождение и смерть», в то время как индийский означает «странствование» в обусловленном существовании в бесконечном круговороте рождения, жизни, смерти и перерождения.

САНГХА (кит. *сэнцзя*) – община буддийских монахов и монахинь.

САМОПРИРОДА, САМОСОЗНАНИЕ (кит. *цзысин, цзысинь*) – сущность учения чань состоит в «прямом указании на Сознание для восприятия самоприроды и достижения буддовости». Поэтому термин «самоприрода», «самосознание», означает прирожденную *бодхи* - природу, а не «эго-самость», связанное с телом, состоящим из четырех элементов. Эти термины указывают на «Самость всего», *дхармату* или Дхарма-природу. В «Нирвана-сутре» Будда говорил о «великой Самости», постижение которой становится возможным лишь с избавлением от эго-иллюзии.

СИН-СЫ (ум. 471) – чаньский учитель Син-сы из монастыря Цинюань. Школа, основанная им, получила известность как линия «Цинъюань».

СТУПА (кит. *туна*) – рака, обычно в форме колокола, для хранения праха монахов или святых и поклонения им.

СЮАНЬ-ЦЗАН (ум. 664) – выдающийся монах династии Тан, который в 629 г. совершил путешествие в Индию за оригиналами сутр. Он проехал через Центральную Азию и Афганистан и привез в Китай в 645 г. 657 индийских трактатов. Он осуществил переводы на китайский в объеме 1300 томов, а также написал «Путешествие на Запад» («*Сию цзи*»).

СЯНЬ-ШОУ – один из пяти патриархов хуаянь, также известен под именем Фа-цзан. Плодовитый комментатор «Аватамсака-сутры». В знак особого уважения его называют «Сяньшоу», «Мудрая голова». Император даровал Фа-цзану титул «Учитель дхармы Гои», что означает «Первый в государстве».

ТАТХАГАТА (кит. *Жулай*) – именование Будды, означающее «так шествующий», указывает на «таковость», присущую всем буддам.

ТЯНЬТАЙ, ШКОЛА – гора Тяньтай в уезде Тайчжоу, провинция Чжэцзян. Центр буддизма направления тяньтай, которое опирается на практики, описанные в «Лотосовой сутре», «Махапаринирвана-сутре» и «Махапраджняпарамита-сутре», а также в «Мадхьямика-шастре» Нагарджуны. Открытие всех тайн достигается посредством «тройного прозрения», которое является вариантом медитации «Шаматха-випашьяна». Начало школе положил учитель Хуйвэнь, живший при династии Северная Ци (550–578). Окончательное становление произошло при учителе Чжи-и с горы Тяньтай, написавшем на вышеназванные и другие сутры многочисленные комментарии.

ТРИКАЯ (кит. *саньшэнь*) – три тела будды: *нирманакая*, или тело воплощения; *самбхогакая*, или тело награды, *дхармакая*, или тело сущности.

УПАСАКА/УПАСИКА (кит. *цзинсиньнань/цзиньшаньнюй*) – соответственно последователи мужского и женского пола, которые соблюдают первые пять заповедей: не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не лгать и не принимать опьяняющие вещества.

У – как «Цзеу» означает пробуждение, просветление. Не путать с омонимичным термином, который означает «ничто», «не» – пустой аспект сознания.

УТАЙШАНЬ – гора Пяти вершин, посвященная

Манджушри, расположена в провинции Шаньси. Здесь находятся знаменитые монастыри Сяньтун и Пусадин. Считается, что Манджушри является в самых разных обличьях, помогая паломникам, посещающим это святое место.

ФАХУА/ФАХУА ЦЗУН – *Фахуа*, или «Цветок дхармы», одно из многочисленных названий «Лотосовой сутры». Так как школа *тяньтай* опирается на «Лотосовую сутру», ее часто называют «Школой Цветка дхармы».

ФАСЯНЬЦЗУН – школа Дхармалакшаны. Основана в Китае монахом Куй-цзи (632–682). Призывает к открытию высшей реальности, лежащей в основе феноменального мира, посредством медитации на отношениях между отличительными признаками (*лакшана*) вещей и сознанием (*виджняна*). Опирается на принцип «Только Сознания» в духе идеалистических доктрин Майтраянтхи, Асанги, Васубандхи, которые получили известность в Китае благодаря Сюань-цзану.

ФА-ЖУН (584–657) – просветленный преемник Даосиня, четвертый чаньский патриарх. Школа этого учителя получила известность под названием «Школы Бычьей головы», так как его монастырь находился к югу от Наньцзина на горе Ньютоу, что означает «Бычья голова».

ФА-ЯНЬ (885–958) – чаньский учитель Вань-и, он же Фа-янь. Основоположник чаньской школы фаянь из монастыря Цинлян в округе Шэнчжоу (современный Наньцзин). Ученик Гуй-чэня. Имел множество последователей, из которых наиболее известны Дэ-чжао, Хуй-чжу, Лун-гуан и Тай-цинъ. Эта школа была возрождена учителем Сюй-юнем. Ее последователи стремятся отождествлять любые феномены с абсолют, так как полагают, что три мира «желания, формы и бесформенного»

возникают в Едином Сознании.

ХАНЬ-ШАНЬ (Холодная Гора, 627–649) – эксцентричный буддист и поэт времен династии Тан, который жил на горе Тяньтай. Хань-шань и его «безумный» друг Ши-дэ («Найденыш») часто изображаются как пара сумасшедших бродяг. Говорят, они питались отбросами храмов, расположенных на горе Тяньтай. Многочисленные стихотворения Хань-шаня популярны по сей день не только в Китае, но и в Японии. Буддисты отождествляют Хань-шаня с «телом превращений» или Манджушри.

ХАНЬ-ШАНЬ (Глупая Гора, 1564–1623) – имя, которое принял чаньский учитель Дэ-цин, возродивший традицию чань при династии Мин. Знамениты его многочисленные, написанные после просветления комментарии на различные сутры и шастры, а также по конкретным чаньским практикам. Во время одного из ритритов он вместе со своим спутником просидел в самадхи без сна и еды в течение сорока дней и ночей. При жизни Хань-шань восстановил много храмов.

ХЭТУВИДЬЯ ШАСТРА (*кит. Инмин лунь*) – одна из пяти *Панчавидья шаштр*, объясняющих причины и следствия, или закон причинности. Соответствующая индийская школа основана Аксападой. Изложение разворачивается в виде своего рода силлогизма, включающего: 1) посылку (*пратиджня*); 2) обоснование (*хэту*); 3) пример (*дрштанта*); 4) приложение (*упаная*); 5) вывод (*нигамана*).

ХИНАЯНА (*кит. Сяочэн*) – букв. «Малая колесница», предварительное учение, данное Буддой, согласно Северной школе. «Нирвана» описана в «Лотосовой сутре» как «град иллюзий» или временное прибежище тех, кто еще не созрел для восприятия учения махаяны, или «Великой колесницы».

ХУАТОУ – букв. «голова слов». Чаньский термин. Первоначально указывал на главную тему, суть литературного пассажа. Заимствован чаньскими учителями для указания на истинный смысл чаньского изречения. При этом содержание понятия стало совершенно другим. В чаньской практике *хуатоу* обозначает сознание до того, как оно приходит в возбужденное состояние, и, таким образом, его следует понимать как «до-слово» или как «предмысль». Поэтому не вполне правомерно переводить этот термин как «глава речи», так как в чань *хуатоу* ищут и в речи, и в молчании, и в словах, и вне слов. *Хуатоу* – это сознание, еще не потревоженное мыслью, состояние до раздвоения сознания. На практике это понятие неотделимо от другого – *ицзин*, или «ощущение сомнения», означающее сомнение в том, «кто» ищет *хуатоу*. Без «ощущения сомнения» *хуатоу* не может быть эффективным. См. «Беседы Сюй-юня и миры дхарм».

ХУАВЭЙ – букв. «хвост слов» или «хвост мысли». В то время как *хуатоу* означает «голову мысли», «до-слово» или точку до того, как сознание приходит в действие и вовлекается в процесс различения, *хуавэй* указывает на сознание после раздвоения, когда в нем уже формируются понятия. Большинство практикующих обнаруживают, что в начале практики в сознании сначала имеет место различение в отношении *хуатоу*, а не всматривание в него. Это состояние и имеется в виду под *хуавэй*, «хвостом мысли».

ХУАЙ-ЖАН (677–744) – просветленный преемник Хуй-нэна и учитель Ма-цзу. С ним связан эпизод «шлифовки черепицы», в результате которого Ма-цзу достиг просветления. Так как Хуай-жан жил и учил в монастыре Чуаньфа на горе Хэн в уезде Наньюэ, провинция Хунань, эта линия передачи называется «линией Наньюэ».

ХУАН-БО (ум. 489) – Учитель Си-юнь из монастыря Гуантан на горе Хуанбо, провинция Фуцзянь. Просветленный преемник Бай-чжана и учитель Линь-цзи. Он предъявлял особо жесткие требования к ученикам и настаивал на устранении любых дуалистических представлений, без различия на «мирские» или «святые» мысли, включая само понятие «достижения» и «реализации». Таким образом, сознание становится абсолютно покойным и бесстрастным и совпадает с истинным.

ХУА-ЛУН (ум. 1069) – чаньский учитель Пу-цзюэ с горы Хуанлун. Он же Хуй-нань, основоположник одного из течений школы линьцзи. Известен концепцией «трех врат». Это течение получило распространение в Японии благодаря монаху Ю-саю.

ХУЙ-НЭН (ум. 713) – Шестой и последний патриарх школы чань, благодаря которому это направление получило широкое распространение в Китае. Ученик Хунжэня из монастыря Дунчань, уезд Хуанмэй. Учение Хуйнэна построено на «не-привязанном сознании», чистом и изначально пребывающем выше «рождения и смерти». Об этом говорится в его знаменитой гатхе: «Изначально нет дерева просветления, нет и подставки для него с чистым зеркалом». И все же ему приходилось учить своих учеников «очищению сознания» посредством избавления от дуалистического мышления, напрямую ведущего к «рождению и смерти». Ошибочно считают, будто он был против сутр и обычных способов раскаяния и искупления, что не подтверждается его «Алтарной сутрой» («*Тань цзин*»). Когда он жил в монастыре Баолинь, его учение стало распространяться по всему Китаю. Главные преемники – Хуай-жан и Синсы.

ХУЙ-ВЭНЬ (неизв.) – чаньский учитель династии Северная Ци (550–578), основал школу тяньтай, достиг-

нув полной реализации после чтения «Мадхьямикашастры» Нагарджуны. Позиции школы тяньтай упрочились позже при Чжи-и.

ХУЙ-ЮАНЬ (ум. 417) – основатель китайской школы Чистой Земли и «Общества Белого Лотоса» на горе Лу в провинции Цзянси.

ЦАОДУНЦЗУН – одна из пяти школ чань. См. *Цао-шань* и *Дуншань*.

ЦАО-ШАНЬ – чаньский учитель Цао-шань Бэнь-цзи (840–901). Просветленный преемник Дун-шань Лян-цзе, совместно с которым считается основоположником школы цаодун. Известен учением о «Пяти рангах», согласно которому правильное понимание феноменального и ноуменального, или «гостя» и «хозяина», подразумевает их нераздельное единство. Цаошань – название горы в Цзишуй, где Бэнь-цзи наставлял своих последователей в Цзянси. Это название – дань почтения Хуй-нэну, учение которого пользовалось большой популярностью в Цаоси.

ЦАОСИ – «Ручей Цао». Название ручья и местности в провинции Гуандун, где после посещения индийского учителя *Трипитаки* Джананабхайсаджи (ок. 502) был построен монастырь Шестого патриарха. Леса в округе напомнили Джананабхайсадже прекрасные леса запада Индии, и он предложил создать здесь монастырь под названием «Драгоценный лес» (*Баолинъ*), а также предсказал появление бодхисаттвы, который принесет освобождение бесчисленному количеству чувствующих существ. Позже этот монастырь действительно был прославлен Хуй-нэном и стал крупнейшим центром чань-буддизма. Нетленные тела Джананабхайсаджи и Хуй-нэна все еще находятся в Цаоси. Впоследствии монастырь получил название *Наньхуа* и наряду со многими другими был восстановлен учителем

Сюй-юнем.

Главное отличие школы чань, таким образом, состоит в стремлении к непосредственному и мгновенному просветлению в противоположность постепенному пути через определенные стадии постижения. Пять главных школ чань в Китае – гуйян, линьцзи, цаодун, юньмэнь и фаянь.

ЦИН – каменное било или небольшой колокольчик, используемые китайскими буддистами. Первый предназначен для того, чтобы выводить из медитации, а второй сопровождает чтение сутр, повторение мантр и т. п.

ЦЗИЦЗУШАНЬ – гора Петушиная Ступня в уезде Дали, провинция Юньнань. Местонахождение монастыря Инсян, настоятелем которого учитель Сюй-юнь был несколько лет. Один из первых восстановленных Сюй-юнем буддийских храмов, известен как *бодхиманда* Махакашьяпы в Китае.

ЦЗЮХУАШАНЬ – *бодхиманда* бодхисаттвы Кшитигарбхи в Китае, расположена в провинции Анхуй.

ЧАНЬ – часто переводится как *дхьяна* (кит. *чань-на*), но в «Передаче сознания», т. е. собственно в школе чань, имеет более широкое значение. Последователи чань действительно развивают *дхьяну* и *праджню*, или сосредоточение и мудрость/постижение, но эти термины в школе чань трактуются не в статическом, а в динамическом плане. Бодхидхарма «указывал прямо на Сознание», приводя к непосредственному познанию дхармакаи, или тела будды, без прохождения последовательных стадий, описанных в буддийской литературе. Его китайские последователи продолжали «указывать на Сознание» без обращения к особым практикам, и в прежние времена простого намёка на присутствие неизменного Сознания было достаточно для того, чтобы пробудить учеников, показав им различие между изна-

чально неподвижным Сознанием и их прежним сравнивающим мышлением, которое и было причиной несвободы. Из практических соображений такое прямое указание стали называть чань. Впоследствии людям стало труднее отбрасывать ложное мышление, и учителя были вынуждены прибегать к таким странным на первый взгляд приемам, как крики, удары и т. д., а также начали использовать *гунъани* и *хуатоу*. Но в любом случае они хотели лишь указать на это Сознание.

ЧЖАО-ЧЖОУ (778–897) – чаньский учитель Гуншэнь из монастыря Гуаньинь в Чжаочжоу. Ученик Наньцюаня, учитель многих выдающихся последователей. Ему принадлежит *гунъань* «У».

ЧЖЭНЬЖУ – см. *Бхутататхата*.

ЧЖЭНЬЖУ, МОНАСТЫРЬ – знаменитый монастырь на горе Юньцзюй, провинция Цзянси. При династиях Тан и Сун был широко известен как центр школы цаодун. Последний из восстановленных учителем Сюй-юнем монастырей.

ШАСТРА ПРОБУЖДЕНИЯ ВЕРЫ (кит. *Дачэн цисинь лунь*) – знаменитый комментарий, приписываемый Ашвагхоше. На санскрите называется «*Махаяна-шраддхотрапада-шастра*». В ней излагается точка зрения махаяны на всеобщее просветление. Санскритский оригинал утерян, сохранились переводы на китайский Парамартхи (554) и Шикшананды (695–700). Данная шастра пользовалась значительным влиянием в дальневосточном буддизме, в том числе в таких школах махаяны, как чань, Чистой земли и тяньтай.

ШКОЛА ЧИСТОЙ ЗЕМЛИ (кит. *Цзинту цзун*) – основана в Китае учителем Хуй-юанем (ум. 417). Ее приверженцы ищут спасения в вере в будду Амитабху вкупе с повторением мантр и техниками визуализации. Эта практика оказывает то же действие, что и способ *хуа-*

тоу в чань, и также использовался учителем Сюй-юнем.

ШРАВАКА (кит. *Шэнвэнь*) – букв. «Слышащий звуки». Последователь хинаяны, воспринявший и практикующий учение Будды, но не обладающий мудростью и состраданием бодхисаттвы.

ШУНЬЯ (кит. *кун*) – пустота, присущая пустота. Термин, используемый Буддой, для указания на пустоту, присущую феноменальным вещам. Для того чтобы последователи не увлекались самим термином, он также говорил о «пустотности пустого» или о «пустоте пустоты» (*кун кун*).

ШУРАНГАМА-СУТРА (кит. *Лэнъянь цзин*) – переведена Парамити в 705 г. в монастыре Чжичжи, современный Гонконг. В ней объясняется причина подверженности заблуждениям и излагаются способы превращения «сознания-сокровищницы» в «великое зеркало-мудрость» через сублимацию органов чувств, объектов чувства и данных органов чувств.

ЭГО и ДХАРМА (кит. *во* и *фа*) – в «Ваджраччхедике» («Алмазная сутра») говорится о двух видах иллюзии «эго» и «дхармы». Первый свойствен обычному мирскому человеку, который верит, что в этом теле, состоящем из четырех стихий, имеется некое реальное, вполне определенное «я», противостоящее миру объективных вещей (*дхарма*), которые независимы от сознания, на самом деле их порождающего. После устранения этого грубого заблуждения человек сталкивается с более тонкой иллюзией «эго и дхармы» в виде ума, наблюдающего за собственной деятельностью, и пониманием. Этот дуализм гораздо труднее увидеть и преодолеть, на что неоднократно указывали такие Учителя, как Ханьшань и Сюй-юнь.

ЭМЭЙ ШАНЬ – *бодхиманда* бодхисаттвы Са-

мантабхадры, находится в провинции Сычуань. Самантабхадра, или «*Пусянь*» (Всеблагод), почитается как покровитель *дхьяны* и практик всех будд. В буддийской иконографии изображается сидящим на белом слоне. Он считается покровителем «Лотосовой сутры» и ее почитателей, а кроме того, ассоциируется с «Аватамсака-сутрой» (*Хуаянь цзин*). В последнем качестве он среди дальневосточных буддистов известен «десятью обетами», изложенными в послесловии «*Синюань пинь*».

ЮН-МИН – (904–975), он же Янь-шоу – выдающийся учитель чань и плодовитый комментатор. Также проповедовал буддизм Чистой Земли и считается одним из девяти патриархов этого направления. Автор объемистого сочинения «*Цзунцзин лу*» («Записи истока зеркала»), написанного с целью объяснить вспомогательный характер любых практик.

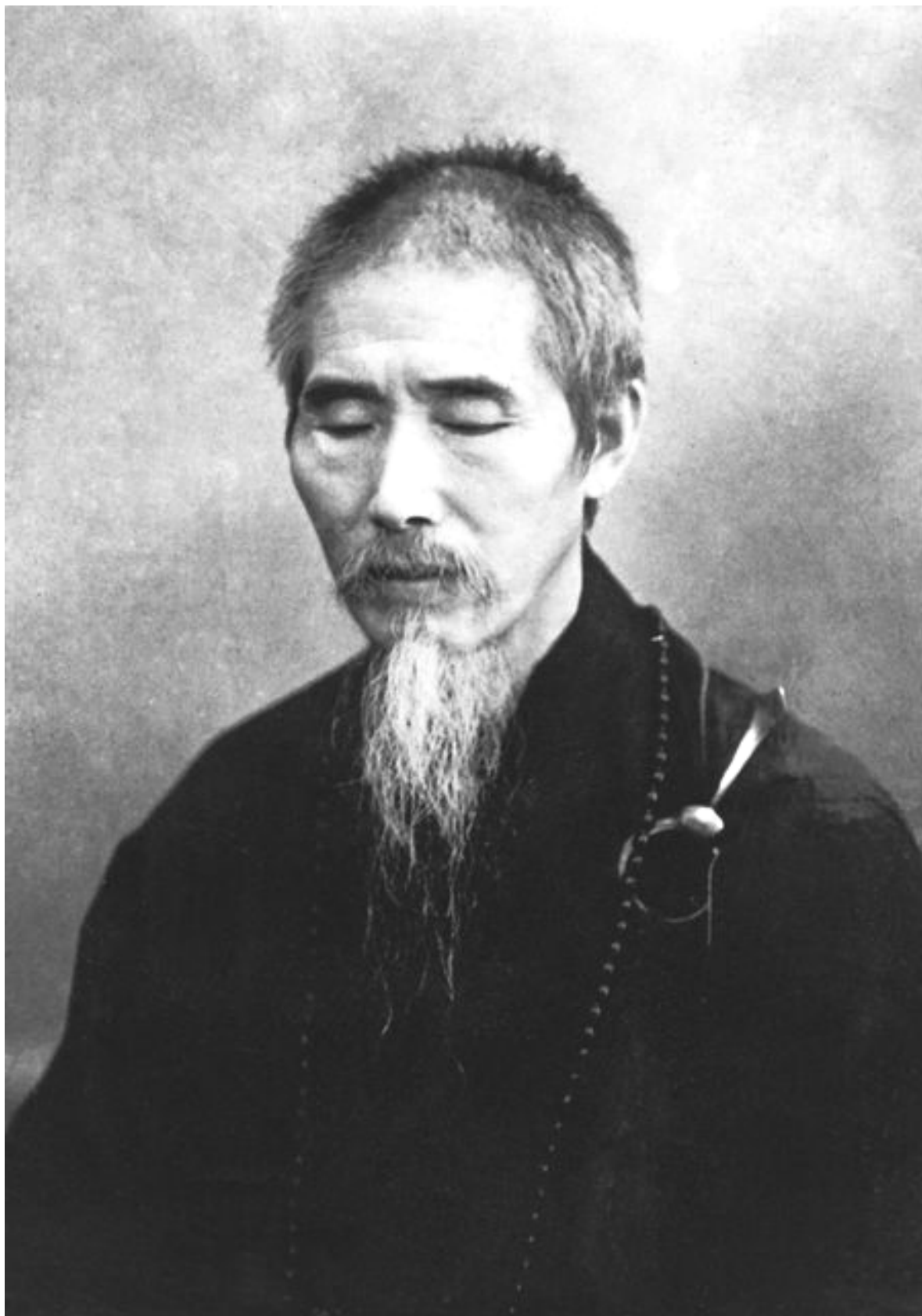
ЮН-ЧЖЭН – император начала династии Цин (прав. 1723–1735), который ввел при дворе периоды медитации, так называемые Чаньские недели. Чаньский учитель Тянь Хуй-чэ из монастыря Гаомин в Янчжоу достиг просветления во время этих курсов медитации.

ЮНЬ-МЭНЬ (ум. 949) – чаньский учитель Вэнь-янь из монастыря Юньмэнь в местности Шаочжоу, провинция Гуандун. Основатель чаньской школы юньмэнь. Ученик Му-чжоу и Сюэ-фэна, учитель Шоу-чу и многих других просветленных последователей. Ему принадлежат концепции «учения одного слова» и «трех врат».

ЮН-ЦЗЯ (665–713) – Учитель Сюань-цзюэ из Юнцзя. Выдающийся приверженец тяньтай и чань, автор знаменитой «Песни просветления», «*Чжэндао гэ*». О нем говорят как о «просветлевшем за одну ночь» после посещения Хуй-нэна в Цаоси. Написал многочисленные комментарии на практики тяньтай и чань.

ЯН-ШАНЬ (814–890), он же чаньский учитель Хуйцзи – один из основателей школы гуйян, который проповедовал на горе Ян недалеко от Юаньчжоу, провинция Цзянси. См. Гуй-шань.

Иллюстрации

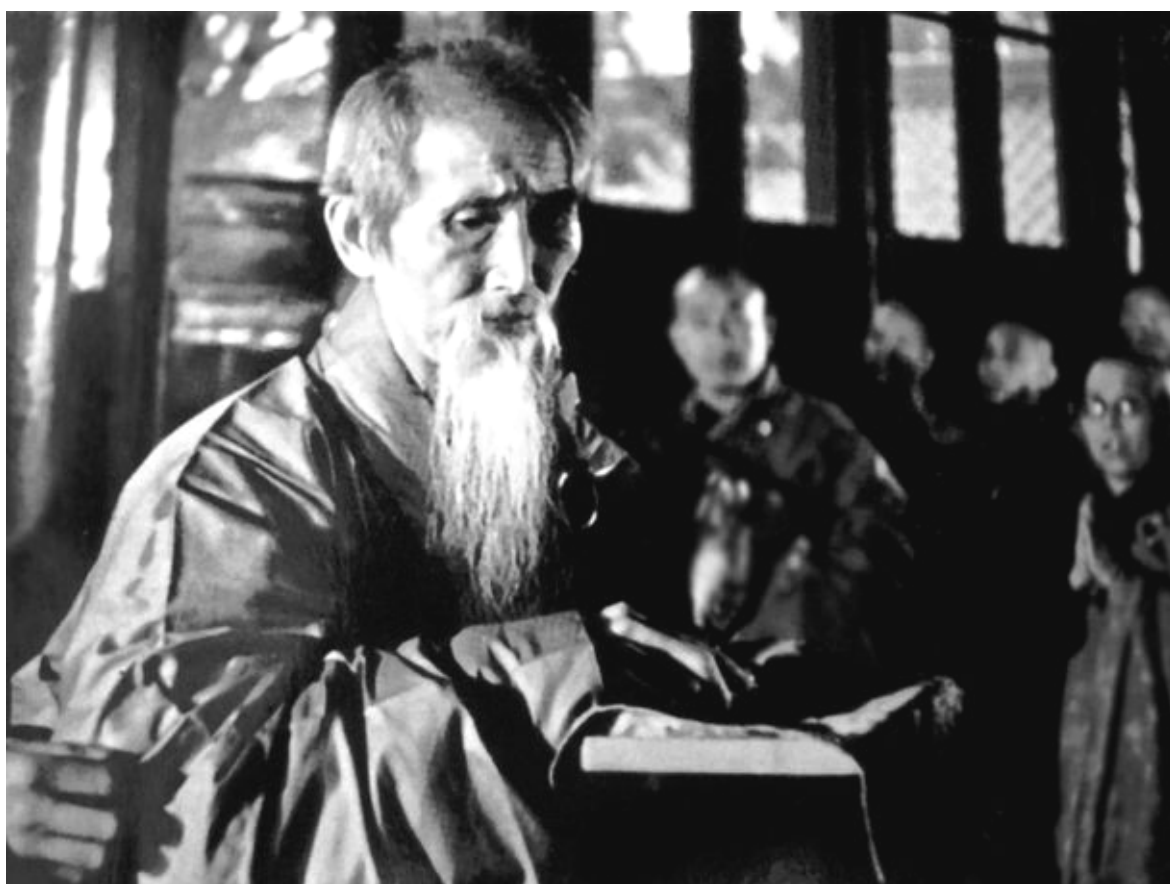

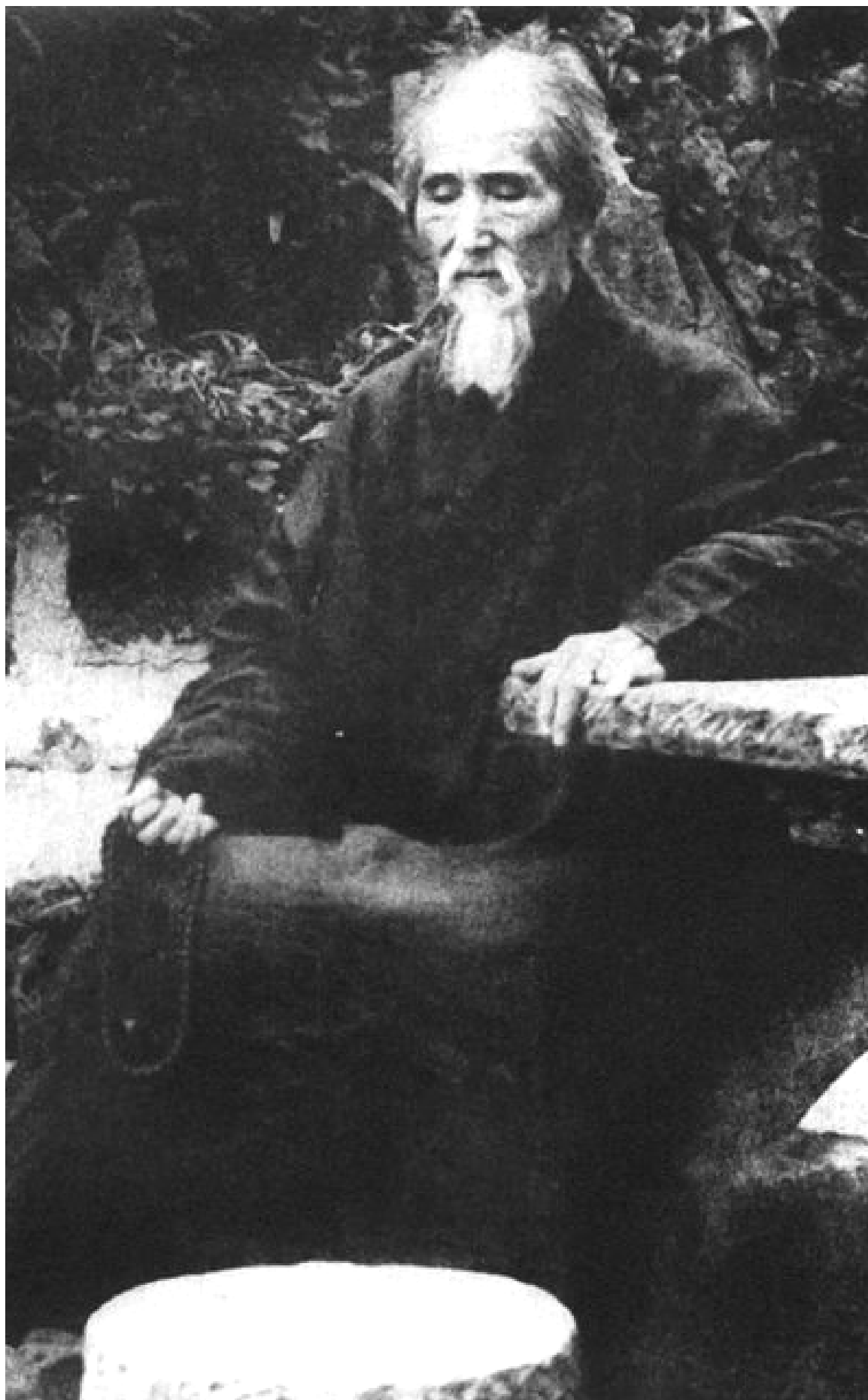

Учитель Сюй-юнь в монастыре Юнцюань на горе Гушань. В этом храме Сюй-юнь нашел прибежище в юности. Имя монаха, стоящего рядом, неизвестно. Это может быть его старый учитель, Мяо-лянь

Учитель Сюй-юнь на горе Юньцзюй, провинция Цзянсу, 1959. На горе Юньцзюй был монастырь Чжэнь-жу, последний из восстановленных при его жизни. Сюй-юню на фотографии 120 лет

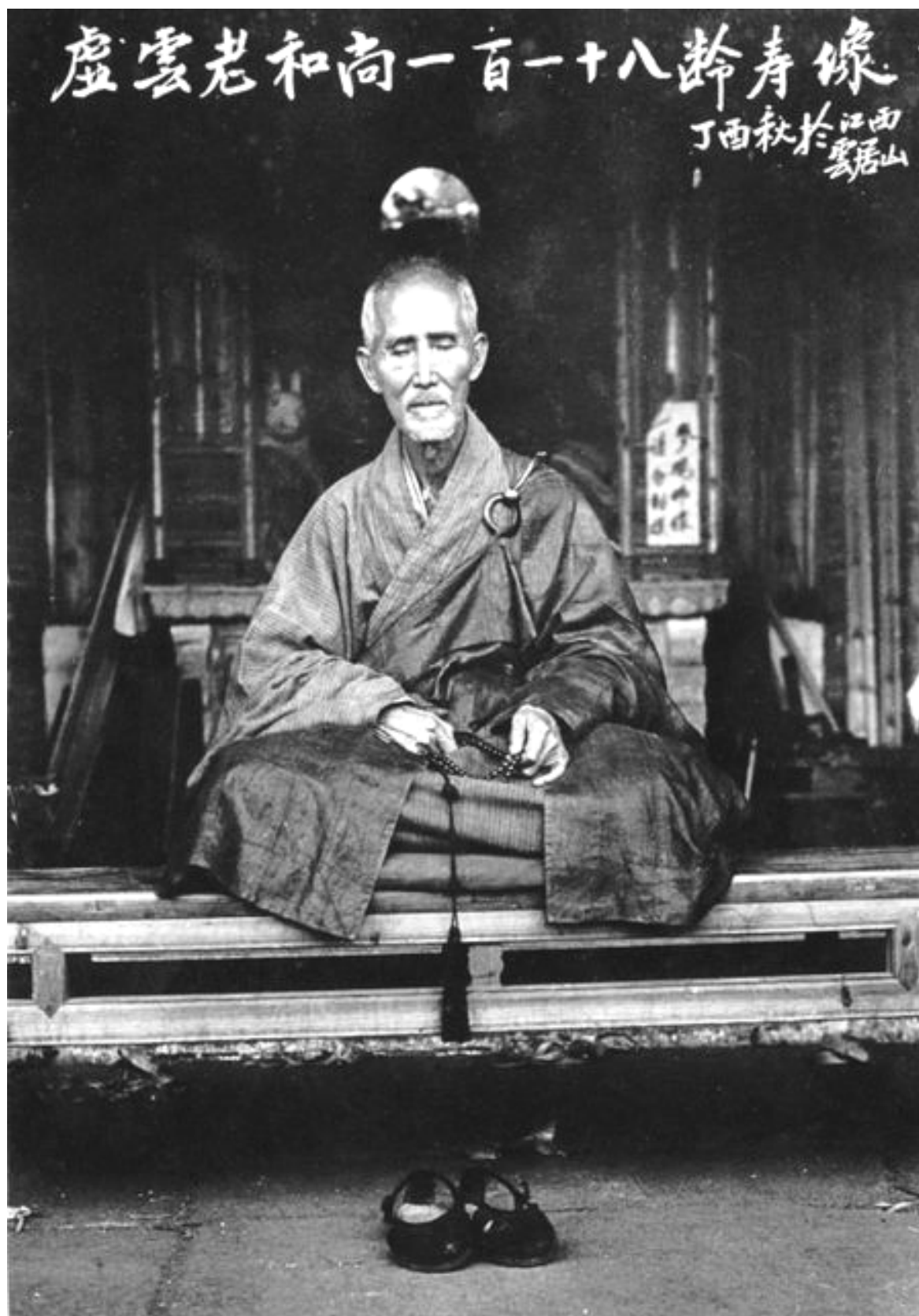

Сюй-юнь с Анандой Дженингс, 1948/49

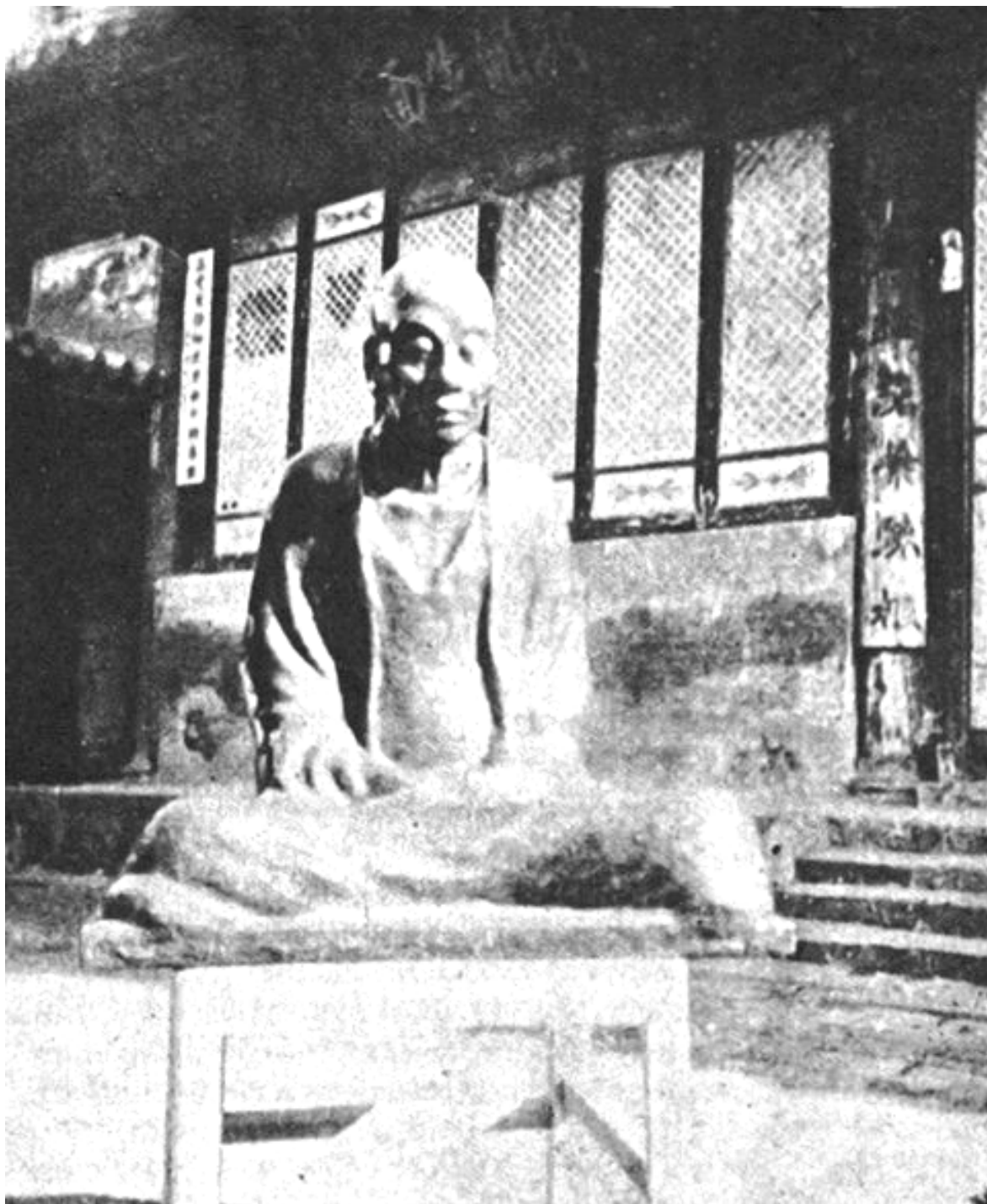
Учитель Сюй-юнь с преподобным Лай-го
(дата неизвестна)

Учитель Сюй-юнь в монастыре Гуаньцзи, Пекин, 1952 г.

Тело учителя Хань-шаня в монастыре Шестого патриарха. Учитель Хань-шань (1546–1623) был выдающимся чаньским монахом династии Мин. Он восстановил монастырь Шестого патриарха в Цаоси (пров. Гуандун) за три сотни лет до того, как то же самое сделал Сюй-юнь

Тело учителя Хуй-нэна (638–713) в монастыре Наньхуа. Монастырь Наньхуа (ранее Баолинъ) стал известным благодаря Хуй-нэну. Оттуда впоследствии вышли все великие чаньские школы. Сюй-юнь также восстановил этот храм

Учитель Сюй-юнь в 113 лет (1952–1953) Храм Трех Будд, Учан.

Учитель Инь-гуан (ум. 1940) *См. речь Сюй-юня, 21 декабря 1952 г.*

Учитель Сюй-юнь в монастыре Чжэньжу (1957–1958)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
Автобиография Сюй-Юня с 1-го по 112-й годы жизни..	6
Биография Сюй-Юня с 113-го по 120-й годы жизни.....	178
Ежедневные наставления на сдвоенной чаньской семидневке в монастыре Нефритового Будды в Шанхае в 1953 г.....	192
Первая семидневка.....	192
Вторая семидневка.....	239
Глоссарий.....	294
Иллюстрации.....	322